

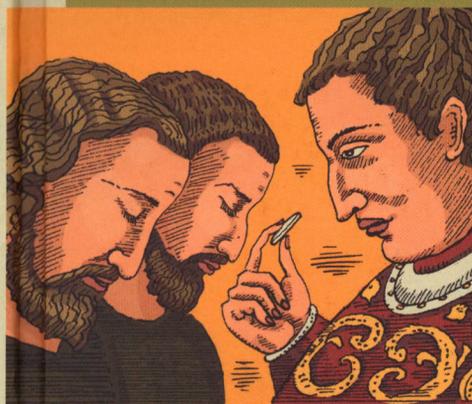
история/география/этнография

История ордена иезуитов

Генрих Бёмер

История ордена иезуитов

Генрих Бёмер

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Генрих Бёмер

История
ордена иезуитов

Перевод с немецкого
Н. Попова

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 271.5
ББК 86.375
Б45

*John Burt
Vitavus & Kali*

Heinrich Böhmer
DIE JESUITEN

Иллюстрации И. Тибиловой

Игнатий Лойола,
его происхождение и обращение

В марте 1515 года в Пампелуне, в Наварре, епископский судья и представитель коррехидора¹ провинции Гипускоа сильно поспорили из-за молодого рыцаря, который с последних чисел февраля ожидал суда в тюрьме епископского дворца. Молодой преступник совершил вместе с одним клириком во время веселых ночей карнавала ряд «огромных преступлений» в провинции Гипускоа, ускользнул из суровых рук коррехидора, бежал в Наварру и теперь утверждал, что он тоже клирик и, следовательно, не подлежит осуждению королевским судом, а должен отвечать за свои проступки перед более снисходительным церковным трибуналом. К несчастью, коррехидор смог доказать, что обвиняемый вел совершенно недуховную жизнь, что в течение долгих лет он носил одеяние и оружие рыцаря и длинные волосы без малейшего следа тонзуры, «величиной хотя бы со свинцовую папскую печать». Поэтому коррехидор энергично требовал от духовного суда выдачи бежавшего. Церковному судье оставалось только удовлетворить это требование, и, хотя у нас нет документальных данных, весьма вероятно, что заключенный был передан светскому трибуналу и подвергнут суро-

вой каре: светский суд любил сурово наказывать за проделки дворян, особенно если последние так неблагоприятно рассчитывали ускользнуть из его рук.

Конфликты между церковными и светскими судами в эту эпоху происходили нередко; молодые люди и теперь достаточно часто позволяют себе эксцессы во время ночей карнавала. Однако упомянутые выше документы особенно заслуживают изучения потому, что в них мы впервые встречаем имя, которому предстояло в будущем приобрести огромную известность.

Дон Игнатий (Иниго) Лопес де Рекальдо Лойола — таково было имя того молодого рыцаря, из-за права судить которого спорили государство и церковь; а его верным товарищем, принявшим участие в его «огромных и вероломных преступлениях», был капеллан дон Педро де Онас Лойола. Акты не говорят нам, в чем заключались эти преступления, но они несомненно доказывают, что дон Игнатий не был в это время святым и несколько не стремился стать им. Впрочем, а как могли у него уже тогда появиться такие высокие стремления? Конечно, вполне возможно, что отец, дон Бельтрам де Лойола, предназначал его одно время для духовной карьеры. У дона Бельтрама было не менее тринадцати детей, и вполне естественно, что ему могла прийти мысль направить последнего из своих восьми сыновей, дона Игнатия, на церковную стезю, тем более что старший, дон Педро, был уже вполне прилично обеспечен благодаря деятельности на этом поприще.

Но если и предположить, что подобный проект когда-либо существовал, то позднее дон Бельтрам, несомненно, оставил его, так как мы встречаем дона Игнатия совсем еще молодым пажом в доме великого казначея дона Жуана Веласкеса-и-Квеллара в Аревало, в Кастилии. Этот дом бесспорно считался одним из наиболее выдающихся заведений придворно-рыцарского воспитания, находившегося тогда в Испании в стадии наивысшего расцвета. Но образ жизни этого дома был не таков, чтобы состоявшие здесь юные пажи могли почувствовать склонность к святой жизни. Поэтому мы не должны удивляться тому, что в 1515 году двадцатичетырехлетний дон Игнатий еще вел светский образ жизни. Теми боже-

ствами, которым он служил всем сердцем и всей душой, были любовь и честь. Если, кроме того, он гордился своей католической верой, глубоко презирал новообращенных морисков² и горел желанием сразиться с неверными, и в этом не было ничего поразительного для испанского рыцаря. Конечно, у него был также свой, особенно чтимый святой, и этого святого, апостола Петра, он прославлял даже в стихах.

Ни одна черта в характере и поведении Игнатия не свидетельствовала об особенно живом интересе к религиозным вопросам. Однако рано было замечено, что он обладает исключительной способностью заставлять людей делать то, что он хочет, и вести трудные переговоры. Поэтому в семье не сомневались, что он пойдет дальше своих старших братьев, которые избрали себе военную карьеру и успели уже доблестно поддержать честь дома Лойолы на полях битвы в Южной Италии и в рядах конкистадоров Нового Света. Но пока он был еще молодым рыцарем, с массой свободного времени, без больших перспектив на какую-либо выгодную должность. Поэтому не следует удивляться, что горячая кровь Лойолы находила выход во всякого рода буйных предприятиях, что он, за неимением чего-либо лучшего, с увлечением разыгрывал из себя донжуана и совершенно бесполезно тратил время на сочинение стихов, чтение романов и на всякого рода приличествующие его сословию развлечения.

Но в мае 1521 года для этой молодой не востребованной силы наступил час испытания, когда французская армия внезапно перешла Пиренеи, оспаривая победу Карла V³ над восставшими кастильскими городами. Вторжение увенчалось полным успехом, и испанские войска были вынуждены уйти со всей территории Наварры. Только в цитадели Пампелуны остался небольшой гарнизон. Но и он был так мало расположен к решительным действиям, что на военном совете офицеры высказались за немедленную капитуляцию.

Против сдачи выступил только один; то был дон Игнатий де Лойола. «Не сдаваться, драться врукопашную» — таков был лозунг, который он выдвинул с пылким красноречием. Убедительность его слов была так велика, что безумное предложение было принято. Французский военачальник со своей стороны, не колеблясь, принял самые решительные

меры. 21 мая, на заре, он приказал идти на приступ крепости. Уже одно из первых ядер пробило широкую брешь в стене, на которой ожидал врага дон Игнатий, приготовивший свою душу молитвой и покаянием; другое ядро едва не оторвало правую ногу храброго защитника, между тем как левая нога была тяжело ранена оторвавшимися от стены камнями. Вскоре крепость, последняя опора Карла V в Наварре, пала.

Великодушный победитель приказал тщательно перевязать раненого и, как только позволило его состояние, перенести его на носилках через горы в замок Лойола около Аспейции. Переезд причинил Игнатию большие страдания. Скоро выяснилось, что первая помощь была оказана плохо и правая нога срослась неправильно. Пришлось ее снова ломать. Положение Игнатия после этой операции настолько ухудшилось, что 28 июня его причастили. Но в полночь, когда уже начинался день, посвященный святому Петру, которого больной всегда очень чтил, наступило внезапное улучшение.

Игнатий постепенно поправлялся. Кости уже начали срастаться, как вдруг он с ужасом заметил, что его правая нога стала короче левой и что на ней выше колена появилась отвратительная опухоль. По-видимому, неумелые хирурги позабыли поместить осколок кости на свое место. Игнатий немедленно решил подвергнуть себя новой ужасной операции. Опухоль срезали, и ногу в течение нескольких месяцев растягивали и растирали мазями. Однако, хотя пациент перенес все эти мучения с невероятной стойкостью, желаемого результата достичь не удалось. В течение нескольких месяцев Игнатий не мог ходить, а правая его нога так и осталась значительно короче левой.

Вместо того чтобы снова думать о войне и приключениях, нетерпеливый рыцарь надолго оказался в постели и вынужден был примириться с печальной мыслью об отказе от рыцарской карьеры. Чтобы утешить и развлечь себя в печальном положении, он обратился к обычному ресурсу больных и потребовал книги — конечно, такие, которые любил: рыцарские романы, новеллы и другие занимательные сочинения. Но в замке Лойола нашлось всего-навсего две книги, которые и дали больному: сборник легенд о святых и «Жизнь Хри-

ста» картезианца Лудольфа Саксонского в испанском переводе Амвросия Монтесино. Игнатий с жадностью набросился на увесистые фолианты, однако скоро разочаровался и отложил их в сторону. Он предпочитал лежать неподвижно, мечтая с открытыми глазами часто в течение трех или четырех часов подряд о Жермене де Фуа, даме своего сердца. Однако скука, овладевавшая им в течение долгих дней выздоровления, снова и снова заставляла его возвращаться к этим двум книгам и все более погружаться в них.

Как обычно бывает, чем чаще он читал их, тем более свыкался с теми странными образами, которые они вызывали перед его глазами. Постепенно в нем зародились новые мысли, открывшие неожиданные пути его честолюбию. «Что, — говорил он себе — если бы ты стал таким святым, как Франциск или Доминик, и даже превзошел бы в святости Франциска и Доминика?» Однако сначала он только играл этими идеями, как незадолго перед тем играл своими любовными мечтами. Но однажды он с удивлением заметил, что они действуют на его настроение совершенно иначе: за картинами светских наслаждений быстро следовали тревога и печаль, между тем как мечты о духовном будущем порождали длительную радость.

Осознание этого факта произвело на него очень глубокое впечатление. Уже в это время он смутно разгадывал тайную причину этого различия: Бог и Сатана таинственным образом вели спор из-за его души. Из этого, сначала неопределенного, представления он скоро вывел очень важное правило поведения: отдаваться лишь тем планам, мыслям и чувствам, которые могут привести его душу в состояние длительного радостного напряжения.

Так постепенно исчезали на его горизонте миражи мирской славы и земной любви. В одну из бессонных ночей ему явилась Мадонна с младенцем Иисусом на руках. С этого момента исход внутренней борьбы был для него решен: Мадонна стала дамой его сердца; служение церкви сделалось его идеалом.

Весной 1522 года дон Игнатий навсегда покинул замок своих предков. Ближайшей целью его был Иерусалим. По возвращении оттуда он думал вступить в картезианский

монастырь в Севилье или же странствовать из одного места в другое в качестве кающегося паломника. Но хотя он и истязал себя каждую ночь, как настоящий монах, кровь предков была еще настолько сильна в нем, что он во время одного из своих путешествий чуть не вызвал на поединок мавританского рыцаря, который позволил себе непочтительно отозваться о Святой Деве. Его отвратил от этого поступка мул, к которому он обратился за указанием, как к оракулу. Животное, которому он предоставил право решить вопрос, бессознательно свернуло с дороги, по которой поехал мавр, и тихо привезло своего всадника к самому известному из святых мест Каталонии — Монтсеррату. Здесь Лойола принес сначала общую исповедь, продолжавшуюся целых три дня. Затем, вечером 24 марта, он снял с себя свое рыцарское одеяние, надел одежду странника, велел увести своего мула, повесил свою шпагу и кинжал у алтаря Богоматери и заперся в церкви. Подражая своему герою Амадису⁴, историю которого он прочитал в светской библии своего времени, он хотел посвятить себя в свое новое рыцарство ночным бдением.

То на коленях, то стоя он провел всю ночь перед чудотворной иконой в молитве. Утром он причастился и молча направился в Барселону. По дороге он остановился в Манрезе и решил здесь отдохнуть несколько дней в странноприимном доме святой Люции. Однако эти несколько дней затянулись почти на целый год. В Барселоне царила чума; порт был закрыт. Торговые связи с большими приморскими итальянскими городами, которые все еще держали монополию по перевозке на Святую землю, прервались. Опять случайность, которая повлекла за собой огромные последствия для мировой истории.

Находясь в вынужденном бездействии в Манрезе, нетерпеливый паломник предался благочестивым упражнениям и покаянию, чтобы основательно подготовиться духовными подвигами к святости, к которой он так стремился. Он не только три раза в день ходил в церковь, но каждый день в течение семи часов молился; он трижды в сутки бичевал себя; регулярно вставал в полночь, чтобы предаться своим благочестивым упражнениям; воздерживался в течение всей недели от мяса и вина и каждое воскресенье прича-

шался. Игнатий не стриг волос и ногтей и ежедневно обходил город, прося милостыню. Эта внезапная, радикальная перемена образа жизни повергла его в состояние нервного возбуждения, благодаря которому он стал галлюцинировать наяву; в то же время у него появились мучительные сомнения относительно возможности всю жизнь предаваться этому аскетическому героизму.

Он не успел еще победить этого тревожного состояния, как его духовная жизнь потеряла равновесие. То он утрачивал всякую способность радоваться и не находил более удовлетворения ни в молитве, ни в богослужении. То, напротив, его охватывал ничем не вызванный восторг, освобождавший его от всякой печали, «как от сжимающей грудь одежды». Эта постоянная смена настроений вызвала в нем такое беспокойство, что он стал искать совета у лиц, известных набожностью. Но даже знаменитая пророчица Беата Манрезская не смогла прийти к нему на помощь, и его тревога только увеличилась, все более и более переходя в отчаяние. Он был уверен, что общей исповедью в Монтсеррате навсегда покончил со своим обремененным грехами прошлым; но в первые же воскресенья, когда он снова пошел исповедоваться, ему показалось, что это не так.

Игнатий поспешил исправить упущенное. По совету одного проповедника он снова принес общую исповедь. Но вместо того, чтобы исчезнуть, угрызения совести стали еще более сильными. При этом он чувствовал, что они для него бесполезны и даже вредны. Он никогда серьезно не сомневался во власти духовника отпускать грехи. Именно поэтому он горячо желал, чтобы его духовник формально запретил ему снова приходить со старыми, давно уже отпущенными грехами. Действительно, таково и было решение духовника, и он пришел к нему без всяких просьб со стороны Игнатия. Но все же духовник не сумел понять действительно-го состояния души Игнатия; иначе он не приказал бы ему исповедоваться только в тех грехах, относительно которых у него не оставалось никаких сомнений. Этот совет духовника только поверг его в новую душевную борьбу.

Муки Игнатия росли с каждым днем. Наконец он дошел до того, что в одно воскресенье после причастия почувство-

вал искушение положить всему конец, выбросившись из окна, возле которого у него была привычка молиться. Однако он вовремя опомнился. Глубокое потрясение его души вылилось в горячую молитву: «Господи, я ничего не хочу делать, что могло бы оскорбить Тебя». В то время когда он произносил эту молитву, ему припомнился чудесный рассказ из «Житий святых». Один святой заставил Бога услышать себя, отказываясь от какой бы то ни было пищи до тех пор, пока Бог не внял ему. Игнатий также решился испробовать это средство. В течение целой недели он ничего не ел. Но в следующее воскресенье духовник приказал ему принять пищу. Казалось, однако, что эта странная попытка увенчалась успехом: в течение целых двух дней он не чувствовал никаких угрызений совести. Но во вторник, когда он стал на молитву, угрызения совести опять охватили его с неслыханной силой. Воспоминание об одном дурном поступке пробуждало в нем воспоминания о других прегрешениях. «Его дух влекло от одного греха к другому». Ему казалось, что ни один грех не искуплен, что нужно опять и опять каяться.

За этим возбуждением последовал глубокий упадок духа. Но вдруг Игнатий как бы пробудился от тяжелого сна. Он вспомнил о замечательном опыте, который некогда получил в замке Лойола в то время, когда в его уме проносились то светские, то духовные планы на будущее. Как тогда, он и теперь пришел к выводу: мысли, смущающие и подавляющие душу, исходят от дьявола. За этим умозаключением немедленно последовало решение никогда не упоминать на исповеди о давно уже отпущенных прегрешениях. С этого момента он почувствовал себя свободным. Борьба была закончена: среди мук родился новый человек.

Впоследствии ученики Игнатия любили сопоставлять религиозную эволюцию Игнатия с религиозной эволюцией Лютера. Действительно, параллель между моральной борьбой Игнатия в келье доминиканского монастыря в Манрезе и моральной борьбой Лютера в Виттенбергском монастыре очень поучительна. Обоих ввергает в глубокое смятение, в сущности, одно и то же — потребность получить личную уверенность в прощении грехов. Обоим в этом душевном состоянии бессильны помочь утешения и благодать церк-

ви. Но Игнатий не потрясен, как Лютер, до глубины души сознанием этого бессилия. Он ни на минуту не сомневается, что священник облечен властью отпускать грехи. В спокойные моменты он ясно сознает неосновательность своих мучений. Игнатий видит в них не естественное последствие своей виновности, а болезненное и ненормальное состояние, вмешательство посторонней силы, которая овладевает им против его воли. Поэтому мир возвращает ему не фраза из Священного Писания, как Лютеру, а умозаключение, что его угрызения исходят от дьявола. Это заключение с первого взгляда кажется чем-то совершенно произвольным; оно представляет собой предположение, которое принимают потому, что его хотят принять, а не убеждение, которому подчиняются потому, что вынуждены подчиниться. Однако Игнатием эта мысль овладела с силой убеждения: она была лишь следствием того общего мировоззрения, в атмосфере которого он вырос.

Поэтому не следует удивляться, что и впоследствии решения и убеждения Лойолы определяет не Писание, как у Лютера, а видения и озарения. Видение заставляет его снова есть мясо; целый ряд видений раскрывает ему тайны католических догматов и заставляет его реально переживать эти догматы. Так, Троицу он созерцает в форме трехструнного клавинофорда; тайну создания мира — в форме чего-то неопределенного и легкого, испускающего блестящие лучи; таинственное сошествие Христа во время евхаристии — в виде световых лучей, спускающихся на дары в тот момент, когда их поднимает молящийся священник; человеческую природу Христа и Деву Марию — в форме тел ослепительной белизны; Сатану — в виде чего-то змеевидно сверкающего, подобно «тысячам таинственно мерцающих глаз».

Позднее эти видения иногда повторялись. Так, особенно часто до конца своей жизни он созерцал Христа в образе «чего-то большого, круглого, блестящего, как золото» или в виде «солнца»; он нередко видел также Троицу в форме «огненного шара», Святого Духа — в форме ослепительного пламени, Бога Отца и Деву Марию. Реже он слышал голоса. С ним часто случались «озарения», то есть состояния особенного возбуждения чувства и особенного просвет-

ления разума, не сопровождавшиеся видениями. Подобное озарение он испытал однажды в Манрезе, когда сидел погруженный в размышления у подножия креста на берегу Кардонера, устремив глаза в глубину ущелья, где бушевала река. Много тайн веры и науки стали тогда для него сразу ясными и светлыми, и позднее он утверждал, что все его занятия не дали ему столько познаний, сколько эти несколько кратких мгновений. Однако он не мог указать, какие именно тайны раскрылись ему в этот момент. От них у Игнатия осталось лишь смутное воспоминание, чудесное впечатление, как будто в это мгновение он был «иным человеком с иным умом».

Сам Игнатий называет видения в Манрезе «уроками катехизиса, данными самим Богом». Позднее они продолжали посещать Игнатия всякий раз, когда он чувствовал потребность в утешении или должен был принять какое-нибудь серьезное решение. Он никогда не сомневался в реальности этих откровений. Игнатий прогонял Сатану палкой так же, как бы он сделал с бешеной собакой. Он беседовал со Святым Духом, как будто бы видел его собственными глазами; он предоставлял все свои решения на одобрение Бога, Троицы, Мадонны и в момент их появления плакал от радости. В эти моменты Игнатий испытывал предвкушение небесного блаженства. Перед ним открывалось небо. Божество склонялось к нему в осязаемой, видимой форме, открываясь во всей своей полноте, силе, величии, милосердии. Поэтому неудивительно, что Игнатий почувствовал необходимость записать все эти видения в виде книги, наподобие древних пророков. Он идет даже гораздо дальше древних визионистов и точно отмечает дни и часы, так же детально описывает ход своих видений!

Историк не может ограничиться одним описанием этих переживаний; он должен попытаться дать им критическое объяснение. Большею частью мы имеем дело со световыми явлениями, которые сами по себе допускают самые различные интерпретации. Очень часто, по-видимому, это обычная игра солнечного света, которую может уловить всякий наблюдатель. Иногда это фантастические галлюцинации, какие могут испытывать самые обыкновенные люди в моменты сильнейшего возбуждения. Во всяком слу-

чае, значение, которое придает им Игнатий, всегда является результатом произвольного выбора и всегда обусловлено тем обстоятельством, что воображение Игнатия всецело живет среди представлений католической догматики. Это отчасти раскрывает нам секрет личности Игнатия. Мы имеем дело с душой, которая еще целиком живет в атмосфере средневековых концепций, которая во всяком неподвижном душевном движении видит воздействие добрых или злых духов и всякое необыкновенное ощущение принимает за чудо.

Перед нами мистик и визионист, но мистик и визионист совершенно особого рода, визионист, которому удалось подчинить порывы своего воображения дисциплине своей железной воли и контролю со стороны в высшей степени изошренного ума. Уже в Манрезе Игнатий не отдается слепо своим видениям и озарениям. Он определяет их ценность на основании вполне определенных критериев: 1) по действию, которое они оказывают на его душу; 2) по внешним обстоятельствам, среди которых они происходят. Если за ними следует томление или упадок сил, если они возникают внезапно, во время ночного отдыха, или позднее, во время работы, если они, таким образом, нарушают порядок дня или жизненные планы, он рассматривает их как искушение или проявление злых духов.

На этой гипотезе он строит целую теорию о небесных и адских откровениях, о благотворных и обманчивых видениях и, опираясь на нее, с непоколебимой энергией дисциплинирует свою внутреннюю жизнь до тех пор, пока он, по его собственным словам, не стал «находить Бога, когда он его желал», то есть пока он не стал получать небесные откровения всякий раз, когда ощущал в них потребность. И, как пунктуальный солдат, он в конце концов дисциплинирует и эту потребность. Позднее он стал отдаваться ей обычно лишь во время ежедневной мессы. И сама месса была подчинена определенному правилу: она должна продолжаться ровно полчаса.

Таким образом, у этого визиониста воля и ум развиты, несомненно, гораздо сильнее, чем фантазия: ум — потому, что Игнатий контролирует и критически наблюдает все

движения своей духовной жизни и проникает в таинственную жизнь своего «я» вплоть до самых сокровенных глубин; воля — потому, что он безусловно властвует над своим телом, жестами, языком и переносит тяжелейшие операции, сильнейшие боли печени и зубов, не издавая ни одного стога; у него никогда не вырывается необдуманного слова, каждое движение век кажется его ученикам преднамеренным, и так же безусловно управляет он своими эмоциями и даже своими силами визиониста. Можно сказать, что он становится тем, чем хочет быть. Он творит и формирует свое «я» сознательно по определенному идеалу, так же, как художник создает из мягкой глины статую, образ которой в неопределенных очертаниях присутствует в его воображении.

Таким образом, своеобразным даром этого визиониста является не живая и плодovitая фантазия, как у других визионистов, а совершенно необычная, даже единственная в своем роде сила воли. Люди, которые могут властвовать над своим гневом, встречаются, конечно, довольно часто; но люди, у которых вся игра чувств покорна их воле, как у Игнатия, составляют редкое исключение даже среди великих аскетов и властителей. Фантазия Игнатия, наоборот, была бедна и слаба потому, что запас образов у него скуден и мало оригинален, а видения его отличаются чрезвычайным однообразием. Но он сумел так дисциплинировать свою фантазию, что она стала повиноваться ему и претворять в образы и переживания все, что сколько-нибудь долгое время занимало его душу. Эта черта настолько своеобразна, что едва ли можно найти что-либо подобное ей. В ней, может быть, сказывается сильнее всего та страшная власть над своим «я», в которой, бесспорно, нужно видеть высшее дарование Игнатия и вместе с тем лучшее объяснение исключительного влияния его личности на современников.

В старину пытались объяснять характер и судьбу человека исходя из конstellляции⁵ созвездий в момент его рождения. Для развития Игнатия имела решающее значение конstellляция, правда, не созвездий, а тех великих исторических сил, которые господствуют над жизнью индивидуумов и целых народов. Он, например, не стал бы анти-Лютером, если бы не вырос в эпоху Лютера. Для развития его характере-

ра и деятельности также важна была и та среда, в которой он развился: воинственное религиозное воодушевление испанского рыцарства, строго католическая набожность его родины, средневековая мистика, еще преобладавшая в Испании. Но объяснима ли при помощи этих факторов сама личность Игнатия? Нисколько! Мы определили лишь ту атмосферу, среди которой она развивалась, но отнюдь не то таинственное нечто, что выбирало, воспринимало и перерабатывало эти элементы. Ибо человек, подобно растению, воспринимает из окружающей среды лишь то, что отвечает его природе, и поэтому он в той же мере является продуктом окружающих его условий, как и продуктом деятельности своего «я». Это таинственное нечто, это конечная образующая сила характера, в сравнении с которой все остальное является лишь оболочкой, формой, материалом, ассимилируемым личностью в ее развитии, может быть лишь описано в формах его проявления, но глубинные причины, породившие это нечто, так и остаются неизвестными. В отношении Игнатия Лойолы вполне оправданно звучат слова поэта: «В глубину природы не проникает ни один сотворенный дух». Чем сильнее личность, тем таинственнее, своеобразнее, необъяснимее кажется она наблюдателю, тем сильнее чувствует он невозможность проникнуть путем анализа в глубину ее сущности.

Призвание учеников

Душа, воля которой так могущественна, не может долго теряться в лабиринте мистических фантазий. Она непреклонно тянется к свету потому, что не пассивное созерцание, а действие составляет элемент, в котором она свободно движется и дышит.

Уже в Манрезе Игнатий почувствовал в себе пробужденные потребности воздействовать на людей. Его первыми последователями были несколько знатных женщин и благочестивых горожан. Но как бы хорошо ни чувствовал себя Игнатий в этом кружке, он был слишком тесен, чтобы уто-

лить охватившую его жажду деятельности. С этого момента для Лойолы было уже слишком мало отправиться в Иерусалим в качестве простого паломника. Паломничество должно было стать лишь исходным пунктом для всей работы его жизни. Он хотел посвятить все свои силы миссионерству среди мусульман Святой земли.

С этим намерением он в конце марта 1523 года сел на корабль в Барселоне. В Иерусалим он прибыл только 1 сентября после долгого путешествия, полного приключений. Его сердце было полно блаженства. Он думал, что нашел свою истинную родину, свое истинное призвание, но, к сожалению, обманулся. Высшая церковная власть Святой земли, провинциал францисканцев, опасаясь турок, приказал ему немедленно покинуть Иерусалим вместе с остальными паломниками. Игнатий вынужден был подчиниться.

В январе 1524 года он высадился в Венеции, на пути в которую ему довелось пережить несколько морских бурь. Отсюда, пробравшись через французскую и испанскую армии, окруженный тысячами опасностей, дважды арестованный по подозрению в шпионаже, он достиг Генуи и весной вернулся морем в Барселону.

Что должен был он предпринять? Со времени внезапного отъезда из Иерусалима эта мысль постоянно терзала его, но он еще не пришел ни к какому определенному выводу. Для него было ясно лишь одно — направление, которое должна была принять его жизнь; он хотел работать на благо людей, своих братьев, отдать себя заботе о спасении их душ. Но Игнатий еще не представлял себе, следует ли ему для этой цели вступить в один из монашеских орденов, или же он должен избрать образ жизни кающегося паломника. Он понимал, что и в том и в другом случае для спасения душ необходима теологическая подготовка. Так бедный паломник сделался бедным школьником. Этот бедный школьник за время своего девятилетнего учения (с 1526 года) превратился в старого студента. Но и в качестве студента Игнатий видел в своих занятиях не только средство научиться чему-нибудь, но и неизбежную переходную ступень, необходимую для того, чтобы обрести для себя новое качество.

Уже в Барселоне, среди своих старых манрезских знакомств, он играл большую роль как духовный руководитель. Ему удалось сгруппировать вокруг себя нескольких университетских товарищей, которых он пробудил к религиозной жизни. Эти друзья образовали под его руководством при университете Алкала благочестивую ассоциацию студентов, поставившую перед собой две задачи: 1) личное освящение, 2) заботу о душах своих ближних. Первую из этих задач они думали осуществить путем строго аскетического образа жизни, путем еженедельных исповедей и причастий. Для выполнения второй задачи они организовывали собрания на частных квартирах, где Игнатий пытался морально влиять на слушателей проповедями, которые он произносил на тему о десяти заповедях. Действительно, таким образом ему удалось завоевать немало душ, в основном среди женщин низкого положения: одиноких вдов, работниц, служанок шестнадцати — девятнадцати лет. С какой энергией Игнатий применял свой религиозный пыл к слабому полу, показывает уже то обстоятельство, что женские обмороки на этих собраниях происходили очень часто.

Понятно, что такая горячая пропаганда возбудила сначала внимание, а потом и подозрения инквизиторов. Уже в конце 1526 года маленькому обществу пришлось подвергнуться суровому допросу; оно должно было отказаться от особого костюма и заменить его обычной одеждой студентов. В апреле 1527 года инквизиция даже посадила Игнатия в тюрьму, намереваясь возбудить против него формальный процесс по обвинению в ереси. Следствие заинтересовалось не только странными явлениями, которые имели место среди благочестивых последовательниц Лойолы, но и своеобразными утверждениями обвиняемого о чудодейственной силе, которую сообщает ему его целомудрие, и его странными теориями о различии между смертными и искупимыми грехами, которые, кстати, обнаруживают поразительное сходство с известными определениями иезуитских моралистов позднейшей эпохи.

Все это не давало достаточного повода, чтобы осудить Игнатия за ересь, но было вполне достаточно, чтобы запретить ему и его товарищам устраивать собрания (1 июня

1527 года). В Саламанке, куда осенью переселилось маленькое братство, его вскоре постигла та же судьба: заключение в тюрьму, суровый допрос судей инквизиции, наконец, оправдательный приговор, однако с запрещением проведения собраний. Таким образом, Игнатий фактически был изгнан инквизицией из Испании. Он решился покинуть родину и отправиться в Париж, чтобы продолжать свое образование в самом знаменитом из католических университетов. Его маленькое братство должно было вскоре последовать за ним. Но этот план потерпел крушение. Старые товарищи один за другим покинули Игнатия. Он был вынужден начать в Париже все сначала.

Первый опыт оказался не очень удачным. Правда, Игнатию удалось в течение 1528 года основать вместе с тремя испанскими студентами новое маленькое общество. Однако один из троих впал в меланхолию, двое других стали вести экзальтированную аскетическую жизнь. Очевидно, ни один из них не понял истинного смысла идей Игнатия. Эти события привели всю группу испанских студентов в сильное возбуждение. Игнатий был публично наказан кнутом в той коллегии, где он слушал лекции, как соблазнитель молодежи. В то же время на него опять донесли инквизиции как на еретика. Казалось, что вновь для него все было потеряно. Но и на этот раз он обезоружил противников своим хладнокровием.

Правда, он должен был отказаться от всякого воздействия на своих товарищей. Игнатий оказался достаточно рассудительным, чтобы прекратить на время благочестивые попытки воздействовать на души своих сотоварищей. Со всей своей энергией он обратился к научным занятиям, которыми до этих пор совершенно пренебрегал. Его успехи были посредственными: он никогда не сделался ученым. Но все же гуманистическое образование в том виде, как оно было представлено профессорами коллегии святой Варвары, произвело на него сильное действие. Позднее, организуя свои ученые школы, он много содействовал распространению его по всему свету.

Между тем планы Игнатия приняли более определенную форму. Старая мечта о миссии среди мусульман захватила с новой силой его жаждущую деятельности душу. Он решил посвятить всю свою энергию этому романтическому пред-

приятию и прежде всего подыскать необходимых сотоваришей среди студентов Парижского университета. Но теперь Игнатий действовал уже не с прежней стремительностью. Он долго искал и выбирал, затем использовал все средства, чтобы привлечь на свою сторону намеченных им молодых людей, и не знал ни отдыха, ни покоя до тех пор, пока все они не согласились последовать за ним.

Первым студентом, которого Игнатию удалось привлечь на свою сторону, был его товарищ по комнате и занятиям Петр Фабер, сын бедных крестьян из Вилларетты в Савойе, натура тяжеловесная, медленно воспринимавшая, но верная, привязывавшаяся навсегда всеми фибрами своей души к тому, что единожды уже усвоила, будь то грубые суеверия юности или вера в миссию Игнатия, тайны аристотелевской философии или тайны духовных упражнений. К Фаберу скоро присоединился Франциск Ксавье из Пампелуны, натура также малоподатливая, но во всех остальных отношениях совершенно отличавшаяся от тугодума савойца, — Франциск был красивый молодой человек знатного происхождения, любезный, ловкий, очень живой, даровитый, но в то же время удивительно безрассудный и легкомысленный и потому неспособный надолго привязаться к какому-либо определенному занятию.

К этим первым двум рекрутам в 1532 году присоединились два молодых кастильца — Яков Ленец и Альфонс Сальмерон. Последний принадлежал к числу тех характеров, которые в течение всей своей жизни сохраняют свежесть и пыл молодости, но вместе с тем никогда не достигают полной зрелости. Ленец, по происхождению еврей, наоборот, был юноша с умом старика, преждевременно созревший рассудительный характер, одинаково быстро ориентирующийся как в теологии, так и в дипломатии. Перед его победоносной логикой почти никто не мог устоять; впоследствии он стал достойным преемником Игнатия в должности генерала ордена. Два последних ученика, кастилец Николай Бобадилла и португалец Симон Родригес, были не столь замечательны: первый — не знающий меры в своем рвении и деятельности, несколько беспокойный сангвиник; второй — скорее флегматичный, тщеславный, всегда довольный самим собой. Оба — люди, которыми нелегко было руководить.

Обычно молодых людей легко можно воодушевить; но нужно было обладать сверхъестественной притягательной силой, чтобы не только пробудить в них энтузиазм в отношении химерического предприятия, но и привязать их к себе по гроб жизни.

Игнатий действительно обладал этой притягательной силой. В чем заключалась она? Конечно не в его внешнем облике и манерах. В его фигуре не было ничего импонирующего: он был худощав и невысокого роста (1 метр 58 сантиметров); его костистое лицо было скорее выразительно, чем красиво; темные глаза смотрели, казалось, скорее внутрь, чем наружу, волосы сильно редели на широком и высоком лбу. Кроме того, он несколько хромал и поэтому, когда шел или стоял, обычно опирался на палку. Его костюм был всегда изыскан, но крайне прост. На его осанке всегда лежал отпечаток уверенности в себе и сдержанности прирожденного дворянина. Игнатий никогда не смеялся и не шутил, никогда не терял своего почти торжественного спокойствия. И вместе с тем это был «вечный» студент, который за семь долгих университетских лет не достиг еще ничего значительного.

Обычно положение таких студентов среди своих более молодых и образованных товарищей трудное. Они часто играют малопривлекательную роль комических фигур. Трудно подобрать пример, чтобы кто-нибудь из них добился в жизни чего-нибудь значительного или способствовал возбуждению энтузиазма среди молодых. Но не скрывалось ли в таком случае под этим размеренным, торжественным спокойствием пылкое, нежное сердце, способное зажечь в молодых душах чувство горячей дружбы? Мы об этом ничего не знаем. Игнатий никому не поверял свою душу, в зрелом возрасте он не имел возле себя ни одного человека, которому бы доверял, и тем более ни одного друга. Он не нуждался в друзьях. Казалось, он стоял выше симпатий и антипатий; он оценивал людей только по тому, что они делали и на что они были способны; он жил одиноко в атмосфере боязливо-го уважения, к которому едва ли когда-нибудь примешивалось теплое дыхание искренней привязанности.

Что же влекло так сильно молодые души к нему? Думается, причину мы можем найти в маленькой, совсем неза-

метной книге, которая, несмотря на небольшие размеры, принадлежит к числу книг, оказавших большое влияние на судьбу человечества, — она перепечатывалась бесчисленное количество раз. Это — «Духовные упражнения».

«Духовные упражнения»

Эта книга имеет право на всеобщий интерес. Но тот, кто лишь бегло перелистает ее, быстро разочаруется и отложит ее в сторону. Действительно, это не книга в обычном смысле слова; даже не благочестивая книга. Ее нужно не прочитать, а пережить. Стиль — сдержанный, насколько это только возможно; содержание заключается в инструкциях для проведения упражнений; следовательно, это регламент упражнений, не упражнений для развития тела, а упражнений для воспитания души. Что преподносит читателю этот регламент? Он обещает воспитать душу таким образом, чтобы человек стал господином своего «я» и научился регулировать свое поведение согласно решениям своего разума. Это высокая цель, к которой все стремятся, но которую достигают очень немногие.

Последуем за руководителем упражнений в уединенную келью, которую он назначает в качестве места упражнений доверившимся ему людям. Посвящаемый должен пробыть в ней в течение четырех недель в молчаливом сосредоточении, общаясь лишь с руководителем, уйдя в самого себя, живя своими собственными воспоминаниями, мыслями, воображением.

Перед началом собственно упражнений руководитель задаст ученику вопрос, который сразу же заставляет его серьезно задуматься: каково призвание человека и его место в мироздании? Ответ на этот вопрос очень возвышенный: человек существует на земле, чтобы восхвалять Бога, почитать Бога, служить Богу и спасти, таким образом, свою душу. Его место в мироздании отвечает этому высокому назначению: все, что движется и живет на земле, создано для него и должно служить ему орудием для осуществления его призвания. Из этого

двойного утверждения логически вытекает отношение человека к мирозданию и мирским творениям. Он должен пользоваться ими лишь в той мере, в какой они могут быть ему полезными для осуществления его призвания. Напротив, в том случае, когда они затрудняют или делают невозможным свободное посвящение его существа этому призванию, человек должен отказаться от пользования ими. Отсюда вытекает основное правило поведения человека в мире и по отношению к миру. Оно сформулировано в следующих словах: «Будь спокоен и бесстрастен. Пусть земные блага никогда не будут для тебя целью твоих желаний, пусть они будут лишь средством для достижения истинной цели твоей жизни. Поэтому пусть они никогда не будут для тебя предметом страстного вожделения, а просто предметом холодной оценки, которая заставит тебя искать их только в том случае, если разум признает их полезными для осуществления высшей цели и прикажет тебе воспользоваться ими в этих целях».

После этих размышлений, которые одновременно освобождают и возвышают душу, руководитель упражнений ввергает ее, уже готовую гордо вознестись на небо, в широко раскрытые пропасти ада. В полночной тьме она созерцает ад во всем его ужасе, среди легионов падших ангелов, живых, осязаемых. Она тотчас же вспоминает о прошлом блеске этих падших духов, с содроганием думает об их грехах, с ужасом измеряет жестокость их мучений и с отчаянием обращается к самой себе, к тяжести своих собственных грехов. За этой первой ужасной картиной следует вторая: Адам и Ева, изгнанные из рая огненным мечом херувима.

Перед глазами созерцающего встает вся история первых людей: их блаженство, их грех, их жалкое положение после падения, и его охватывает стыд, горе и страх при рассмотрении собственного нравственного состояния. Появляется новая картина: созерцающий видит себя перед престолом Бога, где судят смертные и все остальные грехи. Он думает, что многие люди были ввергнуты в ад только за один из этих грехов, что бесчисленное множество несчастных должно переносить эти вечные мучения за грехи меньшие, чем совершил он сам. Вся тяжесть греха, проявляющаяся в нем испорченность, так как грех является оскорблением вечной

благости Бога, и справедливая кара в виде страшных адских мучений — все это сразу становится ясным и очевидным. Затем внутреннее возбуждение несколько смягчается новой картиной: Христос на кресте! Душа беседует с ним, как друг со своим другом, обвиняя и терзая себя, думая о том, как мало она успела до сих пор для него сделать, умоляя дать совет и помочь в будущем, пока наконец все душевные муки не находят себе исхода в молитве, которой он сам научил своих учеников: «Отче наш!» После этого первого полночного испытания руководитель разрешает созерцающему отдохнуть до утра. Но как только начинается заря, он опять призывает его к работе.

Созерцающий снова видит себя перед престолом Бога; большая запись грехов открыта. Он должен отдать себе отчет в своем прошлом, и немедленно перед ним развертывается вся его жизнь: детство, юность, зрелый возраст. Все его грехи оживают и проходят перед его взорами — бесконечная вереница страшных привидений. Все отвратительные и злые поступки, которые, казалось, были скрыты и позабыты, встают теперь перед ним с ужасающей определенностью и пробуждают в нем сознание жалкой ничтожности его существа. «Что такое я, земляной червь, среди миллионов других смертных? Что представляю из себя я, несчастный, в сравнении с ангелами и блаженными духами?» Его охватывает чувство глубокого отвращения к самому себе, так что он кажется самому себе огромным нарывом, из которого непрерывно течет отвратительный гной. К этому добавляется мысль о том, что он оскорбил самого всемогущего Бога, в сравнении с которым все силы являются слабостью; всезнающего, в сравнении с которым всякое знание является незнанием; всемилостивого и всесправедливого, в сравнении с которым его существо есть только тщеславие, злоба и позор. Эта новая мысль ввергает душу созерцающего, глубоко потрясенную уже обзором ее прошлых грехов, в такое состояние внутреннего томления, что он раздражается скорбными рыданиями. Созерцающий не может понять, почему земля еще соглашается носить его и почему она еще не поглотила его, чтобы низвергнуть в глубочайшую адскую бездну. И в этот момент перед его глазами снова является

образ Распятого, который своим видом так воздействует на кающегося, что тот немедленно изливается в чувстве горячей благодарности к милосердию Бога, пощадившего его до этого дня, и с жаром обещает исправиться.

Вскоре после мессы, которую созерцающий обязан слушать ежедневно, или незадолго до нее руководитель призывает его в третий раз, а в час вечерни в четвертый раз к новым упражнениям. Но эти два упражнения являются лишь повторением двух первых. В то же время он в молитвах взывает о помощи Мадонны, Христа, молит Бога о милосердии. Пятое вечернее упражнение носит другой характер. Оно начинается ужасной картиной: перед взорами созерцающего открывается ад во всей своей величине, ширине и глубине: море пламени, в котором отчетливо видны погруженные в него души осужденных. Он слышит их жалобы, их яростные вопли, их страшные проклятия Христу и всем святым. Ужасный смрад, исходящий из этой кипящей бездны, дым и сера почти лишают его дыхания, язык присыхает к гортани от горького серного вкуса этого зачумленного воздуха, его пальцы с ужасом ощущают жар пекла, в котором горят эти несчастные души. Созерцающий видит, слышит, чувствует запах, вкушает ад, он переживает его всеми своими чувствами во всей его материальной реальности. Но созерцающий не одинок в этом страшном адском путешествии: все время с ним рядом Христос. Он постоянно беседует с Христом, постоянно обнимает крест Христа, полный горячей благодарности за то, что до сих пор не подвергся участи осужденных без всякой заслуги со своей стороны.

Это последнее упражнение, которое приводит все силы созерцающего в особенно страшное напряжение, потрясает его до глубины души настолько, что он в конце первой недели с горячей мольбой взывает о том, чтобы ему позволили освободиться от мучительного сознания своей греховности путем общей исповеди. Освобожденный отпущением грехов от своих внутренних мучений, чудесным образом посвежевший и подкрепленный причастием — в результате воздействия этой укрепляющей и очистительной ванны созерцающий становится подготовленным к упражнениям второй недели.

В первый же день руководитель вызывает перед его взорами прекрасную картину Святой земли с ее городами, местечками и поселками, с ее синагогами и рынками, горами и равнинами. Но он не позволяет ему долго наслаждаться созерцанием этой картины. Появляется новая картина — ниспосланный с неба монарх, которому обязаны повиноваться все народы и все государи. Он призывает всех своих подданных к священной войне против неверных. «Кто хочет последовать за мной, тот пусть руководствуется в своей жизни моим примером! Пусть он разделит мои труды, а вместе с ними и мою победу и счастье!» В ответ на эти слова раздаются громкие крики радости. Все следуют за ним с энтузиазмом, потому что тот, кто в такое время остался бы позади, был бы очень плохим рыцарем.

Этот король — Христос. Сам Христос желает установить свое владычество в мире и провозглашает священную войну. Кто смог бы не последовать этому призыву? Кто сразу же не почувствовал бы настойчивого желания стать его верным вассалом? Но созерцающий не может долго останавливаться на этой картине. Он внезапно возносится в высшие слои эфира.

Отсюда, паря между небом и землей, он обзревает человечество во всем многообразии рас, нравов, условий жизни: здесь мир, там война; здесь рождение, там смерть; здесь слезы, там смех. Далее этой картине беспорядка противопоставляется картина возвышенного покоя — Троица на престоле; и другая картина, от которой веет мягким утешением, — Святая Дева в своем жилище в Назарете с архангелом Гавриилом. Все эти образы как живые. Созерцающий отчетливо слышит бурные крики ненависти и проклятия людей; но он не менее отчетливо слышит и то, как Троица принимает решение об искуплении человечества, и то, как и о чем беседуют между собой Святая Дева и архангел Гавриил. Так же реально он присутствует и при рождении Господа, при поклонении волхвов, при Сретении, бегстве в Египет, путешествии двенадцатилетнего Иисуса в Иерусалим.

Но в полночь пред созерцающим возникает видение совершенно иного характера; он видит два «знамени»: знамя Сатаны и знамя Христа. Армия Сатаны на равни-

нах Вавилона; в середине, на окутанном дымом и пламенем троне, — сам Сатана, страшный и грозный; вокруг него бесчисленные полчища демонов. Сатана обращается к своему народу с речью. Он посылает его губить человечество. Но рядом — утешительное зрелище! Прелестная иерусалимская равнина, за ней — Христос, но не на троне, а среди своих учеников; в его виде нет ничего ужасного; он прекрасен и привлекателен. Христос также обращается к своим ученикам и призывает их. Но как отличны его слова от слов Сатаны! «Помогайте всем. 1) Внушайте людям склонность к бедности. 2) Пробуждайте их посвятить свою душу и тело бедности. 3) Зажгите в них горячее стремление терпеть оскорбления и презрение, потому что бедность, оскорбления и презрение составляют три ступени совершенства». Эта картина появляется несколько раз. Ее созерцание имеет важное значение: оно является непосредственной подготовкой к основному акту упражнений — выбору нового образа жизни. Чрезвычайно важно, чтобы человек сделал этот выбор правильно, отложив всякое попечение о земных делах, исходя лишь из высокого призвания человека служить Богу. Если это наконец произошло, если это решение, самое трудное из всех, принято, как того требует разум, пред лицом Бога, то цель упражнений, собственно говоря, уже достигнута: душа стала повелительницей самой себя; человек посвятил свою жизнь новой, прекрасной, вечной цели. Однако, чтобы утвердить созерцающего в принятом им решении, руководитель упражнений заставляет его пережить жизнь Христа: в течение третьей недели — его страдания, в течение четвертой — его воскресение и славу. В то же время он старается наставить его в духе строгой церковности, заставляя его усвоить ряд правил. Созерцающий обязуется слепо повиноваться церкви как Христовой невесте; отказаться от всех самостоятельных суждений; не пропускать исповеди; часто причащаться; постоянно присутствовать при мессе; отстаивать все церковные учреждения: монашество, целибат священников, почитание мощей, посты, индульгенции, паломничества; энергично защищать папские декреты, церковное предание, схоластическое богословие. Более того: он объявляет себя готовым следовать за церковью и в том слу-

чае, когда церковь объявляет белым то, что ему кажется черным, хотя бы его собственные чувства убеждали его в обратном. Таким образом, посвящаемый выходит из рук своего духовного руководителя не только новым человеком, который точно знает, что он должен, может и хочет делать, но и ревностным католиком.

Мировоззрение Игнатия Лойолы

Некатолики всегда находили достаточно оснований для нападок на эту маленькую книгу. По сей день Игнатию часто ставят в вину то утонченное лукавство, с которым он воздействует на воображение неофита, создавая массу видений, преследующих не назидательную, а совершенно постороннюю, практическую цель — развитие характера. Справедлив ли этот упрек? Он, как мне кажется, направлен главным образом на ту сторону книги, в которой ее оригинальность и педагогическое значение проявляются наиболее блестящим образом.

Игнатий прекрасно осознавал, яснее, чем кто-либо из предшествовавших ему духовных пастырей, что лучший способ воспитать человека в соответствии с определенным идеалом и сделать его навсегда верным сторонником этого идеала состоит в том, чтобы завладеть его воображением. Этим путем «в него внедряются духи, от которых впоследствии ему будет очень трудно освободиться», духи более устойчивы, чем все принципы и самые лучшие учения; они сами возрождаются часто даже много лет спустя из самых глубоких тайников души и завладевают волей с такой силой, что она вынуждена следовать их непреодолимым импульсам, совершенно уже не считаясь с мотивами и доводами, которые могли бы явиться для них помехой.

Игнатий знал, что сила воображения оказывает такое воздействие на волю только в том случае, если видения самостоятельно возникают в сознании человека. Потому-то он и налагает на посвященного трудное обязательство создавать в самом себе по приказанию руководителя определен-

ные образы без использования каких-либо внешних средств. Однако Игнатий отдавал себе отчет в том, что очень немногие люди способны самостоятельно сделать это. Поэтому он предлагает, опираясь, очевидно, на свой собственный опыт, подчинить воображение методической дрессировке: он предлагает неопиту сначала представить себе вполне реально определенную местность, затем поместить в ней образы конкретных лиц, и, наконец, если окажется нужным, проиграть целую драматическую сцену, то есть заставить говорить и действовать тех лиц, которых он видел. Но в то же время он советует не останавливаться слишком долго на композиции каждой картины потому, что он слишком хорошо знает, как легко воображение сбивает человека с правильного пути и сколь важно фиксировать воображение на выразительной картине.

Перед каждым упражнением при помощи подготовительных молитв Игнатий стремится возбудить в душе неопита вполне определенные эмоции, которые должны получить дальнейшее развитие в самих упражнениях. Желая убедиться, что эмоция, которую он хотел вызвать, произвела надлежащее воздействие, он заставляет повторять одно и то же упражнение по нескольку раз.

Во всем этом проявляются великое искусство руководить душами и глубокое знание человеческой природы, которые не только не заслуживают порицания, но достойны самого восторженного удивления.

Но не представляет ли из себя эта маленькая книга нечто большее, чем шедевр мудрой педагогики? Не содержит ли она в то же время и нового идеала жизни и личности, правда, не в резко отчеканенных формулах, а в виде проходящего через все произведение лейтмотива; идеала, который заслуживает быть поставленным рядом с идеалом Лютера и стоит выше идеала позднего Возрождения? Такое утверждение действительно встречается. Идеал Игнатия формулировали так: «Развивай свое я, но не для наслаждения, а для действия!» Однако соответствует ли эта заповедь убеждениям Игнатия? Он, конечно, придавал очень большое значение развитию своих учеников. Но уже из его любимого изречения, заимствованного из первого послания к коринфя-

нам I, 9, 22): «Иезуит, подобно апостолу, должен стать всем для всех, чтобы приобрести сердца всех», ясно видно, что целью этого развития является не действие вообще, а вполне определенный род деятельности.

Определяя идеал жизни Игнатия, мы не должны упускать из виду тот круг идей, который господствует над горизонтом сознания и вместе с тем ограничивает его не только в упражнениях, но и везде и всегда: идейный круг католических догматов. Не следует забывать и о том, что он никогда не имел в виду полного и разностороннего развития личности, как о том мечтали Леонардо да Винчи и некоторые другие великие деятели эпохи Возрождения, и что он никогда не предоставлял доброй воле индивидуума заботы об определении размеров и характера своего умственного развития. Высшей целью, к которой он стремился, являлось не разностороннее и полное развитие индивидуальности, а закал характера. Высшая добродетель, которая порождает все остальные, для него не неутолимая жажда знания, развивающая все способности человека, а самообладание; самообладание в смысле монашеского самоумерщвления, самообладание, которое переходит в самоотрицание и может заставить человека пожертвовать лучшим, что есть в его интеллекте, может заставить его убедиться в истинности обратного тому, что он видит собственными глазами. Игнатий считал это самообладание необходимой предпосылкой для плодотворной деятельности, направленной на спасение душ ближних. Умственное развитие стоит для него на втором плане и, с его точки зрения, всегда должно быть подчинено принципу: индивидуум должен изучать и знать только то, чего требуют интересы ордена. Таким образом, заповедь «Развивай свое я для действия» не является адекватным выражением воззрений Игнатия. Сказав: «Стань сначала господином своего я и затем принеси это я в жертву на службе церкви!», мы вернее определим его цели и задачи.

Глава II Возникновение Общества Иисуса

Студенческое общество 1534 года

Париж празднует Успение. В капелле Святого Дионисия на Монмартре собрались Игнатий и его товарищи. Здесь никто не может помешать им: Монмартр находился тогда далеко за пределами города. Они исповедуются. Затем Фабер читает мессу. Все присутствующие произносят обет: они обещают в определенный день по окончании учения отказаться от всего своего имущества, за исключением денег, нужных на дорогу, и отправиться в Святую землю, чтобы работать там в качестве миссионеров среди мусульман. Если в течение одного года окажется невозможным выполнить этот обет или если им будет запрещено пребывание в Святой земле, они обязываются отдать себя в распоряжение папы, который сам установит, каким путем им надлежит идти в дальнейшем для спасения своих ближних.

Вышеописанная сцена представляет собой лишь основание студенческого общества для обращения мусульман и ничего более.

Запомним это и перенесемся на мгновение в обширные величественные нефы собора Святого Петра в Риме. Здесь, в левой части центрального нефа, возвышается огромная

статуя святого Игнатия. Но художник изобразил Игнатия не одного. Под ногами святого извивается, издыхая, ужасное чудовище — демон ереси. Скульптор, очевидно, хотел изобразить Игнатия искоренителем ереси, анти-Лютером и анти-Кальвином. В этом, несомненно, он видел отличие Игнатия и его ордена от основателей других орденов, статуи которых также украшают обширное здание.

Мы проследили жизнь Игнатия, но не нашли в нем ничего, что бы позволило говорить о нем как об анти-Лютере и анти-Кальвине. Мы присутствовали при основании иезуитского ордена 15 августа 1534 года; но мы нашли здесь лишь безобидное студенческое общество, мечтающее о миссионерской деятельности среди мусульман. Как примирить это со статуей в соборе Святого Петра?

Приближался день, назначенный членами общества для исполнения данного ими обета. Еще раньше, 8 января 1535 года, они собрались в Венеции в количестве десяти человек, так как за это время к ним присоединились еще три парижских студента. В первых числах марта все они за исключением Игнатия отправились в Рим, чтобы получить от папы благословение своему предприятию. Папа принял их с большой благосклонностью, но объявил, что их миссионерский план совершенно неосуществим. Он был прав, так как собирався в ближайшем будущем заключить союз с императором и Венецианской республикой с целью устроить крестовый поход против турок. Это было большим разочарованием для девяти молодых магистров, пылких ревнителей веры. Однако Игнатия это едва ли смутило. Он много видел, многому научился и приготовился к совершенно новому роду пастырской деятельности. Проведя в 1535 году несколько месяцев в Аспейции, недалеко от замка Лойола, куда он отправился по совету парижских врачей лечиться от тяжелой болезни желудка, он прибыл в 1536 году в Венецию.

Здесь прежде всего он познакомился с новым орденом театинцев — обществом священников, серьезно отдавших себя выполнению пастырских обязанностей и вызвавших в Венеции всеобщее удивление своими сильными, но простыми проповедями, своей рьяной деятельностью в качестве духовников и самоотверженной работой в больницах. Впечатле-

ния, которые они произвели на Игнатия, вполне согласовались с его опытом; он признал, что внутренняя миссия так же необходима и так же полезна, как и внешняя миссия среди мусульман. Это убеждение тотчас же толкнуло его к действию.

Как только товарищи Игнатия возвратились, студенческое общество для чужеземной миссии временно превратилось в общество для внутренней миссии. Молодые парижские магистры соперничали с театинцами как в больницах, так и в исповедальнях. Летом, после посвящения в священники, они расселились в пяти венецианских городах, чтобы воздействовать на народ, проповедуя под открытым небом. Успех был настолько велик, что Игнатий уже не мог более сомневаться в ближайшей задаче своего общества. Решившись, согласно данному обету, предложить папе услуги своей конгрегации⁶, он преобразовал ее 1) в постоянную организацию и 2) в общество священников для выполнения внутренней миссии или своего рода католическую армию спасения под верховным командованием папы, поскольку он видел ее применение и на военной службе. Поэтому, отправляясь в начале 1537 года в Рим, он дал своему обществу название, под которым оно существует и в наше время, — «Дружина Иисуса».

Иезуитский орден как католическая армия спасения

В Риме Игнатия ожидало горькое разочарование. Уже в Венеции он снова встретил на своем пути призрак инквизиции. Теперь, в решительный момент, этот призрак снова грозно встал перед ним: Игнатий был официально обвинен в ереси. Правда, ему легко удалось доказать, что обвинители — только клеветники. Но нужно было личное вмешательство папы, чтобы судья закрыл дело; невиновность Игнатия была выяснена публично, во время формального процесса.

Летом 1539 года Игнатий подал на утверждение курии⁷ проект статут Общества Иисуса, но натолкнулся на новые

затруднения. Глава комиссии кардиналов, в обязанности которой входило рассмотрение статуты, отказался разрешить формирование нового ордена. Прошел почти целый год, прежде чем удалось победить его сопротивление. Дав наконец разрешение, он обусловил его тем, что число членов нового ордена не будет больше шестидесяти. С этим ограничением, которое было отменено в 1543 году, папа Павел III наконец 27 сентября 1540 года утвердил новый орден в известной булле, которую он, как бы пророчески, начал призывом к «правительству воинствующей церкви».

Новому ордену нужно было дать верховного начальника. Естественно, все высказывались за Игнатия. После продолжительного сопротивления, к которому он в соответствии со средневековым обычаем считал себя обязанным, чтобы доказать свое смирение, Игнатий наконец принял избрание. 22 апреля 1541 года, следовательно — почти двадцать лет спустя после решительного момента в Пампелуне, он официально взял в свои руки, в звании генерала, управление своим орденом.

Новый орден получил название «Дружина Иисуса». Он с таким же правом мог бы называться «Дружиной папы», потому что обязывался путем специальной клятвы верности к безусловному военному повиновению папе. Он обещал папе нести военную службу во всех территориях внутренних и внешних миссий. Однако применять эти новые вспомогательные войска на своей службе папа начал лишь в 1540 году. До этого момента орден был исключительно обществом священников для внутренней миссии, и такой характер он в значительной степени сохранял еще в течение нескольких ближайших лет. В дружину папы он превратился лишь с течением времени.

Задачей, который орден поставил перед собой в начале своей деятельности, было обращение масс, ушедших из ограды церкви. При помощи каких средств он думал достигнуть этой цели? У Игнатия уже не было сомнений в этом вопросе. Нужно было прежде всего обеспечить себе симпатии подрастающего поколения. Поэтому иезуит в первую очередь должен быть законоучителем. Он должен воспитать в христианском учении детей народа, должен внедрить в них

десять заповедей и символ веры и таким образом заставить их мыслить и жить в соответствии с учением церкви.

К взрослым людям иезуитам легче всего можно подойти в качестве духовников. Поэтому после законоучительства иезуит должен обратить особенное внимание на исповедь. Но народ во многих местах отвык от исповеди; часто люди уже вовсе не являются к причастию. Поэтому нужно снова привить им желание исповедоваться, а для этого иезуит никогда не должен отпускать без утешения тех немногих, кто еще приходит. На остальных можно воздействовать в этом направлении при помощи проповедей; ибо проповедь всегда является наиболее близким и удобным путем к сердцам масс.

Поэтому иезуит должен усердно проповедовать и при этом быть понятным для народа; следовательно, он не должен переносить на кафедру догматические разногласия, а довольствоваться «обращением людей к добродетели и отвращением их от порока» и всегда помнить, что «огонь ума и глаз производит на массы гораздо большее впечатление, чем изящные речи и тщательно подобранные слова». При случае иезуит может углубить полученные результаты, заставляя неофитов принимать участие в духовных упражнениях. Но упражнения предназначены не для всех. Они пригодны только для образованных людей. Напротив, на более широкие круги действует церковная благотворительность. Поэтому иезуит должен выделяться своим рвением в делах любви к ближнему.

Уже в статуте 1539 года Игнатий начертал программу внутренней миссии, которая могла быть действительно выполнена, не требовала ничего бесполезного и ясно указывала средства для обращения масс. Эта программа не осталась клочком бумаги, она была выполнена от начала до конца. Везде, где бы только ни выступали иезуиты, они получали известность как народные законоучители, как народные проповедники, как духовники, как руководители духовных упражнений, как организаторы церковной благотворительности. Игнатий первый подавал пример в Риме. Он учил, проповедовал, исповедовал, руководил упражнениями, но в особенно широких масштабах занимался благотворительной деятельностью. Во время голода 1538 года он показал,

что может сделать в этой области. Он кормил более 300 бедных в своем собственном доме и раздавал хлеб тысячам. Позднее, в 1543 году, он создал два больших приюта для сирот. В то же время он горячо, но, к сожалению, неудачно старался основать рабочий дом для бесчисленных нищих Вечного города.

Большого успеха он добился в борьбе с проституцией. Уже в 1544 году он открыл Дом Святой Марфы — убежище для замужних проституток; два года спустя ему удалось основать убежище для падших девушек. Словом, он работал ревностно и успешно во всех областях внутренней миссии и быстро приобрел всеобщую известность в Риме. Его ученики действовали в том же направлении в Риме и вне Рима. В некоторых местностях иезуиты внушили к себе такое доверие, что им поручали реформу распущенных женских монастырей и даже надзор за целыми диоцезами⁸. При этом они лишь в исключительных случаях оставались подолгу в одном и том же месте. Иезуиты отличались почти цыганской подвижностью; Игнатий держал их всегда в напряжении и обычно не позволял останавливаться надолго в каком-либо месте.

Впрочем, внутренняя миссия в это время не была единственной ареной деятельности ордена. Уже 7 апреля 1541 года Франциск Ксавье сел на корабль в Лиссабоне с двумя товарищами, чтобы отправиться проповедовать христианство в португальских колониях на Дальнем Востоке. Эта миссия начинается собой великий завоевательный поход ордена в языческих странах. В Италии орден организовал, кроме того, миссию для обращения в христианство евреев, и Игнатий снова доказал здесь свой великий организаторский и агитаторский талант. Он не только добился от папы облегчения законного перехода евреев в христианство, но в 1543 году учредил в Риме убежище для обращенных евреев и при помощи торжественного обряда крещения успел пробудить всеобщий интерес к этому предприятию.

Молодой орден развил неутомимую и разностороннюю деятельность, число его сторонников постоянно увеличивалось. Однако в 1543 году он насчитывал не более 60 членов. Но этот небольшой отряд, тщательно подобранный, пред-

ставлял собой отборное войско, каждый член которого старался осуществить на деле лозунг Игнатия «Стать всем для всех, чтобы приобрести всех». Тем не менее он никогда не был бы в состоянии братья одновременно за такое количество предприятий, если бы не правильное распределение сил. Игнатий никогда и нигде не принуждал членов ордена подолгу заниматься одним и тем же делом. Сам он немедленно оставлял заведование основанными им благотворительными учреждениями, лишь только приходил к убеждению, что их существование обеспечено, и всегда отказывался руководить новыми братствами, учрежденными его товарищами.

Таким образом, ему всегда удавалось держать свой орден в походной готовности и мобилизовать необходимые силы по первому знаку папы.

Правда, Павел III пользовался услугами ордена лишь в довольно ограниченных размерах. В 1538 году он поручил Фаберу, Ленецу и позже Сальмерону читать курсы лекций в Римском университете; в 1540 году он послал Леже в Бресчию бороться с еретиками-протестантами; в 1541 году Сальмерон и Брэт получили от него тайное поручение поднять католиков Ирландии против их тиранического государя Генриха VIII Английского⁹. В 1542 году он приказал Фаберу, Леже и Бобадилле сопровождать легата Мороне в Германию. В 1546 году он уполномочил Ленеца и Сальмерона выступить в качестве папских теологов на Тридентском соборе. Вот все, по крайней мере, важные поручения, данные ордену папой по собственной его инициативе. Следовательно, в эти годы орден лишь временами действовал как «дружина папы». Но он выполнял возложенные на него поручения так быстро и искусно, что уже при Павле III успел пустить глубокие корни во всех избранных им самим областях деятельности и приобрести доверие курии. В 1544 году, когда орден праздновал десятую годовщину своего основания, он являлся еще преимущественно обществом священников для внутренней миссии. Но в течение десятилетия 1544–1554 годов произошло изменение его программы, благодаря чему общество иезуитов окончательно превратилось в «дружину папы».

Деятельность ордена в 1554 году

Чтобы хорошо понять этот факт, мы должны представлять себе положение и деятельность ордена в 1554 году.

К концу 1544 года в Европе насчитывалось лишь девять иезуитских поселений: по два — в Италии, Испании и Португалии, по одному — во Франции, Германии и Нидерландах. К концу 1554 года орден имел уже восемь провинций. Первая, Индия, насчитывала двенадцать поселений, из них две — в Японии; вторая, Бразилия, — пять поселений; третья, Португалия, — пять поселений; четвертая, Кастилия, — девять поселений; пятая, Южная Испания, — пять поселений; шестая, Арагон, — четыре поселения; седьмая, Италия без Рима, — одиннадцать поселений; восьмая, Сицилия, — три поселения. Кроме того, в непосредственном ведении генерала находились три орденских дома в Риме, коллегии в Тиволи и Вене, поселение в Турне, союзы иезуитских студентов в Лувене, Кёльне и Париже.

Таким образом, территория ордена простиралась уже тогда от Японских островов до бразильского побережья. Она заключала в себе не менее 61 резиденции и 63 домов, не считая поселений в Тетуане, в португальской колонии Конго и других, существование которых было еще плохо обеспечено. И развитие ордена далеко еще не было закончено. На это указывает не только то обстоятельство, что в ближайшие полтора года, прошедшие с начала 1554 года до смерти Игнатия, последовавшей 31 июля 1556 года, число провинций увеличилось до двенадцати, число резиденций до 72, число домов и коллегий до 79, число членов до 1000. В Центральной Европе и португальских колониях отдельные резиденции кажутся аванпостами во вражеской стране, и даже в Южной Европе в цепи резиденций имелись значительные пробелы, но тем не менее этой широко развернутой боевой линией руководит и командует единая воля, потому что все административные нити сходятся в одном пункте — в кабинете генерала ордена в Риме.

Этот кабинет стал походить на кабинет государя, и сам генерал обладал могуществом, которому могли позавидовать

многие государи. Он имел тесные взаимоотношения почти со всеми католическими дворами, получал письма, запросы, тайные сообщения почти из всех частей мира. Кроме того, генерал регулярно получал подробные отчеты, по крайней мере раз в три месяца, от всех резиденций ордена, находящихся в Европе, и еще чаще тайные донесения от отдельных братьев. Таким образом, его кабинет являлся одновременно и церковно-политической канцелярией, и крупным информационным бюро. Здесь лучше, чем где-либо, можно было ознакомиться с задачами и успехами деятельности ордена.

Рассмотрим сначала отчеты, приходившие от европейских резиденций. Во многих отношениях они не дают нам ничего нового о деятельности ордена. Иезуиты продолжают выступать в качестве законоучителей, духовников, руководителей духовных упражнений и проповедников. Они явно не придают законоучительству такого большого значения, как раньше, но зато деятельно выступают в роли духовников. Как духовники иезуиты уже в это время оказывают большое влияние на правящие и образованные классы. Никто лучше Игнатия не понял важности этого факта. Он разослал всем принадлежавшим к ордену священникам инструкцию исповеди, дабы увеличить могущество ордена в исповедальне. Иезуиты по-прежнему деятельно выступают и пользуются широкой популярностью в качестве проповедников. Они проповедают всюду, где представляется удобный случай: в церквях и монастырях, в домах призрения, тюрьмах, на галерах, на улицах и площадях. Они всегда умеют приспособиться к вкусам публики, говорят ли они перед государями и вельможами, священниками и кардиналами или же перед крестьянами и пастухами, проститутками и преступниками. Ленец дал нам блестящий пример этого красноречия, готового приспособиться ко всем обстоятельствам, в цикле речей о вексельном и торговом праве, произнесенных им в Генуе, при помощи которых он завоевал для ордена этот большой приморский город.

При этом иезуиты отнюдь не пренебрегают и делами благотворительности. Как раз в это время они основывают в Палермо Дом Святой Марфы и убежище для сирот; в диоцезе Гиргенти — кредитное учреждение с целью прийти на

помощь задолжавшим сицилийским крестьянам; в Неаполе и других городах — братства Тела Господня, которые посвящают себя уходу за больными и примирению частных споров. Словом, деятельность ордена во всех отраслях внутренней миссии все еще очень широка и оживленна. Но достаточно, хотя бы поверхностно, перелистать отчеты, чтобы убедиться в том, что на первое место начинает выдвигаться другая задача. В Италии к концу 1554-го и к началу 1555 года насчитывается пятнадцать иезуитских гимназий, на Сицилии — три, из которых одна с университетским курсом, в Португалии — две, в Испании — две, из них одна с университетским курсом, в Германии — одна; всего 23 высших учебных заведения приблизительно с 2500 учениками. В ближайшие полтора года число учебных заведений возрастает до 36, число учеников до 5700; кроме того, имеется двенадцать коллегий иезуитских учеников при католических университетах, где читают лекции иезуитские профессора (в Испании). Таким образом, иезуит уже не только законоучитель, проповедник, духовник и миссионер, но в первую очередь преподаватель средних и высших учебных заведений; орден иезуитов уже не является обществом, посвятившим себя главным образом внутренней миссии; он прежде всего — образовательный орден; генерал иезуитов уже не просто руководитель общества священников для внутренней и внешней миссии, но вместе с тем и распространитель высшего образования во всей католической Европе.

Если при своем возникновении орден обращался главным образом к народным массам, то теперь он обращается прежде всего к высшим слоям общества. Теперь он стремится их приобрести, обратить, привлечь на свою сторону. Из этих же соображений он становится аристократическим орденом. Его ряды начинают пополняться почти исключительно из рядов аристократии, людей, облеченных властью, богатством и образованием; естественно, что в этих избранных элементах общества орден и находит главную поддержку. Своими основными успехами он обязан их расположению, а не расположению народных масс. Народ уже не желает его нигде, хотя всюду, где орден уже пустил корни, легко позволяет управлять собой.

Однако преподавание в высших учебных заведениях является только одной из новых задач, которым орден посвящает в 1554 году свои силы. Были и другие. В отчетах, присланных из Италии, Испании и Франции, нередко говорится о встречах и столкновениях иезуитов с еретиками. В Оверни у отца Брета возникают серьезные столкновения с кальвинистами. В Вальтелине один только отец Гальванелла не уступает протестантам, составлявшим здесь большинство. В Неаполе с горячими проповедями против ереси выступает Сальмерон. В Ферраре отцу Лепеллетье удалось оказать давление на герцогиню Ренату Феррарскую¹⁰ и вернуть ее из кальвинизма в лоно католической церкви.

Но еще больше о делах этого рода говорится в отчетах, присланных из Германии. В Германии иезуиты, очевидно, считали борьбу с ересью одной из наиболее важных своих задач. Здесь иезуиты действовали почти исключительно как воинствующий орден. Впрочем, даже для Германии резиденцией главного военного штаба является не Вена, а Рим. В Риме уже с 1552 года Игнатий стал готовить тех, кто должен был руководить борьбой против ереси в Германии в качестве офицеров. В Риме 18 августа 1554 года, почти через двадцать лет после знаменательного дня на Монмартре, Игнатий составляет свой знаменитый план нападения на еретическую Германию, который впоследствии выполнили от пункта до пункта в союзе с иезуитами католические государи. Таким образом, Игнатий сам организовал широкомащтабную священную войну против протестантской Германии и тем подготовил все дальнейшие победы, одержанные орденом в этой стране.

Иезуиты как образовательный орден

Среди многочисленных задач, предлагаемых ордену статутом 1539 года, преподавание в высших учебных заведениях даже не упоминается, а о войне с протестантизмом говорится только как о возможной задаче. Поэтому возникает вопрос: каким путем Игнатий пришел к видоизменению своей про-

граммы? Если иезуит должен был «стать всем для всех, чтобы приобрести всех», он должен был превосходить все круги, на которые он хотел воздействовать, не только энергией и рвением в делах веры, но и своим образованием. Никто не понял этого лучше Игнатия. Поэтому в воспитании неофитов ордена умственное развитие с самого начала занимало почти столь же важное место, как военная муштра характера и духовное воспитание.

Однако первоначально Игнатий отдавал образовательную функцию католическим университетам, которые, по его мнению, были более приспособлены для ее выполнения, нежели орден, загруженный массой других обязанностей. Но уже в начале 1540-х годов мы встречаем союзы студентов-иезуитов в Париже, Падуе, Коимбре, Алкале, Валенсии. Чаше всего они живут вместе в одном доме под руководством одного или нескольких священников ордена, которые следят за их занятиями и время от времени устраивают с ними репетиции и диспуты. Но лекции они слушают вместе с другими студентами у университетских преподавателей. Эта система имела ряд неудобств. Однако Игнатий некоторое время оставался верен ей, с одной стороны, потому, что не хотел обременять своих последователей, возлагая на них еще и преподавание в высших учебных заведениях; с другой стороны, потому, что видел в этих студенческих обществах лучшее орудие пропаганды в пользу ордена. Естественно, что еще меньше он хотел брать на себя образование и воспитание посторонних. Но знания его учеников и то искусство, с которым они вели диспуты, производили столь сильное впечатление, что он не мог отказаться от использования этих их качеств.

Уже в 1538 году Фабер, Ленец и Сальмерон по приказанию Павла III взяли на себя чтение лекций в Римском университете. В 1546 году наиболее могущественный покровитель ордена в Испании, герцог Франческо Борджиа¹¹, привлек французского иезуита Онфруа к преподаванию в университете Гандии, а в 1547 году иезуиты заняли все профессорские кафедры этого небольшого университета.

В конце того же года городской совет Мессины предложил устроить для ордена в местном университете коллегия на том условии, что генерал обяжется постоянно замещать

четыре профессорские кафедры. Игнатий ответил согласием. Новая школа с семью профессорами-иезуитами была открыта на Пасху 1548 года. Успех ее был настолько велик, что к Игнатию стали со всех сторон обращаться с просьбами дать иезуитских профессоров, и в конце концов он перестал противиться превращению ордена в образовательный. Уже в 1549 году в Палермо была открыта вторая иезуитская гимназия. В то же время иезуиты начали преподавать в одном из немецких университетов — в Ингольштадте. В 1550 году была основана гимназия в Тиволи; 18 февраля 1551 года в Риме была открыта образцовая центральная школа ордена — римская коллегия; после Пасхи была освящена гимназия в Венеции, в июне школа в Вене, в июле гимназия в Ферраре, в октябре гимназия в Болонье. В 1552 году возникли коллегии во Флоренции, Неаполе, Падуе, Джуббио, Перудже, Модене и германская коллегия в Риме; в 1553 году — коллегии в Лиссабоне, Эворе, Монреале, в 1554-м — коллегии в Кордове, Коимбре и т. д. В течение шести лет орден захватил в свои руки преподавание во всей романской Южной Европе и стал твердой ногой в Германии. В 1554 году иезуитская школа уже сложилась — сложилась раньше, чем орден признал в качестве безусловного принципа необходимость взять в свои руки образование иезуитов.

Говорят, что прусский школьный учитель обеспечил Пруссии гегемонию в Германии. С гораздо большим основанием можно было бы сказать, что всюду, где протестантизм терпел поражение, победителем был учитель-иезуит, который обеспечил старой церкви победу во многих странах, уже успевших полностью или частично перейти к лютеранству. Господствующие классы, воля которых решала веру народов, были вновь завоеваны католицизмом только потому, что орден получил своего рода монополию преподавания в романских странах, в Польше и во многих немецких областях. Если представить себе карту Европы XVI века с нанесенными на нее ареалами распространения религий, то мы увидим на ней результат тех изменений, которые произвели школьные учителя-иезуиты в Европе в 1550—1556 годах. Еще многие годы после этого в умственной жизни католических наций можно было наблюдать влияние иезуитской школы,

которая тогда пользовалась настоящей монополией в области преподавания в высших учебных заведениях.

Чем большее значение имеет этот факт, тем решительнее мы должны подчеркнуть то обстоятельство, что Игнатий сначала вовсе не думал о завоевании кафедры и решился на это лишь по причине настоящих покровителей ордена. Тем не менее иезуитская школа, безусловно, его детище. И не только потому, что он наложил на нее печать своего гения, но и потому, что он провел с большой осторожностью и энергией преобразование ордена в образовательный орден, как только понял, какие плоды может принести иезуитам это новое поле деятельности.

Иезуиты как воинствующий орден

Как Игнатий стал организатором священной войны против ереси и превратился в анти-Лютера?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним сначала несколько сухих исторических дат. Летом 1540 года, еще до утверждения ордена, Клод Леже проповедует в Бресции против еретиков, но Игнатий возложил на него это поручение не по собственной инициативе, а по приказанию папы. Начиная с 1542 года Фабер, Бобадилла и Леже ведут борьбу с ересью в Германии. Но послал их сюда не Игнатий, а папский легат, епископ Моденский. В следующем году Сальмерон отправляется в Модену с той же целью, но он опять-таки по приглашению моденского епископа кардинала Мороне. В то же время Араоц борется с еретиками в Лукке; в 1544 году Ленец — в Бассано. Но взяться за это дело их заставляет личное рвение, а не приказания генерала. С 1546 года Ленец и Сальмерон ведут энергичную борьбу с ересью на Тридентском соборе; и в этом случае миссию поручает им не Игнатий, а папа. В следующем году Сальмерон борется с чтением еретических книг в Болонье. Леже приглашается в Феррару, главным образом для того, чтобы вернуть в лоно католической церкви герцогиню Ренату. Но в обоих случаях инициатива исходит не от Игнатия; Леже призвал герцог Геркулес

Феррарский¹², а Сальмерон действовал по своей личной инициативе. В 1548 году Брет обращает в Болонье «многих лютеров»; Сильвестр Ландини получает известность как «первый борец против ереси» в Луне и Сарцане. Но и в этих двух случаях инициатива исходит не от Игнатия. В 1549 году Ландини действует в этом направлении в Кампореале, Сальмерон в Вероне, в городе и диоцезе Беллуно; и снова поручение исходит не от Игнатия, а епископов этих городов.

В том же году иезуиты начинают преподавать в Ингольштадте, но их посылает туда не Игнатий — они приглашаются баварским герцогом Вильгельмом IV¹³. В 1550 году иезуиты принимают участие в инквизиционных преследованиях в Мессине; но это поручение навязывает им сам инквизитор. Они самым энергичным образом добиваются, по крайней мере, того, что их освобождают от участия в уголовных процессах. В 1551 году начинается их деятельность в Вене; но и сюда призывает их не Игнатий, а король Фердинанд¹⁴.

Германскую коллегию в Риме основывает в 1552 году не Игнатий, а кардинал Мороне. Однако Игнатий берется с большим жаром за план Мороне. Он прилагает все усилия к тому, чтобы организовать коллегию на самых широких началах. С этого момента он видит в борьбе с ересью одну из наиболее важных задач своего ордена и берет в свои руки инициативу в этой области, как показывает план кампании 1554 года.

Приведенные выше сухие даты весьма поучительны. Орден иезуитов, постепенно ставший образовательным орденом, также постепенно превратился в воинствующий орден. Второе превращение, как и первое, явилось результатом главным образом посторонних влияний: на этот путь развития орден направили курия, несколько епископов, баварский герцог Вильгельм IV и Фердинанд I Австрийский. По-видимому, Игнатий первоначально так же мало был склонен брать на себя эту задачу, как и преподавание в высших учебных заведениях.

Впрочем, священной войне против еретиков он отдал свою армию без всяких сомнений, даже с радостью, и организовал эту деятельность с удивительным искусством. Таким обра-

зом, хотя Игнатий и начал свое мировое дело не как анти-Лютер, а, скорее, как католический Август Герман Франке¹⁵, тем не менее он с течением времени стал анти-Лютером. Эта эволюция не была случайной; она была не только простым результатом ряда обусловивших ее внешних обстоятельств, но в той же мере актом собственной воли Игнатия. Ибо он не позволил обстоятельствам навязать себе эту задачу; он взялся за нее, давая себе полный отчет в том, что делает.

Таким образом, Общество Иисуса было сначала благочестивой ассоциацией студентов, затем превратилось в конгрегацию священников для внешней и внутренней миссии, и, наконец, начиная с 1544 года, оно постепенно стало католическим образовательным и воинствующим антипротестантским орденом. Его программа во всем своем объеме была установлена лишь в 1552 году. До этого момента орден только складывался. Однако даже после окончательного утверждения программы формирование ордена не было еще полностью закончено. Ему не хватало еще официально признанной конституции, закона, который бы регулировал его внешнюю деятельность и внутреннюю жизнь.

Конституция иезуитов

Общество студентов 1534 года еще не нуждалось в подобной конституции; оно представляло собой лишь маленький кружок лиц, объединенных общими убеждениями и общим идеалом и совершенно не считавшихся с возможностью, что их кружок, который, подобно всем организациям такого рода, покоился на принципах равенства и братства или братской любви, переживет их самих. Конгрегация священников для внутренней и внешней миссий тотчас же создала себе статут и заменила принцип равенства принципом военной иерархии, а принцип братства принципом военного подчинения. Но эта конституция была очень несовершенна и долго оставалась таковой. Только тогда, когда развитие ордена почти уже завершилось, Игнатий взялся за составление конституции в собственном смысле слова.

В 1550 году она была закончена в общих чертах; но Игнатий еще долгое время работал над улучшением своего первоначального проекта и лишь в 1555 году познакомил со своим произведением иезуитов Испании и Германии. Таким образом, ему не только удалось принять в расчет результаты внутреннего развития ордена, благодаря чему «Конституции» представляют собой в одно и то же время и отражение и плод этого развития; ему удалось также приспособить организацию ордена до мельчайших деталей к той цели, для достижения которой он его создал, то есть сделать его и фактически тем, чем он должен быть по идее, — отборным отрядом, всегда готовым к битве, на службе у воинствующей церкви.

Формированию такого отборного войска он и посвящает, главным образом, первые части «Конституций», в которых изложены условия рекрутирования членов ордена (I), отпуска их (II) и подготовки (III и IV); способы, при помощи которых может быть достигнута необходимая боевая готовность, указаны преимущественно в постановлениях об организации (части V–X).

Что касается рекрутирования, то едва ли какая-нибудь другая корпорация была так разборчива и осторожна в приеме новых членов, как Общество Иисуса.

Безусловно пригодными Игнатий считает лишь лиц здоровых, в полном расцвете сил, привлекательной наружности, с хорошими умственными способностями, спокойным и энергичным характером. Богатство и благородное происхождение не являются необходимым условием, но всегда — хорошая рекомендация. Условно годными признаются люди, с трудом господствующие над своими страстями, слабохарактерные, склонные к мечтательности, обнаруживающие упорную и ограниченную привязанность к своему мнению, с посредственными умственными способностями, слабой памятью, не умеющие хорошо говорить, страдающие телесными недостатками или отличающиеся отталкивающей наружностью, обремененные долгами. Совершенно непригодными признаются все те, которые принадлежали к еретическим или раскольническим общинам или были осуждены за заблуждения в вере, далее — монахи, отшельники, люди слабоумные или склонные к слабоумию, наконец, все лица,

которые по тем или иным мотивам не могут принять священнический сан. В последнюю группу отнесены женщины.

В последнюю минуту Игнатий воспротивился образованию женского отделения ордена, конечно, не из-за канонических соображений, а потому, что полагал, что из совместной работы с женщинами «может возникнуть лишь огонь или дым». Несмотря на то что Игнатий первыми своими успехами был обязан женщинам, он в своей старости мало уважал прекрасный пол и жестко оттолкнул своего старого друга Изабеллу Розер, желавшую основать конгрегацию иезуиток; он придал своему обществу чисто мужской характер.

Но если даже неопит окажется вполне пригодным, он не может с уверенностью рассчитывать на спокойное пребывание в ордене потому, что в последнем безусловно царит военная система синего письма¹⁶. Тот, кто ведет себя плохо или является малоспособным к работе ордена, просто исключается из него без каких-либо процессуальных формальностей. Подобные «кровопускания» повторялись в первое время довольно часто и обычно нисколько не вредили Обществу. Они поддерживали его здоровье, молодость и свежесть и с выгодой заменяли, на что вполне обоснованно указал Игнатий, все другие, более суровые дисциплинарные меры. Но вообще внимание, с которым Общество относилось к подготовке своих членов, охраняла его от подобных разочарований. Согласно «Конституциям», вновь принятый член поступает сначала на два года в новициат, или дом испытания. Здесь новиций получает военное воспитание характера и сердца, необходимое для рыцаря Христа, здесь он учится самоотречению и повиновению, молиться и созерцать, исповедоваться и должным образом посещать богослужение. Кроме того, если позволяют обстоятельства, он упражняется в произнесении проповеди. Наставники строго следят, чтобы он не переходил границ в благочестивых упражнениях и не вредил своему здоровью умерщвлением плоти. Если он не обнаруживает склонности к научным занятиям, то становится к концу первого года светским коадьютором, то есть вступает в орден в качестве как бы светского брата, и в этом звании исполняет в домах ордена разного рода обязанности низших чинов.

Если, напротив, он обнаруживает талант, то к концу второго года становится схоластиком, то есть его посылают в одну из многочисленных школ ордена, где он должен всецело отдаться научным занятиям в течение долгих лет. Сначала он проходит гимназический курс, затем на протяжении трех лет изучает философию. После этого его обычно посылают в течение некоторого времени быть учителем. Если он обнаружил способности, его допускают к изучению богословия, которое отнимает у него по меньшей мере еще четыре года. Заключением и венцом второго периода занятий является рукоположение в священники.

Однако посвящение еще не дает ему права немедленно начать исполнять священнические функции. Разрешение на это он получает лишь по истечении годичного срока, после того как он, принеся три монашеских обета — бедности, целомудрия и повиновения, вступит в разряд духовных коадьюторов. Но даже в качестве духовного коадьютора он не принадлежит еще к Обществу Иисуса в строгом смысле слова. В Общество он принимается лишь после допуска к профессии, то есть к торжественному принесению не только трех монашеских обетов, но и специальной присяги верности, которая связывает Общество с папой.

Из этой необыкновенно точно урегулированной системы подготовки само собой вытекает иерархическое расчленение ордена. Он делится на четыре класса: 1) схоластиков, то есть студентов в собственном смысле слова, потому что новиицы, подвергающиеся искусству в домах ордена, еще не считаются членами Общества; 2) светских коадьюторов; 3) духовных коадьюторов; 4) профессоров¹⁷. В известных случаях к этим четырем классам может присоединяться пятый класс «индифферентов», то есть таких членов ордена, относительно зачисления которых в тот или иной класс Общество еще не успело принять решения.

Раньше думали, что под именем «индифферентов» разумеются иезуиты в коротком платье, то есть тайные иезуиты. Но это заблуждение. Правда, при Игнатии было два случая, когда высокопоставленные лица некоторое время скрывали свое вступление в Общество, чтобы спокойно привести в порядок свои личные дела. Но тайных иезуитов, всю

жизнь скрывавших свою принадлежность к ордену, никогда не существовало.

Эта армия, состоящая из четырех разрядов, естественно, нуждается в крепкой местной и центральной организации. Нижнюю степень первой образуют обыкновенные поселения, резиденции и миссии; затем более крупные орденские дома, коллегии, новициаты и дома профессов. Эти поселения и дома сгруппированы в провинции, во главе которых стоят провинциалы. Наконец, провинции образуют так называемые ассистенции. Стоящие во главе этих ассистенций ассистенты являются не местными должностными лицами, а членами центрального правительства и имеют свое местопребывание в Риме.

Сказав об ассистентах, мы уже назвали один из важнейших органов генерального штаба Общества. Кроме ассистентов в состав штаба входят: адмонитор, то есть приставленный орденом к генералу контролер; далее, помощники генерала, среди которых на первом месте стоят генеральный секретарь и генеральный прокуратор — министр финансов ордена. Но душой всей организации является генерал, избираемый пожизненно. Один облеченный правом повелевать, он неограниченно руководит всеми действиями ордена и выбирает всех должностных лиц ордена, за исключением ассистентов и адмонитора. Кроме того, он полновластно распоряжается всем имуществом ордена и разрешает своими приказами, имеющими силу закона, все вопросы, которые не требуют изменения конституции ордена. Как единственный представитель ордена во внешних делах, он руководит всеми переговорами с верховным военным главой, папой, и со всеми светскими державами, с которыми орден имеет отношения.

Принимая все это во внимание, мы могли бы вместе с иезуитом Марианой назвать конституцию ордена абсолютно монархической. Но: 1) генерал в принципе не несменяем; 2) он в принципе ответствен перед орденом; 3) в известной мере он находится под контролем общества, которое назначает ему, в лице его духовника, адмонитора, то есть контролера или советника. В этом заключалась возможность ограничить власть генерала. Но Игнатию, конечно, была чужда

подобная мысль: иначе он не сделал бы эту систему контроля почти иллюзорной, дав одному только генералу право созывать генеральную конгрегацию во время своего правления.

Фактически генерал, в силу конституции, правит орденом почти так же самовластно, как главнокомандующий командует своими войсками. Правда, это самодержавие соединяется со своего рода парламентом, генеральной конгрегацией, состоявшейся из провинциалов и известного числа депутатов от каждой провинции, которые выбирались почти исключительно среди иезуитов высшего класса, профессоров. Этот парламент, прежде всего, имеет право в случае вакантности поста генерала выбрать новое правительство, то есть избрать нового генерала, новых ассистентов и нового администратора. Во-вторых, он образует высшую законодательную власть ордена, и, в-третьих, он один может распускать поселения ордена. Но так как он может самостоятельно собираться только в случае смерти генерала, то он не составляет, подобно генеральным капитулам других орденов, противовеса власти генерала и действительно имеет в первое время очень небольшое значение. Еще менее генерал может опасаться собрания провинциальных прокураторов, которое с 1581 года собирается каждые три года, так как это собрание носит исключительно осведомительный характер. Таким образом, Мариана прав в своем суждении о правительстве ордена в его первоначальном виде. Орден в том виде, как его создал Игнатий, действительно представлял собой абсолютную, самодержавную монархию.

Этот строгий абсолютизм был, конечно, лишь следствием самой природы ордена. Раз орден должен был быть всегда к услугам папы, в полной боевой готовности, он должен был подчиняться единой власти, должен был от первого человека до последнего преклоняться перед единой верховной волей — от крайних пределов Азии до берегов Бразилии. Это единство верховной власти было легко провести в статутах, но трудно применить на практике. Игнатий старался достигнуть этого: 1) организацией письменных отношений между главой ордена и членами, 2) железной военной дисциплиной.

Уже в его время письменные сношения внутри ордена играют очень важную роль, как ни в одном из европейских государств. Уже при нем существует настоящее правительство кабинета; Игнатий не пренебрегает никакими осведомительными средствами, пользуясь даже «денунциациями», то есть тайными донесениями, как бы ни предосудительны они были с точки зрения морали. Но в его глазах дисциплина еще важнее. Подчиненный должен смотреть на старшего, как на самого Христа; он должен повиноваться старшему, «как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая повинуется всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях; как маленькое распятие, которое можно поднимать и которым можно двигать как угодно».

Излишне напоминать, что все это лишь основные принципы военной дисциплины. Однако следует заметить, что зародыш этих принципов мы можем найти в истории монашества еще задолго до Игнатия: уже древний Бенедикт Нурсийский¹⁸ настаивает на том, что в аббате нужно видеть заместителя Христа; уже Франциск Ассизский¹⁹ предписывает повинование трупа; именно у него и взял Игнатий это знаменитое сравнение. Нова у Игнатия не идея, а тон, с которым он предлагает ее. При внимательном отношении нельзя не прийти к заключению, что никто не придавал субординации и повинованию так много значения, как Игнатий. Он развил целую теорию повинования, в которой различает три степени: 1) подчинение действия, 2) подчинение воли, 3) подчинение ума. Последняя степень является наивысшей потому, что отречение от собственных убеждений есть самая трудная жертва, которую можно требовать от человека. Но именно поэтому она и составляет отличительный признак совершенного иезуита, цель и венец долгого воспитания, которому орден подвергает своих учеников.

Раз армия должна всегда быть в полной боевой готовности к услугам генерала, то для этого, кроме полного внутреннего единства, необходимо, чтобы каждый отдельный член ее был совершенно свободен от обязательств, которые могли помешать свободе его действий. Игнатий позаботился и об этом: 1) он обеспечил иезуитам безусловную незави-

симось от всех светских привилегий; 2) он освободил их от всех монашеских и священнических обязанностей, которые могли бы стеснить их деятельность; 3) в то же время он обеспечил им высшие привилегии светского духовенства, а учреждениям ордена, поскольку они вели университетское преподавание, — высшие привилегии университетов.

Вследствие этого иезуит не обязан, как монахи, носить специальный костюм; он не обязан всецело отдаваться аскетизму; он не обязан, подобно членам капитулов или так называемым регулярным каноникам, петь в хоре. Таким образом, он и не монах, и не светский священник в обычном смысле слова; он представляет собой нечто особенное. Он — совершенно независимый от какой бы то ни было посторонней власти член священнической корпорации, суверенно управляемой единым главой, который ответствен только перед папой. Таково же положение всех поселений и домов ордена. Где бы они ни находились, они являются среди государственных территорий как бы владениями иностранной державы, которая суверенно управляет ими, хотя бы по временам и скрывает это.

Таким образом, орден образует автономный политический организм, государство с собственным правом, собственной конституцией, собственным имуществом, словом, государство наподобие древних германских государств: армию, всегда готовую к бою с девизом «Ad Majorem Dei Gloriam»²⁰, то есть к наибольшей славе церкви, управляемой непогрешимым папой.

Место Общества Иисуса в истории монашества

Общество Иисуса является, конечно, своего рода шедевром, и его создатель, несомненно, принадлежит к числу самых крупных организаторов всех времен. Но отсюда не следует, чтобы оно представляло собой в истории монашества нечто абсолютно новое и не имело прецедентов и образцов. Если рассматривать его во всемирно-исторической перспекти-

ве, то оно так же, как и иезуитский идеал жизни, покажется скорее результатом тенденций, уже раньше существовавших и действовавших в эволюции монашества. Хотя первоначально монах думал исключительно о своем личном освящении и бежал не только от мира, но и от церкви и даже от других монахов, все же в монашестве с течением времени появилась тенденция к образованию конгрегаций и тесному сближению с жизнью церкви и мира.

Известно, что в IV веке наряду с отшельническим идеалом возникает идеал монашеского общежития. Наряду со скитами и колониями отшельников, где живут исключительно ради личного очищения, мы находим монастыри, где братская любовь признается священной обязанностью. Уже тогда, особенно на Западе, возникает тенденция привлекать монахов на службу церкви, а вместе с тем и тенденция подчинить церковь, то есть духовенство, — монашеству. В лоне латинской церкви эта тенденция проявляется с возрастающей энергией: celibат клириков, большие монашеские организации священников, участие монахов в реформе церкви представляют собой общеизвестные результаты взаимодействия между монашеством и церковью, которое с течением времени все более усиливается. Но еще важнее то обстоятельство, что монашество само стремится отодвинуть аскетизм на второй план и выдвинуть на первое место дела светской, практической благотворительности и специфические церковные задачи — оно начинает видеть свой идеал в служении церкви и миру. Уход за больными, выкуп попавших в рабство христиан, даже постройка мостов и война с неверными начиная с XII века признаются специальными обязанностями монашеских ассоциаций. При этом важнейшее значение имеет апостольская проповедь Франциска Ассизского.

Совершенно не стремясь к тому, эта проповедь вызвала появление новой группы монашеских обществ, которые немедленно захватили в свои руки все священнические функции и стали конкурировать со светским духовенством на его собственной земле, видя в проповеди и заботе о спасении душ призвание истинного монаха. Орден иезуитов непосредственно примыкает к этой фазе развития, пред-

ставленной нищенствующими орденами, но он идет гораздо дальше нищенствующих орденов. Аскетизм и созерцание он сохраняет лишь в качестве подготовительных упражнений; в филантропической деятельности среди мира, в служении церкви он видит истинную задачу ордена; он обязывает своих последователей вести монашеский образ жизни лишь в той мере, в какой он не стесняет и не мешает практической деятельности; он возвращает монашество в мир и церковь с целью заставить его всецело служить миру и церкви. Следовательно, он знаменует собой апогей и завершение той эволюционной эпохи, которая сближала монашество с церковью и миром, а вместе с тем, с известной точки зрения, апогей и завершение развития монашества на Западе.

Организация ордена иезуитов также является до известной степени апогеем и завершением этой тысячелетней эволюции. Древние монастыри Запады первоначально развиваются в тесной связи с окружающими их церковными и политическими учреждениями; в церковном и политическом отношении они не составляли автономных учреждений. Но по мере того, как монашество начинает принимать все большее участие в управлении церковью, оно все более приходит к сознанию своего собственного значения, все живее чувствует необходимость добиться для монастырей церковной и политической самостоятельности.

Эта тенденция встречает энергичную поддержку со стороны курии и в конце концов приводит к все более и более тесному союзу между монашеством и папством. А так как изолированные монастыри обычно не могут отстаивать свою независимость, то вскоре возникают попытки теснее связать между собой монастыри, подчиненные одному и тому же уставу. Так возникают первые конгрегации монастырей, или монашеские ордены. В этих орденах отдельные монастыри сначала еще представляют собой довольно самостоятельные организмы. Но с течением времени ордены все более и более превращаются в интернациональные и папские учреждения. Если конституция цистерцианцев была еще полностью аристократической и сохраняла известную долю независимости для отдельных семейств монастырей, то нищенствующие ордены имеют уже вполне единообразную и законченную

организацию с избранной центральной администрацией, во главе которой стоит генерал.

Единообразие и централизация идут еще дальше в конституциях монашеских рыцарских орденов; в частности, появляются уже пожизненно избираемые главы орденов. Но это единообразие и централизация являются лишь робкой попыткой по сравнению с конституцией Общества Иисуса, где благодаря если не юридическому, то, по крайней мере, фактическому самодержавию генерала достигнута такая степень единообразия и централизации, которая уже не может быть превзойдена. В то время интернациональный характер Общества, так же как и его независимость по отношению ко всем властям, за исключением одного лишь папы, обставлен такими гарантиями, какие только можно себе представить.

С точки зрения своей конституция Общество Иисуса также является кульминационным пунктом всей предшествующей эволюции западного монашества. Оно представляет собой последний из великих орденов, созданных католической церковью. В то же время оно представляет собой орден, наиболее отклонившийся от первоначального идеала монашества, но тем не менее выразивший с наибольшей силой, как в своем идеале, так и в своей конституции, те основные тенденции, которым монашество было обязано своим развитием. Поэтому его история богаче и разнообразнее истории всех других орденов; правда, это касается скорее его внешней истории, потому что его задача заключалась в деятельности вне церкви. И Общество Иисуса честно выполнило эту задачу. Оно не только добровольно поступило на службу церкви и сумело заставить мир повиноваться ей, оно стало само, как мы увидим ниже, одной из великих мировых сил.

Глава III Победное шествие Общества Иисуса по Европе

Рим, Виттенберг и Женева

Если мы взглянем с высоты птичьего полета на состояние церковных дел Европы в 1546 году, то перед нашими взорами предстанет поразительная картина. Рим, древняя религиозная столица Запада, представляет собой лишь тень своего бывшего величия. Два небольших города, имена которых за полвека до того были известны лишь в ближайшей округе, как будто захватили положение Рима в мире и привлекают к себе взоры всех в еще большей степени, чем Рим: это — Виттенберг и Женева. К 1543 году лютеранство распространилось из Виттенберга на целый ряд немецких земель: Пруссию, Курляндию, Ливонию, Эстляндию, Финляндию, Швецию, Норвегию и Данию. В Трансильвании новое учение тоже уже стало влиятельной силой; в Венгрии евангелическая партия в 1545 году впервые созывает синод и производит смотр своим силам; в Польше в течение последних лет она развивается с такой силой и с таким постоянством, что отпадение королевства от католицизма является лишь вопросом времени.

Под руководством великого Кальвина Женева постепенно становится центром, который не только стоит во главе

евангелических территорий Швейцарии, но и направляет все евангелическое движение Западной Европы; ибо во Франции, Фландрии и Голландии в 1545 году существуют уже сильные евангелические партии. В это же время начинается крушение старой церковной системы в Шотландии. Англия уже давно порвала с Римом и проявляет известную склонность примкнуть к Реформации и в сфере учения. Словом, почти во всей Центральной и Северной Европе появились отделившиеся от Рима церкви или возникли могущественные евангелические партии. Апеннинский и Пиренейский полуострова, где, впрочем, также существует движение в сторону протестантизма, представляют собой единственные страны, где нет ни одного симптома общенационального разрыва с папством.

Однако для католического наблюдателя столь же ужасным, как это всеобщее отпадение от Рима, должен был казаться глубокий упадок церковной жизни в некоторых странах, оставшихся верными папе. Новый дух при сохранении уважения к традиционным формам чувствовался лишь в трех местах: Риме, Венеции и Испании. В Испании после реформ конца XV века церковь процветала, как никогда. В Венецианской республике, благодаря театинцам, сомаскам и деятельности епископа Гиберти из Вероны, в заботе о душах и в богослужении снова получил господство более серьезный дух.

В Риме Павел III, последний папа-гуманист и художник, оставшийся до самой своей смерти настоящим государем эпохи Возрождения, проявил достаточно ума и осторожности, призвав вскоре после своего вступления на престол в коллегии кардиналов несколько ревностных сторонников церковной реформы, и показал, таким образом, что папство не враждебно реформаторским идеям. Важно было теперь перейти от добрых намерений к действию и всюду поставить преграды развитию протестантизма. Папство в том виде, в котором оно тогда находилось, не было в состоянии самостоятельно выполнить эту двойную задачу.

К счастью, ему не пришлось оставаться долго изолированным. Оно могло уже рассчитывать на нескольких могущественных союзников, прежде всего на дом Габсбургов, на португальский двор и на ряд менее значительные династий,

во главе которых следует поставить баварских Виттельсбахов. На его стороне были также и ревнители церковной реформы в Италии, испанская церковь и, наконец, иезуитский орден. Однако из всех этих помощников оно безусловно могло положиться только на одних иезуитов.

Правда, и католические государи, и итальянские реформаторы, и испанская церковь также желали искоренения протестантизма и возрождения религиозной жизни в лоне католической церкви, но в то же время они стремились к реформе папства, к ограничению его власти и его доходов. Только одно Общество Иисуса отдавало себя в распоряжение курии безусловно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в великой борьбе между католицизмом и протестантизмом папство тотчас же послало орден на передовые позиции.

В этой борьбе за власть церкви необходимо было одержать верх сразу в нескольких пунктах: во-первых, необходимо было укрепить и защитить против новаторов католические воззрения в области церковной организации и догматов; во-вторых, нужно было подготовить законодательным порядком реформу церковной организации, поскольку она была необходима с католической точки зрения. Эта двойная задача могла быть решена лишь Вселенским собором, созыва которого требовали все. Далее, нужно было произвести реформу церкви в каждой из католических стран; и, наконец, нужно было вырвать из рук протестантов захваченные ими территории.

Никогда до сих пор папству не приходилось так напрягать все свои силы. То обстоятельство, что оно, хотя и не без колебаний, решилось взяться за это грандиозное предприятие, которое, казалось, было труднее, чем борьба, предпринятая некогда папой Григорием VII за господство над церковью и миром, является блестящим доказательством его жизнеспособности и силы. Правда, вступая в великую битву, оно было лучше вооружено, чем некогда Григорий VII: оно не только имело на своей стороне могущественную партию, но и располагало отборным войском, на верность и боевую готовность которого могло безусловно положиться: оно имело на своей стороне иезуитов.

Триденский собор

---

15 марта 1545 года Павел III наконец созвал Вселенский собор в Триденте, в Южном Тироле. Среди немногочисленных участников, которые постепенно собирались в старую епископскую резиденцию на Эче, насчитывалось не менее трех иезуитов, двое из которых — Ленец и Сальмерон — были посланы самим папой. Ближайшее будущее должно было показать, насколько разумно поступил папа, послав их.

Чтобы не вызвать сразу недоверия у протестантов, собор, по желанию императора, должен был сначала обсудить церковную реформу и лишь потом перейти к догматам.

Но для папы было весьма важно отложить реформу и прежде всего осудить протестантскую ересь. Собор решил пойти навстречу его желанию. Но когда начались прения о догматах, немедленно выяснилось, что ряд выдающихся членов собрания сочувствуют протестантам в вопросах о Священном Писании, о первородном грехе, об оправдании верой. Необходимо было решительно выступить против этих опасных тенденций. Сделать это пытались многие, но никто не выполнил этой задачи с таким искусством и успехом, как иезуит Ленец.

Если Триденский собор в первый период своих заседаний подтвердил схоластическое учение Средних веков об оправдании и, таким образом, окончательно сломал мост между католиками и протестантами, то это прежде всего заслуга Ленеца. Но его роль на этом соборе стала еще значительнее в течение второй (май 1551 — апрель 1552 годов) и третьей (январь 1562 — декабрь 1563 годов) сессий собора. До начала третьей сессии в Европе было еще много католиков, которые верили в возможность примирения с протестантами. На соборе эту точку зрения поддерживали две державы — Франция и Германия.

Император Фердинанд I требовал от собора весьма серьезных уступок: разрешения брака для священников, причастия под обоими видами, литургии на немецком языке, употребления народного языка в богослужении, реформы монастырей и, прежде всего, реформы папства. Французы предъявляли аналогичные требования. Таким образом, собор грозил, как опасался того папа Пий IV, стать слишком

сильным лекарством для ослабевшего тела церкви. Участники собора спорили друг с другом с таким ожесточением, что в течение десяти месяцев нельзя было устроить ни одного общего заседания.

В феврале 1563 года положение казалось настолько безвыходным, что один пессимистически настроенный кардинал заявил, что власть папы неизбежно будет уничтожена. Но Рим всегда умел проявить необыкновенную ловкость. Мы уже знаем ту роль, которую сыграл в истории Игнатия кардинал Мороне. Этот преданный друг иезуитов, основатель Германской коллегии в Риме, в решительный момент, когда положение дел приняло для папства самый дурной оборот, сумел, работая за спинами участников собора, изменить сначала намерения императора, а затем при помощи искусно рассчитанных милостей привлечь на свою сторону одного за другим оппозиционных прелатов. «Ему более, чем кому-либо другому, обязана католическая церковь счастливым исходом собора». Но после Мороне никто на этом собрании не оказал больших услуг папству, чем Ленец.

Если папские легаты, председательствовавшие на соборе, все время должны были шадить оппозицию, то он мог открыто и безбоязненно защищать требования своего верховного командира, не поступаясь из них ни одной буквой. И он делал это. Ленец с непоколебимой логикой в речах и записках развивал догмат о папской непогрешимости, о безусловном превосходстве папы над всеми епископами и светскими властями. Несомненно, он не убедил оппозицию, но он помешал возведению ее взглядов в догматы и установил с никем не превзойденной точностью ту церковно-политическую программу, которую его орден, несмотря на временный перерыв, твердо проводил вплоть до провозглашения папской непогрешимости.

Его участие не сводилось лишь к предсказанию будущего и не ограничивалось областью догматических вопросов. Постановления собора, касающиеся церковной реформы, также носят на себе печать его влияния и влияния его товарищей. Именно он предложил воспитывать всех священников в семинариях, где ни малейшее дуновение еретических мнений не могло бы помешать их подготовке, а его старый

друг Сальмерон провел знаменитое постановление о браке, требовавшее для заключения брака присутствия приходского священника одного из вступающих в брак.

Таким образом, молодой орден наложил в известной степени свой отпечаток на прения и постановления этого великого церковного парламента. Ему суждено было еще раз оказать столь же решительное влияние на судьбы католической церкви — на Ватиканском соборе 1869—1870 годов. Здесь дух Ленеца добился окончательной победы над эпигонами оппозиции Тридентского собора.

Мрачные предчувствия папы Пия IV не оправдались. Сильное лекарство собора, сверх всякого ожидания, помогло расслабленному телу церкви. Крепко сплотившись в своем единстве, она не только принялась за восстановление своего внутреннего порядка и искоренение массы старых злоупотреблений, но и смогла, полная сознания своих сил, прекрасно вооруженная, горя желанием борьбы, вступить в бой с рассеянными батальонами протестантизма. Мировой курс снова изменился. Рим опять одержал верх над Виттенбергом и даже над Женевой. «Антихрист», как его звали протестанты, напряг все свои силы, чтобы в ожесточенной войне с протестантами снова воздвигнуть свой трон, и с этой целью разослал во все стороны иезуитов, в качестве своих главных борцов.

Иезуиты в Италии, Испании и Португалии

Франция является колыбелью Общества Иисуса, но свою программу и свое устройство оно получило в Италии. Как это произошло, мы уже рассказали. Об успехах ордена свидетельствует непрерывно растущее число коллегий (в 1680 году их было уже 128), но еще более поразительные доказательства его роста дает история итальянской культуры XVI и XVII веков.

Если образованная Италия возвратилась к обрядам и вере церкви, если она ревностно отдалась аскетизму и миссионерству, если она снова стала сочинять благочестивые стихи и церковные гимны и прославлять с большой искренностью

в картинах и статуях идеалы церкви, то не является ли это плодом того воспитания, которое получили образованные классы в школах и исповедальнях иезуитов? Можно быть различного мнения относительно его ценности, но несомненно одно: детская простота, радость, свежесть, наивная любовь к природе, которые проявляются с такой яркостью в благочестии великих национальных святых Италии и которые озаряют таким ясным светом многие произведения раннего Ренессанса, потеряны для нового поколения.

Ученики иезуитов слишком клерикальны, слишком набожны, слишком склонны к сентиментальному пафосу, чтобы сохранить эти качества. Они увлекаются чудесами и экзотическими видениями; их буквально опьяняют изображения ужасного умерщвления плоти и жестоких казней мучеников; им нужны в культе pompa, блеск, оперная постановка. Итальянское искусство и литература конца XVI века являются верным отражением этого перелома. Несомненно, можно назвать еще не менее славные имена. С технической точки зрения старые художники и музыканты XIV и XV веков оставлены далеко позади.

Однако творения художников конца XVI века далеко так не захватывают и не пленяют нас, как неловкие попытки и несовершенная техника их предшественников. Их святым можно верить лишь наполовину, их великим людям нельзя безгранично отдать своего сердца, в их храмах лишь с трудом можно испытать благочестивое настроение. Ажитация, выставление напоказ, навязчивая претенциозность, характеризующие произведения этого периода, ежеминутно оскорбляют наши самые интимные чувства и вместо порыва симпатии вызывают в нас скорее чувство отвращения к тем верованиям, которые они хотят интерпретировать и прославлять.

Уже в XVI веке вполне отчетливо чувствовалось, что иноземный дух грозил завладеть душой Италии, и, называя Испанию, вполне верно определяли врага. Но Италия не была в состоянии единодушно выступить против этой испанизации жизни, обычаев, веры и мысли. То обстоятельство, что орден испанского происхождения, в котором вплоть до 1581 года задавали тон испанцы, смог так быстро пустить корни в Италии и завладеть образованными и господствующими

шими классами на всем полуострове, является, может быть, наиболее ярким симптомом этой испанизации. Совершенно не свойственная Италии нетерпимость, обрезавшая крылья итальянской науке в тот момент, когда последняя готова была так смело подняться ввысь, приведшая Джордано Бруно на костер, Галилея к решетке инквизиционного трибунала, является прежде всего последствием той нравственной революции, которую вызвали «испанские отцы» и их ученики.

Но как раз в конце XVI века, в тот самый момент, когда испанизация Италии достигла своего высшего пункта, Общество Иисуса начинает постепенно становиться итальянским. С этого момента в генералы ордена обычно начинают выбираться итальянцы; им же поручают трудные предприятия. Особенно резко проявляется это в миссионерстве. Основатель иезуитской миссии в Китае, организатор миссионерской церкви в Японии, основатель великой миссии иезуитов в Мадуре (Ост-Индия), творцы иезуитского государства в Парагвае все без исключения итальянцы. Это в достаточной мере доказывает, что в конце XVI и в начале XVII века, во время наивысшего расцвета ордена, средоточие его сил лежит уже не в Испании, а в Италии.

Однако и в Италии орден не избежал жестоких разочарований. 14 мая 1606 года, из-за разногласий между курией и Венецианской республикой, иезуиты были изгнаны «на вечные времена» из Венеции, как самые верные слуги и защитники папы. Гнев и отвращение, которые они сразу внушили, были так глубоки, что эти «вечные времена» продолжались целые пятьдесят лет. Лишь в 1656 году им было разрешено снова появиться на территории республики. Но хотя им и удалось опять основаться здесь, они уже никогда не могли достичь в государстве святого Марка того влияния, которым пользовался Ленец, когда он проповедовал в городе лагун.

Вторым отечеством нового ордена после Италии была Португалия. Почву для него расчистил здесь бывший ректор коллегии святой Варвары в Париже Говеа; затем, в 1540 году, «апостолы» ордена Ксавье и Родригес взяли весь Лиссабон как бы приступом. Уже в 1452 году здесь возникли две коллегии, первые постоянные резиденции ордена; в 1546 году число португальских иезуитов было уже так велико, что Игнатий

решился сделать из Португалии самостоятельную провинцию. Но ни одна провинция не причинила иезуитам впоследствии столько забот своим неповиновением, как Португалия; ибо нигде в ордене не проявилось так рано и с такой силой стремление к национальному обособлению, которого Игнатий вполне основательно опасался и с которым боролся, как с худшим врагом своего интернационального предприятия.

Впрочем, этот факт показывает, с какой быстротой орден акклиматизировался в Португалии. Уже при Жуане III²¹ он был самой могущественной духовной корпорацией королевства. После смерти Иоанна ордену не только поручили воспитание его еще несовершеннолетнего внука Себастьяна, но он до такой степени завладел доверием монарха, что его влиянию приписывали, и не без основания, все принятые правительством меры, в частности и несчастные экспедиции против мавров, последняя из которых стоила жизни Себастьяну²² (4 августа 1578 года).

Даже теперь нельзя с уверенностью ответить на вопрос, содействовал ли орден соединению Португалии с Испанией. Все же он чувствовал себя весьма неплохо под испанским господством, что не помешало ему принять участие в революции 1640 года, возведшей на престол Браганскую династию; он всеми своими силами поддержал новую династию, щедро вознаградившую его за это.

При первом короле Браганской династии отец Фернандес был членом государственного совета и до тех пор, пока Альфонс VI²³ не достиг совершеннолетия, он оставался наиболее влиятельным советником королевы-регентши Луизы. Отец де Вилле принимал в 1667 году деятельное участие в свержении Альфонса VI, а отец Эммануэль Фернандес был в 1677 году даже назначен депутатом кортесов новым королем Педро II²⁴ в награду за оказанные орденом услуги, что вызвало протесты генерала.

Но даже если иезуиты не занимали никаких государственных должностей в королевстве, все же они были в Португалии могущественнее, чем в какой-либо другой стране. Они не только были духовниками всей королевской семьи, но и давали советы королю и его министрам во всех важных делах. По свидетельству одного из них, без согласия орде-

на нельзя было получить ни одной должности в администрации государства и церкви, так что духовенство, гранды и народ оспаривали друг у друга расположение и благосклонность иезуитов. Прибавим, что под их влиянием находилась даже международная политика государства. Никто не станет утверждать, что подобное положение вещей было полезно и хорошо для государства. И все же было бы несправедливо возлагать на иезуитов ответственность за разорение Португалии. Упадок начался до их появления в стране. Подлинной причиной этого разорения была колониальная политика, не соответствовавшая силам страны и быстро уменьшившая численность населения. Если бы иезуиты даже хотели бороться с этим злом, они были бы бессильны.

Португалия сразу попала в руки ордена. Испанию пришлось завоевывать шаг за шагом. Три силы оказывали сопротивление победоносному шествию иезуитов: испанская королевская власть, высшее духовенство и доминиканцы. Первый король из дома Габсбургов, Карл V, относился к ученикам Лойолы с нескрываемым недоверием. Его сын, Филипп II²⁵, правда, уже покровительствовал им и пользовался ими в своей политике, но то обстоятельство, что иезуиты зависели от иностранца, от генерала, жившего в Риме, казалось ему нарушением его суверенных прав. Он использовал все средства, чтобы ограничить власть генерала, разбить единство ордена и подчинить испанских иезуитов власти испанской короны.

Еще опаснее для ордена было враждебное отношение высшего духовенства, особенно толедского архиепископа Силицео. Но и высшее духовенство, и корону иезуиты сумели постепенно привлечь на свою сторону. Оппозиция доминиканцев оставалась несокрушимой потому, что для них иезуиты были подозрительны не только как соперники, но и как противники в области теологии. Тем не менее общество одержало в конце концов верх и в этой маленькой войне.

В XVII веке высшие классы и двор в Испании всецело в руках ордена иезуитов. Отец Нейдгарт, бывший офицер немецкой конницы, с 1665 до 1669 года неограниченно управляет всем королевством в качестве члена государственного совета, первого министра и великого инквизитора, правда, как будто лишь для того, чтобы доказать, что иску-

ный духовник далеко еще не искусный государственный деятель. Однако его падение, после которого он получил в качестве компенсации от королевы-регентши Анны Австрийской²⁶ кардинальскую шапку, вовсе не означало падения ордена. Доказательством этого может служить то, что десять лет спустя орден владел в Испании 98 хорошо обеспеченными коллегиями и семинариями, тремя домами профессоров, пятью новициатами и четырьмя резиденциями.

Население Испании в эту эпоху едва достигало 5 миллионов жителей. В Испании, как и в Португалии, разорение государства совпало с ростом ордена. Можно подумать, что и здесь существует причинная связь между проникновением иезуитов и упадком государства. Но это значило бы преувеличивать могущество ордена. Могильщиками Испании были не Лойола, а Филипп II и Ришелье. Верно, однако, что Общество Иисуса вместе с церковью и другими монашескими орденами ускорило процесс дезорганизации государства; чем богаче становилось Общество, тем беднее становилась страна; она настолько обеднела, что после смерти Карла II²⁷ в государственной казне не нашлось даже суммы, необходимой для оплаты за 10 000 месс, которые, по обычаю, должны были быть отслужены за спасение души усопшего монарха.

На Апеннинском и Пиренейском полуостровах господство католической церкви никогда серьезно не было поколеблено.

Небольшие кружки евангелистов, образовавшиеся в этих странах, можно было уничтожить относительно легко. Серьезные затруднения причинили своим государям одни только вальденсы²⁸. В Калабрии они в конце концов были совершенно уничтожены. В Пьемонте, напротив, несмотря на жестокие преследования, искоренить их не удалось. В обоих случаях иезуиты не принимали непосредственно участия в кровавом деле. В Калабрии, где в июне 1561 года в течение одиннадцати дней было повешено и перебито более 2000 человек и более 1600 было осуждено на тюремное заключение, иезуиты действовали лишь как миссионеры. В Пьемонте преследованиями руководил сам Пий IV. Знаменитый отец Андреа Поссевино первоначально, по-видимому, советовал герцогу Савойскому лишь разрушить церкви. Но

когда вальденсы подняли восстание, он сопровождал католическую армию в качестве войскового священника и рекомендовал сжигать еретических пасторов, называя это святым и необходимым делом.

Иезуиты во Франции

Главной ареной исторической борьбы между католицизмом и протестантизмом была не Южная Европа, а Европа Центральная: Франция, Нидерланды, Германия и Польша. Эти страны и были главным театром военных действий Общества Иисуса. Здесь, выполняя свое воинственное предназначение, оно неустанно боролось в течение почти двух веков и одержало, несмотря на ряд серьезных поражений, свои наиболее блестящие победы.

К концу XIX века во Франции насчитывалось 700 тысяч протестантов на 38 миллионов католиков; в 1660 году — 1 миллион 200 тысяч протестантов на 10 миллионов католиков; в 1598 году — 1 миллион протестантов на 8 миллионов католиков. В этих цифрах отражается эволюция протестантизма во Франции и в то же время важный факт внутреннего развития французского народа. Даже если бы сторонники реформы были более многочисленны, Франция едва ли бы превратилась в протестантскую страну. Но она была близка к установлению равноправия вероисповеданий. Если этого не удалось достигнуть, если, напротив, протестанты в конце концов были поставлены вне закона, то этим Франция обязана дому Гизов и монархии Бурбонов, с которыми французское духовенство и иезуиты заключили тесный союз для истребления протестантизма.

В 1540 году в Парижском университете училось несколько студентов-иезуитов. За этим скромным началом не последовало быстрого прогресса. Высшее судебное учреждение страны, парижской парламент, наиболее значительная ученая корпорация, Парижской университет, и могущественное духовенство Парижа единодушно высказались против ордена. Не в Париже, а в отдаленном пункте Оверни, в Билломе,

иезуиты получили наконец по истечении 15 лет (1556 год) возможность устроить постоянную резиденцию. Однако, едва завладев этой первой крепостью, они стали быстро выдвигать свои посты против кальвинистов юга и центра. В Оверни они начали вести борьбу с ересью с такой энергией, что недоверие высшего духовенства к их силе тотчас же сменилось доверием.

Здесь Яков Ленец первый одержал победу над предубеждениями сильных и образованных противников. Его искусная полемика со сторонниками реформы на религиозном диспуте в Пуаси открыла наконец ордену доступ в Париж (15 сентября 1561 года) и дала иезуитам возможность действовать во всей Франции под покровительством закона. Орден быстро шел от одного завоевания к другому. К концу 1564 года у него было уже 10 поселений, в том числе несколько коллегий. Одна из них, клермонская коллегия в Париже, конкурировала даже с Парижским университетом. Один из ее преподавателей, знаменитый Мальдонат, имел до тысячи слушателей. Такое быстрое развитие было столько же следствием, сколько и причиной неутомимой борьбы иезуитов против сторонников реформы. Уже в 1559 году Эдмонд Оже ежедневно проповедовал в Памье против ереси. Всюду, где бы он ни появлялся, в Лионе, Тулузе, Бордо, Бурже, Париже, он сотнями обращал протестантов. Казалось, никто не мог устоять перед красноречием этого французского Златоуста.

Рядом с ним с таким же успехом работали отец Пеллетье на юге и отец Поссевино на севере. Но они были лишь наиболее заметными среди странствующих иезуитских агитаторов, и их пропаганда отнюдь не сводилась к одной только проповеди. Поссевино перевел катехизис Канизия²⁹; Оже написал маленький катехизис и сам распространил его. Кроме того, что они вместе составили солдатские катехизисы для католической армии, которую сопровождали в качестве войсковых священников; и так как им самим нельзя было пользоваться светским оружием, то они объявили горячую войну гугенотам пером, пустив в ход тяжелое оружие своей эрудиции. Еще действеннее, чем эта литературная пропаганда, была попытка отца Пеллетье организовывать като-

ликов-мирян для сопротивления еретикам. Основанные им большие братства стали скоро, особенно на юге, одной из наиболее крепких опор католической партии и в то же время повсюду доставляли необходимые вспомогательные средства для иезуитской агитации.

Однако своего кульминационного пункта воинственная деятельность иезуитов достигла лишь при Генрихе III³⁰ и его преемнике, в 1575—1594 годы. Лига, знаменитый союз для защиты католической религии, державшая в это время в напряженном состоянии всю Францию, конечно, была создана не иезуитами, но они весьма энергично содействовали ее успехам. Иезуиты-проповедники разжигали фанатизм масс и побуждали их братья за оружие против еретиков и наследника престола, который также был еретиком; ученые энергично поддерживали теорию о праве подданных отказывать в повиновении государю-еретику и даже убивать его; они превозносили убийцу Генриха III как героя; иезуитские эмиссары неутомимо старались заключить союз лиги с папой и Испанией и даже собирали войска против еретиков; наконец, парижские схоластики принимали деятельное участие в обороне осажденного города против Генриха Наваррского³¹. Они не отказались от этой агрессивной политики даже тогда, когда Генрих пришел к убеждению, что Париж стоит обедни. Пока папа не снял с него отлучения, они не признавали его королем и стойко отказывались принести ему верноподданническую присягу. Своей смелостью, последовательностью, готовностью к жертвам и энергией они превосходили всех сторонников католической партии; поэтому на них больше всего отозвался тот поворот в общественном мнении, который последовал за вступлением Генриха IV в Париж.

27 декабря 1594 года молодой парижанин, по имени Жан Шастель, сделал попытку убить короля кинжалом. На пытке Шастель сознался, что он в течение трех лет учился у иезуитов и что последний раз он исповедовался у одного из своих бывших учителей, иезуита Гере.

Признания Шастеля привели весь город в невероятное возбуждение. В шесть часов вечера, через четыре часа после покушения, все иезуиты были уже арестованы. Судебный процесс не дал ни одного доказательства соучастия отцов-

иезуитов. Лишь в одной из иезуитских коллегий нашли старый памфлет времен гражданской войны, в котором говорилось, что Генрих Наваррский недостоин французского трона, даже если он отречется от ереси. Памфлет не был хуже многих других манифестов лиги. Тем не менее все население Парижа поднялось, как один человек, против иезуитов, и парижский парламент охотно уступил этому взрыву общественного мнения; в день казни Шастеля, 29 декабря 1594 года, он изгнал орден из королевства. 7 января следующего года король утвердил декрет, и в тот же день был повешен несчастный автор памфлета, отец Гиньар. Оба эти решения продиктовало не правосудие, а бешеная и слепая ненависть. Но следует признать, что эта ненависть была одним из плодов агитации иезуитов в эпоху лиги. Опьяненные фанатизмом, они были глухи даже к настойчивым предостережениям умного генерала Аквавивы и возбудили легко воспламеняющуюся галльскую кровь более, чем все остальные духовные корпорации, вместе взятые. Поэтому когда разъяренный зверь внезапно набросился на своих погонщиков, то этому не следует удивляться; к тому же это было до некоторой степени вполне заслуженным возмездием, ибо тот, кто натравливает одного волка на других, должен быть готовым к тому, что зверь когда-нибудь набросится и на него самого. Королевский эдикт был приведен в исполнение только в части Франции; на юге иезуитов не потревожили, да и на севере они сохранили много влиятельных друзей.

Таким образом, положение ордена ни в каком случае не было отчаянным. Генерал Аквавива понял это. Вместо того чтобы отомстить королю, как ему советовали, он заботился лишь о том, чтобы приобрести его милость. Он приказал иезуитам Южной Франции немедленно принести Генриху IV присягу верности. Он поставил иезуитскую миссию в Константинополе под защиту французского посланника. Он просил короля принять под свое покровительство иезуитских миссионеров в вальденских долинах. Он даже предупредил французского посланника в Риме о заговоре против короля.

Эта предупредительная политика достигла своей цели. Уже в 1598 году французский посланник в Риме настойчиво

убеждал короля терпеть иезуитов и даже призвать их обратно: по его мнению, это было бы лучшим средством обезвредить внешних врагов короля, Испанию и Савойю, успокоить католиков, разгневанных Нантским эдиктом, смягчить недоверие курии. Раз иезуиты имеют во Франции такое сильное влияние на умы, всякое благоразумное правительство должно стремиться сделать их своими друзьями и использовать в своих целях их искусство и влияние.

Удар, нанесенный иезуитам, сделал их более благоразумными. В будущем они уже не будут делать таких глупостей. Генрих IV более, чем какой-либо другой государь, был склонен прислушиваться к таким мудрым политическим советам. После долгих переговоров он в сентябре 1603 года призвал иезуитов обратно, но, конечно, на таких условиях, которые отдавали орден всецело в его руки: орден впредь не мог основывать новых коллегий и приобретать имений без королевского разрешения. В иезуитские дома и коллегии во Франции должны были допускаться только французы. Орден обязывался всегда отдавать в распоряжение короля одного из своих членов, который должен был отвечать за поведение Общества.

Французские иезуиты должны были дать клятвенное обязательство никогда ничего не предпринимать против короля, общественного согласия и спокойствия королевства. Король стремился национализировать орден, поскольку тот действовал во Франции, и заставить его служить на благо государства. Вполне понятно, что генерал ордена назвал данное на этих условиях разрешение вернуться скорее наказанием, чем милостью. Но он был достаточно благоразумен, чтобы согласиться на смягчение мер, направленных против иностранных иезуитов, и отказ французского правительства от предложенной клятвы. Он добился наиболее существенного: орден был снова официально признан и вступил во владение своими конфискованными ранее именьями.

Орден вскоре вновь достиг могущества и расцвета. В 1610 году он насчитывал в своих четырех французских провинциях 36 коллегий, пять новициатов, один дом профессоров, одну миссию и около 1400 членов. Школы ордена имели больше учеников, чем когда-либо раньше: самая большая из

них, Ла-Флешь, основанная Генрихом IV, насчитывала 1200 учеников, почти исключительно благородного происхождения. И что было важнее всего, орден занял при дворе прочное положение, потому что институт придворных иезуитов, который должен был обеспечить королю влияние на Общество Иисуса, скоро дал самому Обществу большое влияние на двор.

Уже первый придворный иезуит, отец Котон, достиг своим личным обаянием, остроумием, красноречием, а также и снисходительностью, которую он проявлял в качестве духовника к прегрешениям вечно влюбленного монарха, такого могущества, которого никогда не получал во Франции ни один священник, не занимавший официального положения. Он стал доверенным лицом короля и королевы и воспитателем дофина. Он добился широких привилегий для ордена, неоднократно побуждал короля вмешиваться в различные ситуации в интересах ордена, даже за границей, например в Венеции, и в то же время являлся тайным агентом генерала при французском дворе, что при деятельном участии ордена в «большой» политике было для него особенно выгодно.

Если Котону удалось завоевать для ордена расположение короля, то удалось ли королю, со своей стороны, национализировать орден во Франции и использовать его в интересах страны? В 1608 году Генрих готовился предпринять большую наступательную войну против двух главных католических держав — Австрии и Испании. Это глубоко обеспокоило правительство ордена и, что еще более примечательно, французских отцов-иезуитов. Отец Гонтери в Париже открыто выступал в своих проповедях против этой несправедливой войны. Другие отцы раздавали священникам памфлеты против предприятия короля; некоторые даже убеждали маршала Ла-Шатра отказаться от командования.

Лишь один иезуит безусловно высказывался за короля: это был Котон. Но в самом ордене заботы об интересах католицизма оказались значительно сильнее патриотической преданности королю. Впрочем, такими чувствами был проникнут не один только орден. Многие горячие католики разделяли эту точку зрения. Один из этих недовольных, Франсуа Равальяк, убил короля в тот самый момент, когда он собирался встать во главе своей армии (14 мая 1610 года).

Орден совершенно не был причастен к этому преступлению. Тем не менее оно нанесло тяжелый удар его влиянию.

Испанский иезуит Мариана, исходя из идеи народного суверенитета, высказал в 1599 году положение, что государь-тиран может быть низложен и даже убит, если он окажется виновным в оскорблении религии. Кроме того, он восхвалял убийцу французского короля Генриха III Жака Клемана как славу Франции. Во времена лиги эти учения не произвели бы большого впечатления в Париже потому, что тогда вся буржуазия, за немногими исключениями, разделяла эти мнения, и даже теологической факультет университета одобрял их. Но теперь, когда жертвой этих учений во второй раз пал французский король, парижский парламент, в убеждении, что рука Равальяка была направлена иезуитами, решил подать пример строгости.

8 июня 1610 года он осудил книгу Марианы на публичное сожжение рукой палача. Этот приговор произвел огромное впечатление. Несмотря на то что генерал Аквавива поспешил осудить в самых строгих выражениях учения о законности тиранубийства, а отец Котон заявил, что только Мариана отвечает за мнения, высказанные в его книге, и добился подтверждения эдикта 1603 года в пользу иезуитов, все же большая часть народа увидела в этом приговоре осуждение всего ордена.

Появилась масса направленных против него памфлетов; кафедры опять гремели проклятиями иезуитам-цареубийцам; дело дошло даже до того, что иезуитам стали наносить оскорбления на улицах Парижа. К довершению несчастья в самый критический момент известный иезуит отец Беллармин опубликовал работу, в которой заявил, что считает не только не предосудительным, но и законным не тиранубийство, конечно, а низложение папой еретических государей.

Парламент поспешил наложить запрет на книгу, хотя Беллармин был кардиналом римской церкви. Словом, состоялся, казалось, всеобщий заговор с целью навсегда уничтожить влияние ордена во Франции. Но иезуиты смогли выдержать страшную грозу. Казалось даже, что эта гроза лишь смела последние препятствия, мешавшие им. Число орденских домов, богатства, количество учеников в школах стали с это-

го момента быстро расти из года в год. В 1640 году орден имел 65 коллегий, две академии, две семинарии, девять пансионеров, семь новициатов, четыре дома профессоров, шестнадцать резиденций, в которых насчитывалось 2050 членов. Поколение спустя, в 1679 году: 83 коллегии, пять семинарий и пансионеров, восемь новициатов, пять домов профессоров, 21 резиденция и миссия и более 2500 членов. Наконец, в 1750 году: 84 коллегии, 64 других дома с более чем 4000 членов. Эти цифры в достаточной мере показывают, какие корни пустило во Франции Общество Иисуса.

Верное своему принципу, Общество употребляло все свои силы, чтобы помешать сближению французского правительства с протестантскими дворами. Рупором обычно служил духовник короля. Но государственные люди знали, какое влияние оказывает духовник. Поэтому они старались вовлечь его в круг своих интересов или замешали этот важный пост преданными им людьми. Таким образом, при Людовике XIII³² духовники менялись несколько раз вместе с руководящими министрами потому, что они всецело зависели от милости Ришелье. Этот великий государственный человек наблюдал глазами Аргуса за всеми их действиями и интригами и немедленно удалял их, как только они переставали в точности следовать его инструкциям. До вступления Ришелье на пост министра орден мог быть довольным внешней политикой Франции. Военственные проекты Генриха IV были оставлены. Король вступил в брак с испанской принцессой; сестра короля вышла замуж за испанского принца. О союзах с протестантскими дворами больше уже не говорили. Но в тот самый момент, когда католические державы торжествовали свою победу в Германии, против них выступали два человека, которые, казалось, по самому своему положению должны были поддерживать дело католицизма, папа Урбан VIII и кардинал Ришелье.

Этот поворот означал крушение всех великих надежд ордена. Во Франции только один иезуит нашел в себе достаточно мужества, чтобы выступить против планов Ришелье, — духовник короля, отец Коссен. Но его попытка потерпела крушение. Уступить должен был не Ришелье, а духовник. Мало того, Коссен был по приказанию Ришелье сослан

в Ренн как государственный преступник и, кроме того, официально заклеен самим Ришелье «за дурное поведение». Кардинал, преследовавший своих врагов с ожесточением великого инквизитора, готовил ту же участь другому иезуиту, духовнику савойской регентши³³. Никто не упрекнул бы орден, если бы он выступил с публичным протестом против насилия. Однако произошло обратное: генерал поспешил униженно уверить кардинала в преданности Общества, и последнее оправдало и одобрило во Франции политику грозного министра; оно даже давало Ришелье шпионов; мало того, оно примирилось и с тем фактом, что ученик Лойолы редактировал оба политических завешания Ришелье, в которых кардинал развивал исключительно национальную политическую программу новой Франции.

Таким образом, то, чего хотел Генрих IV, было достигнуто наследником его политики. Ришелье принудил орден, душой и телом преданный интересам Испании, служить французской политике. Полное пренебрежение к церкви, которое французское правительство, начиная с Филиппа Красивого³⁴, всегда проявляло во время конфликтов между национальными интересами и интересами церкви, оказалось и на этот раз лучшей политикой для Франции.

При Ришелье орден подчинялся лишь поневоле; при Людовике XIV³⁵ он поддерживал французскую политику всем сердцем своим. Можно было даже подумать, что он в конце концов превратился из дружины папы в дружину Короля-Солнца, — так велика была преданность, с которой он защищал интересы Франции не только в Германии, Англии и Португалии, но и в самом Риме. Не следует удивляться, если в этих условиях представители ордена при дворе не находили в себе достаточно мужества, чтобы положить конец скандальным связям короля с мадемуазель де Ла-Вальер и мадам де Монтеспан. Только один иезуит, проповедник Бурдалу, нашел в себе раз достаточно смелости, чтобы публично обратиться с призывом к совести его грешного величества. Такая пастырская откровенность не принадлежала к числу добродетелей королевских духовников; они оставались в своей должности, хотя и не одобряли прелюбодеяния, и орден не находил в этом ничего неприличного и спокой-

но оставлял их в этом двусмысленном положении. Орден не отказывался от сомнительной чести поставлять духовников откровенному прелюбодею. Он был предан этому королю, как никогда ни одному монарху ни раньше, ни позднее. Ибо в нем он нашел покровителя, подобного которому у него еще никогда не было во Франции.

Людовик не только выбирал среди членов иезуитского ордена духовников для себя и для всей своей семьи, но в 1670 году он дал своему духовнику-иезуиту право предлагать кандидатов на все высшие церковные должности в королевстве. Кроме того, он встал со всей силой своего авторитета на сторону отцов в спорах, которые, несмотря на это, навсегда подорвали популярность ордена во Франции и позднее явились одной из причин его крушения. Наконец, во внутренних делах он следовал строго католической политике: он решил с корнем вырвать французский протестантизм, к религиозным привилегиям которого относился с уважением даже сам Ришелье.

После смерти Генриха IV иезуиты не переставали требовать исключительных законов для протестантов, не упустили ни одного случая, не пренебрегли ни одним средством, чтобы нанести удар правам так называемой «реформированной церкви». Их нельзя упрекать за полное отсутствие меры в памфлетной полемике, потому что протестанты в своих ответах платили той же монетой. Но даже в то суровое время нельзя было не возмущаться тем, как иезуиты силой врываются в протестантские города, непрерывно преследовали протестантов своими миссиями и религиозными диспутами, старались оторвать протестантских детей от их родителей, заставляли тайно обратившихся матерей воспитывать своих детей в католицизме, открыто обвиняли протестантов в оскорблении величества только потому, что они исповедовали иную веру, нежели король.

Еще более, чем этой беспощадной партизанской войной, иезуиты вредили протестантам своими школами и тем влиянием, которое они имели среди духовенства и при дворе. Бесплатность иезуитских школ заставила не одного протестанта доверить им обучение своих детей, и последние обычно скоро изменяли отцовской вере. Влияние, которым пользова-

лись иезуиты при дворе, побудило многих сеньоров-протестантов перейти в католицизм. Духовенство, вскормленное доктринами иезуитов, все более и более проникалось фанатической ненавистью к свободе совести и все настоятельнее требовало от короля отмены Нантского эдикта.

Людовик долгое время мечтал о мирном воссоединении обеих церквей. Но с 1681 года он открыто вступил на путь насилия и 17 октября 1685 года исполнил наконец желание фанатиков. С этого времени в глазах Людовика и в глазах государства во Франции существовали только старые и новые католики. Французский протестантизм официально перестал существовать, но вместе с тем, как заметил маршал Вобан, Франция потеряла 400 000 жителей и 60 миллионов франков; флоты ее врагов обрели 9000 отборных матросов, а их армии — 12 000 прекрасных солдат.

Когда короли нарушают свои обещания, они всегда находят языки и перья, которые готовы представить их вероломство в виде точного выполнения их клятв, а также руки и оружие, которые готовы превратить это вероломство в факт. Людовик XIV нашел все это, и прежде всего среди иезуитов. Возможно, что духовник короля, отец Лашез, приходил в ужас от неслыханных жестокостей, совершенных солдатами при выполнении приказаний короля. Однако он ничего не предпринимал, чтобы помешать королю нарушить свое слово; несомненно, что он одобрял его.

Возможно, что члены ордена, сопровождавшие солдат, ни разу не поощряли их жестокости, но они никогда не стыдились помогать мечу своей кропильницей, не стыдились пожинать там, где сеяли солдаты. Впрочем, серьезнее, чем это непосредственное сотрудничество, была подготовительная работа ордена: ожесточение, с которым иезуиты возбуждали правительство и общественное мнение против еретиков, непрерывные придирки по поводу мнимых нарушений Нантского эдикта протестантскими общинами, постоянно бросавшиеся протестантам обвинения в измене. Всеми этими средствами орден беспощадно подрывал положение враждебной и ненавистной ему церкви до тех пор, пока она не стала колебаться и в конце концов пала. Таким образом, 17 октября 1685 года было для ордена днем победы, наградой

за 125 лет непрерывной борьбы. Но там, где побеждал орден, военные издержки обычно приходилось платить государству, и они всегда бывали огромны.

Убыль населения, упадок национального благосостояния — вот каковы были весьма чувствительные материальные последствия победы ордена; а затем последовало и духовное обеднение, помочь которому не могла даже самая лучшая иезуитская школа. Франции пришлось тогда испытать все это, и впоследствии она сторицей отплатила ордену.

Иезуиты в Германии

Во Франции со времен Ришелье религиозные раздоры не представляли более никакой опасности ни для внутреннего спокойствия, ни для внешнего могущества королевства. В Германии религиозная борьба оказалась более живучей, чем в любом другом большом государстве цивилизованного христианского мира. Если присоединить к Германской империи австрийские земли, выделившиеся из Германского союза, то на этой территории силы католиков и протестантов, которые и до сих пор во многом относились друг к другу, как различные нации, количественно окажутся приблизительно равными. Если принять во внимание религиозное состояние Германии в эпоху аугсбургского религиозного мира, то такое положение дел покажется нам почти необъяснимым. Не только заведомые пессимисты, но и очень рассудительные, спокойные сторонники католицизма считали дело старой церкви почти проигранным на немецкой земле.

Действительно, даже в Австрии и Богемии разрыв с Римом носил едва ли не всеобщий характер, и протестанты могли с полным основанием надеяться достичь господства в течение нескольких десятилетий. Как случилось, что это развитие не наступило и что, напротив, нация разделилась на два стана? Уже в конце XVI века католическая партия без всяких колебаний могла ответить на этот вопрос. Она всегда признавала, что столь удачным оборотом хода событий она обязана Виттельсбахам, Габсбургам и иезуитам.

Первым иезуитом, вступившим на немецкую почву, был Петр Фабер. Он присутствовал молчаливым зрителем на религиозном споре 1540 года в Вормсе и на религиозном споре 1541 года в Регенсбурге. Но втайне он действовал настолько энергично, что в 1542 году папа Павел III послал его опять в Германию вместе с Лежэ и Бобадиллой, в качестве спутников легата Мороне. Полем деятельности для Фабера легат назначил прирейнские земли, для Лежэ и Бобадиллы — область Дуная.

Им было предписано оставаться в оборонительной позиции, объединяя католические элементы; и, по крайней мере, Фабер и Лежэ полностью сумели справиться с возложенной на них задачей. Фабер основал в Кёльне союз студентов-иезуитов и 8 мая 1543 года в Майнце приобрел для Общества Иисуса человека, которого католическая церковь прославляет как второго апостола Германии³⁶, — Петра Каниса, или Канизия (фон дер Гондт), из Нимвегена в Голландии. В то же время Лежэ приобрел для ордена двух союзников, поддержка которых должна была обеспечить новому апостолу почти все его великие победы в Германии, — баварских Виттельсбахов и Габсбургов.

Баварские Виттельсбахи являются единственной немецкой династией, которая «никогда не запятнала своей чести сочувствием мнимой реформе». Они с самого начала преследовали евангеликов³⁷, их политика в империи очень рано приняла антиевангелический характер. Поэтому не следует удивляться, что они первые предоставили иезуитам прочное положение на немецкой земле. Заботясь о правотеории Баварского университета в Ингольштадте, герцог Вильгельм IV обратился в 1548 году в Рим с просьбой прислать двух профессоров-иезуитов. Игнатий, обрадованный этим предложением, прислал в 1549 году трех профессоров, всех людей первой величины: Сальмерона, Лежэ и Канизия. Но, несмотря на эрудицию, изящество речи и усилия привить студентам интерес к схоластическому богословию при помощи частных собеседований и вакационных курсов, успехи их преподавательской деятельности были весьма невелики. В то же время переговоры об основании иезуитской коллегии, которой требовал орден, не продвигались. Этого оказа-

лось достаточно, чтобы Игнатий внезапно в 1552 году отозвал своих учеников. В этот момент он мог использовать их в других местах с гораздо большей пользой.

Действительно, перед орденом в это время открылось новое поле деятельности в Австрии. Чтобы восполнить недостаток в священниках, король Фердинанд в мае 1551 года открыл в Вене первую немецкую иезуитскую коллегию, главная задача которой состояла в подготовке священников. Правда, первое время новое учреждение играло лишь весьма скромную роль не только потому, что в Австрии никто не хотел изучать католическое богословие, но также и потому, что никто из профессоров и схоластиков не знал хорошо верхненемецкого языка: директор Клод Лежэ был француз, одиннадцать остальных преподавателей были родом из Нидерландов или Испании. Лишь после того, как 6 августа 1552 года умер Лежэ и руководство коллегией перешло в руки тридцатилетнего Канизия, в работу ордена влилась свежая струя.

Этот нидерландец был совершенно не похож на своих соотечественников, тяжеловесность которых вошла в поговорку. Он всюду быстро акклиматизировался и везде умел занимать для себя и своего ордена сильные позиции, действуя с энергией и мудростью осторожного и опытного человека. Казалось, что он хотел в Вене воплотить в жизнь любимый девиз Игнатия: «Иезуит должен быть всем для всех, чтобы приобрести всех». Он проповедовал, преподавал катехизис, руководил народными миссиями в деревнях; организовал в 1543 году четырехклассную гимназию и бесплатный пансион для бедных мальчиков; временно управлял венским диоцезом. Но вместе с тем он с жаром работал над трудом, который обессмертил его имя, — католическим катехизисом, за который он взялся в 1554 году по предложению короля Фердинанда.

Эта маленькая книга в разных видах, благодаря покровительству католических властей, скоро обрела популярность, равную популярности катехизиса Лютера. Но она заслужила этот успех своими внутренними достоинствами. Она написана ясно и популярно, изложена изяшно и, в соответствии с потребностями времени, вся построена на цитатах

из Библии. Но главное достоинство этого катехизиса заключается в том, что он не содержит всякой «непосредственной полемики». Именно эта особенность и обеспечила ему в эту воинственную эпоху неоспоримое преимущество над всеми учеными полемическими книгами католической партии. В своей самой краткой форме он стал, подобно маленькому катехизису Лютера, книгой, которую читал весь народ, и потому подвергся со стороны протестантских противников таким же грубым нападкам, каким катехизис Лютера подвергался со стороны католиков.

Успех этого катехизиса много содействовал тому, что канизианцы обрели влиятельное положение во многих других немецких городах. Уже в 1555 году Канизий смог основать новую большую коллегию в Праге, второй столице государства Фердинанда; в 1556 году в Ингольштадте открылась первая баварская коллегия; в конце того же года в Кёльне была основана первая нижнерейнская коллегия; в 1559 году открылась вторая баварская коллегия в Мюнхене; в 1562-м в Инсбруке — первая тирольская коллегия. Основателями этих учреждений были светские люди.

В 1550-х годах немецкие епископы, за исключением одного, аугсбургского Оттона Трухзеса, относились с безразличием к новому движению, которым руководили иезуиты. Но начиная с 60-х годов орден стал получать поддержку и с их стороны. Начало положил Трир в 1560 году, за ним последовали Вюрцбург и Майнц в 1561 году, Ольмюц в 1564 году, Шпейер в 1567 году. Кроме того, аугсбургский епископ Оттон предоставил в 1563 году иезуитам свой университет в Диллингене.

Таким образом, уже в конце 1567 года у ордена было тринадцать хорошо обеспеченных учебных заведений, из которых семь находились в университетских городах или имели университетские курсы. Все они имели очень большое число слушателей: в Вене у иезуитов в 1558 году было 500 учеников; в Кельне в 1558 году — 360; в 1562 году — 517; в 1567—1568 годах — 570; в Трире в 1566 году — 500; в Майнце в 1565 году — 400; в Шпейере в 1572 году — 453; в Мюнхене в 1561 году около 300. Кроме того, орден получил коллегии: в 1559 году в Тирнау, в Венгрии, и в 1560 году в Лувене,

в Нидерландах. Следовательно, он мог быть вполне довольным своими успехами в Германии и соседних с ней странах.

«Новому апостолу» немцев пришлось постоянно менять места своей деятельности. Мы находим его то в Тироле, то в Нижней Германии, то в Вене, то в Кёльне, то в Мюнхене, то в Оснабрюке и Гильдестейме. Всюду он развивает поразительную активность. Он проповедует, преподаёт катехизис, ведёт диспуты с еретиками, основывает школы для бедных и латинские школы, учреждает новые резиденции ордена.

Первые успехи были невелики. Но Канизий дожил до великих побед католического дела, хотя к тому времени уже перестал стоять во главе своей провинции. Орден в 1569 году освободил его от возложенного поручения — вероятно, потому, что апостол немцев был слишком предан германскому императору.

Каким путем иезуиты одержали победу над ересью в названных нами немецких странах и смежных с ними территориях, в Швейцарии и Бельгии? Какими способами они восстановили господство католической церкви не только над телами, но и над душами? Из массы примеров, которые могла бы дать нам история немецкой контрреформации, мы выберем два, которые особенно поучительны, — деятельность ордена в Баварии и Австрии.

Иезуиты в Баварии и Австро-Венгрии

После смерти в марте 1550 года герцога Вильгельма IV старая церковь в Баварии, казалось, также была обречена на гибель. Священники были пьяницами, игроками, лентяями, невеждами и жили большую часть в конкубинате³⁸, так что в их домах можно было встретить гораздо больше детей, чем книг. Каноники были скорее военными людьми, чем клириками; они были распушенные, грубы, развратны и часто не принимали даже посвящения. Монастыри представляли собой скорее кабаки, чем дома молитвы. Значительная часть знати исповедовала лютеранство. Лютеранство получило значительное распространение и в двух главных горо-

дах, Мюнхене и Штраубинге. Мелкие ремесленники и крестьяне, особенно на востоке, сделались большей частью анабаптистами³⁹, а там, где этого не случилось, они отказались почти ото всех религиозных и нравственных правил.

Епископы среди этого хаоса растерялись, были бессильны и неспособны, а часто даже и не хотели, выступить против беспорядка. Такую картину рисуют нам сообщения самых достоверных свидетелей, в первую очередь инспекторов герцога. У церкви не имелось ни средств, ни людей, при помощи которых она могла бы возродить себя собственными силами. Напротив, среди руководящих классов легко можно было найти достаточно средств и людей, чтобы основать евангелическую баварскую церковь.

Решение этого вопроса и вместе с тем решение будущего Баварии зависело от молодого герцога Альбрехта V⁴⁰. В его выборе нельзя было сомневаться: сын ревностного католика Вильгельма IV и воспитанник Ингольштадта, он, как и следовало ожидать, решил раздавить протестантов, реформировать церковь на основе старой веры и для выполнения этой трудной двойной задачи пригласил к себе на помощь иезуитов. 7 июля 1556 года в Ингольштадт прибыли восемь отцов-иезуитов и двенадцать схоластиков.

С этого момента для Баварии началась новая эра. Яд ереси был удален. Старая церковь была обновлена. Само государство получило новый характер. Но этим обновлением Бавария была обязана чуждой крови. Политику герцогов и поведение высших классов стали определять римско-католические идеалы. Но этот новый дух охватил лишь высшие слои. Он не завоевал грубой народной души. Народ сохранил свою древнюю германскую первобытность, суровую и сильную. Тем не менее под железной дисциплиной государства и реставрированной церкви он снова стал набожно-католическим, покорным, фанатично нетерпимым ко всякой ереси. Вскоре могло показаться, что он никогда не проявлял ни малейшего желанья последовать примеру других немецких народов и отказаться в повиновении Риму.

Может быть, покажется слишком смелым приписать подобное дело влиянию двух десятков иностранцев. Однако в этом случае сила находилась в обратном отношении к чис-

ленности, и она могла начать действовать здесь немедленно, не встречая никаких препятствий. Эмиссары Лойолы сразу завладели «сердцем и мозгом» маленькой страны, двором и местным университетом, и в дальнейшем сумели в течение веков искусно сохранить свое влияние. В этом заключается объяснение их успеха. Со следующего поколения Ингольштадт стал типичным немецким иезуитским городом. Еретические профессора исчезли, кафедры теологии и философии целиком попали в руки ордена. Вплоть до XVIII века кафедры права и медицины были заняты исключительно ревностными католиками.

Так как иезуиты, кроме того, открыли в городе гимназию и в 1578 году бесплатную семинарию, то вполне понятно, что Ингольштадт стал скоро считаться самым крепким оплотом иезуитов в Южной Германии. Соперничать с Ингольштадтом в этом отношении могли разве что Диллинген и Вюрцбург. Быть может, еще больше сделали иезуиты в своей второй баварской колонии — Мюнхене. Они появились там в 1559 году также в качестве профессоров. Однако гораздо важнее, чем их гимназия, которая постепенно свела на нет старые классические школы и число учеников которой дошло в 1602 году до 900, чем их интернат для бедных учеников и пансион для молодых дворян, присоединенные к гимназии в 1574 и 1578 годах, была для Баварии их деятельность при дворе. Когда они явились в Мюнхен, баварский двор был не хуже и не лучше других немецких дворов; при дворе господствовала непомерная расточительность, хотя здесь и не предавались такому грубому разврату, как в других местах; герцог был добродушен, но ленив, беспечен и лишен всякого серьезного сознания своих обязанностей.

Пока был жив Альбрехт V, несмотря на усилия иезуита, придворного проповедника, все в общем оставалось по-старому. Значительно увеличилось лишь внешнее благочестие. Но в лице сына Альбрехта, Вильгельма V⁴¹, власть получил наконец государь, серьезно стремившийся стать, опираясь на советы своего духовника-иезуита, отцом своего народа, набожно преданным католицизму. Несмотря на странную снисходительность благочестивого Вильгельма к часто очень непристойным капризам его дорогого Орландо де Лас-

са, жизнь двора приняла серьезное и аскетическое направление, и, что было особенно важно, герцог не только был откровенным иезуитом, но и трудолюбивым, деятельным и добросовестным работником.

Его сын и преемник Максимилиан I⁴² еще ближе подошел к идеалу католического отца народа. Его добросовестность доходила часто до смешного, его трудолюбие не знало меры, его серьезность граничила с ипохондрией. Но именно эти черты характера создали из него великого баварского курфюрста и позволили дать своему маленькому государству администрацию, которая стояла выше администраций всех других немецких государств, и заложила фундамент будущей великой Баварии.

Орден мог с полным правом гордиться результатами своего воспитания, тем более что в эту эпоху государи искали его поддержки и что часто он даже старался отклонить слишком заметные выражения милости в интересах своей внутренней дисциплины и своей доброй славы.

Превратив двор в монастырь, а Мюнхен в немецкий Рим и внушив герцогам глубокое сознание их нравственных обязанностей, орден продолжал постоянно подчеркивать им одну из этих обязанностей — заботу о душевном спасении их подданных, потому что эта обязанность была для иезуитов основной обязанностью отца народа. Неудивительно, что Вильгельм V и Максимилиан I были полностью согласны с ними в этом вопросе.

Однако примечательно то, что эту обязанность весьма отчетливо сознавал даже беспечный и ленивый Альбрехт. Как только иезуиты явились в Баварию, отношение Альбрехта к протестантам и склонявшимся к протестантизму сразу стало более суровым. Начиная с 1563 года он стал безжалостно изгонять упорствующих, немилосердно преследовать анабаптистов, как с похвалой говорит иезуит Агрикола, огнем, водой и железом, и беспощадно уничтожать еретические книги и памфлеты. В 1568 году моравские анабаптисты вырвали из рук герцога Вильгельма 600 жертв. Одна только эта цифра показывает, что изгнанные исчислялись не сотнями, а тысячами. Страшное кровопускание для такой слабо населенной страны! «Но слава Бога и спасение душ, —

говорил Альбрехт V городскому совету Мюнхена, — должны быть поставлены выше всех светских интересов».

Нельзя, конечно, оспаривать, что баварский герцог правил с несравненно большей строгостью, чем любой из протестантских государей, но католики могли ставить это ему лишь в похвалу. Естественно, что иезуиты не довольствовались одними лишь напыщенными восхвалениями этой политики; они поддерживали герцогов и словом и делом в этой первой большой попытке контрреформации.

Центральная канцелярия религиозных дел, наблюдавшая во всей Баварии за приведением в исполнение герцогских декретов, обязана своим существованием в конце концов совету Канизия. Иезуиты настойчиво требовали строжайшей цензуры всех книг; они взяли в свои руки надзор за частью приходов. Однако они хотели не только искоренить протестантизм, но и вернуть сердце народа католицизму. Для достижения этой цели служили миссии, проповеди, братства Марии, ассоциации горожан, подмастерий и учеников и в немалой степени — религиозные представления для народа, крестные ходы, процессии, паломничества, культ реликвий, в которые иезуиты усиленно старались вдохнуть новую жизнь. Власть иезуитов возрастала с каждым годом. В 1597 году на них был возложен надзор за всеми элементарными школами страны. Они основали новые коллегии: в 1592 году в Альттётинге и в 1618 году в Миндельгейме.

В 1621 году они в количестве пятидесяти человек отправились в только что покоренный Верхний Пфальц, чтобы вернуть папству эту полностью протестантскую страну. Они открыли новые коллегии: в 1629 году в Бурггаузене и Ландсгуте, в 1630-м в Амберге, в 1631-м в Штраубинге. Можно сказать, что все преподавание в Баварии попало в их руки. Но это не все: так как они до XVIII века почти все время были воспитателями герцогов и руководили их совестью в качестве духовников, они оказывали сильное влияние на управление страны даже тогда, когда не вмешивались в него непосредственно. Поэтому неудивительно, что иезуиты чувствовали себя в Баварии как у себя дома и в конце концов привыкли даже к баварскому пиву, которое первоначально очень мало пришлось им по вкусу. Ни одна немецкая терри-

тория не подпала до такой степени под их влияние; ни одна династия не осталась, несмотря на все превратности судьбы и революции, до такой степени всецело преданной им, как Виттельсбахи.

Завоевание Баварии принесло выгоды ордену и за пределами герцогства. С 1585 года иезуиты обращают часть Вестфалии, зависевшую от Кёльна; в 1586 году они появляются в Неусе и Бонне, одной из резиденций архиепископа Кёльнского; в 1587 году они открывают коллегию в Гильдесгейме, в 1588-м — в Мюнстере. Мюнстерская коллегия в 1618 году насчитывала уже 1300 учеников. В Падерборне иезуиты получили коллегию в 1585 году; и за основанием коллегии последовало насильственное обращение протестантов. Значительная часть Западной Германии была таким образом вновь завоевана католицизмом благодаря Виттельсбахам и иезуитам.

Союз Виттельсбахов и иезуитов, может быть, был еще важнее для австрийских земель, чем для Западной Германии. После смерти императора Фердинанда I 25 июля 1564 года победа евангеликов, казалось, была лишь вопросом времени. Исследования некоторых ученых показали, что лишь одна тридцатая часть населения осталась верной католической церкви. Однако Фердинанд делал все возможное, чтобы помешать развитию протестантизма.

Новый государь, эрцгерцог Фердинанд⁴³, постепенно изгнал из Тироля почти всех протестантов и анабаптистов. Немногих рудокопов-евангеликов, которых он еще пощадил, изгнал из долины Нижнего Инна его преемник, гроссмейстер Тевтонского ордена Максимилиан (1595—1619). Затем над восстановлением католицизма в церковной жизни работали иезуиты Галля и Инсбрука, а также германская коллегия в Риме, коллегия в Диллингене и Ингольштадте, которые подготовили немало тирольских священников. В результате этих совместных усилий современный Тироль превратился в фанатическую крепость католической партии в находящихся под властью Габсбургов немецких странах.

Во Внутренней Австрии, в Штирии, Каринтии, Крайне, эрцгерцог Карл⁴⁴, последний сын императора Фердинанда, нашел при вступлении на престол, по своему собственному

признанию, лишь развалины старой церкви. У него самого лично не было никакой склонности к ханжеству. Оно появилось у него лишь после того, как в 1571 году он женился на баварской принцессе Марии, молодой, энергичной женщине, стоявшей значительно выше его по силе характера и ума. Мария перенесла в грацский замок господствовавшую при мюнхенском дворе дружбу к иезуитам.

Уже в 1573 году иезуиты основали в Граце богато обеспеченную коллегию, чтобы конкурировать с национальной протестантской школой, и вскоре число католических исповедников в этом почти совершенно протестантском городе поднялось с 20 до 500. Но протестанты высших классов были так могущественны во Внутренней Австрии, что эрцгерцог вынужден был на общем сейме 1578 года в Бруке-на-Муре даровать дворянству религиозную свободу и дать обещание терпеть протестантских проповедников и школы в Граце, Юденбурге, Лайбахе и Клагенфурте.

Папа, иезуиты, эрцгерцогиня Баварская и баварские родственники Карла были раздражены этими уступками, и сам Карл чувствовал сильные угрызения совести. Уже в октябре 1579 года он обещал на проходившей в Мюнхене конференции князей отменить сделанные уступки. Он начал со своего герцогского дома: даже повара-еретики должны были уступить свои места баварским коллегам, добрым католикам.

Главнейшие придворные должности были быть переданы итальянцам, а на церковные должности, находившиеся в распоряжении эрцгерцога, были назначены баварцы. Затем, начиная с 1581 года, евангелических проповедников стали изгонять из герцогских городов и рынков и заменять их священниками, получившими свое воспитание у иезуитов. В то же время детям в Граце запретили посещать национальную протестантскую школу, и, чтобы иметь возможность запретить им посещение школ, находящихся в других городах, иезуитская коллегия в Граце была 1 января 1585 года преобразована в университет с вполне определенной целью — держать в чистоте католическое учение и искоренить ересь. Само собой разумеется, что не католикам запрещали занимать какие-либо общественные долж-

ности, но еще более сильное впечатление произвело то, что герцог начал угрожать религиозной свободе даже самой знати и что он поставил дарование прав гражданства во всех городах в зависимость от принесения католической присяги.

Карл умер 10 июля 1590 года, клятвенно обязав своих преемников под угрозой лишения их прав поддерживать католическую религию и продолжать дело контрреформации. Но его сыну и преемнику Фердинанду было только двенадцать лет, и евангелики, воспользовавшись слабым правлением, вновь захватили значительное число церквей. Их национальная школа приобрела цветущий вид, и Грац опять, казалось, превратился в протестантский город.

Утверждают, что на Пасхе 1596 года из всех жителей Граца только молодой герцог слушал обедню по католическому обряду. Но все немедленно изменилось, как только эрцгерцог повзрослел. Он был в течение пяти лет учеником иезуитов в Ингольштадте, и его ум, впрочем довольно посредственный, не мог представить себе более высокой задачи, чем восстановление католической церкви в своих наследственных владениях. Шло ли это на пользу его владениям или нет, это было для него безразлично. «Я предпочитаю, — говорил он — царствовать скорее в разоренной, чем в проклятой стране».

В сентябре 1598 года он изгнал из Граца всех протестантских учителей и проповедников, а в октябре 1599 года приказал закрыть все евангелические церкви и часовни в городах, на рынках и в деревнях Штирии. Местечки, оказывавшие сопротивление, были приведены к покорности военными «реформационными комиссиями». Если это не помогало, жителей вынуждали покинуть родину и конфисковали десятую часть их движимого имущества.

В начале XVII века преследования начались в Коринтии и Крайне. Все же Фердинанд сначала не осмеливался приняться за дворянство. Лишь в 1628 году он принудил 800 дворян-евангеликов покинуть Австрию. Так была наконец выполнена программа, намеченная пятьдесят лет назад в Мюнхене: протестантская церковь Внутренней Австрии была уничтожена, безраздельное господство католической

веры было обеспечено. С внешней стороны этот «подвиг» был как будто делом государей. Но протестантское население не ошибалось, возлагая большую часть ответственности на иезуитов, особенно на грацских иезуитов; и то, что Фердинанд по окончании дела подарил грацской коллегии большое Мюльштадское поместье и затем основал новые коллегии, в 1602 году в Клагенфурте и в 1613 году в Леобене, доказало, что протестанты были правы.

В это же время католическая реакция началась в Верхней и Нижней Австрии, а также в Зальцкаммергуте. И здесь цель всех мероприятий сводилась к тому, чтобы поставить вне закона протестантизм на всех коронных территориях, восстановить во всех приходах католических священников, реформировать школы и даже Венский университет. Не тронули только дворянство, и то лишь в первое время.

Насколько нам известно, иезуиты нигде не были замешаны в насилии. Они довольствовались более скромной ролью военных герольдов; кроме того, они неумоимо готовили в своих венских школах новых борцов, укрепляли католическую веру среди студентов и буржуазии при помощи мариинских братств, проповедей и исповеди, и прежде всего заботились, опираясь на свое влияние при дворе, о том, чтобы не дать остыть воинственному пылу правителей. Когда правительство заканчивало свою деятельность в какой-либо местности, они стремились возродить искреннюю веру в сердцах тех, кого насилие вернуло в лоно старой церкви; но им часто приходилось убеждаться в том, что там, где сеяли солдаты, священники ничего не могут пожать. Однако наиболее выдающиеся среди них, например тиролоец Георгий Шерер, популярный в Вене проповедник, не смущались этими неудачами. Они знали, что настанет день, когда они одержат полную победу.

В то время как вся Австрия, за исключением высшего дворянства, снова стала католической, хотя бы только внешне и по принуждению, в чешских землях протестантизм сохранил свое господствующее положение почти в полной неприкосновенности. Все же и здесь орден захватил несколько новых важных опорных пунктов. Он основал новые коллегии в Круммау, Коммотау и Брунне. В Моравии епископы

Павловский и Дидрихштейн, ученики римской коллегии, в союзе с дружески расположенными к иезуитам властями, восстановили господство католицизма.

В Силезии иезуитам удалось основать свой первый опорный пункт — в Бреславле. В это время вспыхнула Великая Богемская революция. Она была направлена не только против дома Габсбургов, но и против иезуитов. Одним из первых актов временного правительства было изгнание ордена и конфискация его имущества. Но уже 8 ноября 1620 года произошел великий поворот, решивший не только судьбу ордена, но и судьбы Богемии, Австрии и всей Германии. Император Фердинанд снова стал повелителем Богемии, а за его победоносными войсками немедленно последовали иезуиты. Древний, славный Пражский университет превратился в иезуитское учреждение, цензура книг стала привилегией иезуитского ректора в Праге; контрреформация была проведена весьма энергично под руководством императорского духовника Ламормаини по плану, составленному Ламормаини и его товарищем Филиппи.

Около 30 000 семей, из них 155 из сословия господ и рыцарей, было изгнано из Богемии для вящей славы Божией. Более 80 000 крестьянских усадеб и более 8000 домов в королевских городах были очищены за период с 1620 до 1628 года от еретиков и других находившихся в них неудобных жителей. Богемия стала пустыней. Но чем более нишал и численно таял этот несчастный народ, тем больше становились богатства, численность и могущество иезуитов благодаря милостям императора и созданной им новой знати, быстро обогатившейся путем самых позорных хитростей и обманов. Правда, иезуиты не получили, как они надеялись, высшего надзора за всеми средними и городскими школами королевства; но даже те двадцать коллегий и одиннадцать семинарий, которыми они владели в 1679 году в Богемии и Моравии, в достаточной степени доказывают, что высшее образование и подготовка к священническому званию всецело находились в их руках.

Однако они не только защищали Богемию от ереси, они отняли у нее ее национального святого, Яна Гуса, и взамен наградили ее новым святым — Яном Непомуком⁴⁵; они не

только пустили в ход все средства, чтобы добиться канонизации этого Яна, который был, скорее, несчастной жертвой, а никак не святым, но и переделали массу статуй Гуса в статуи Непомука. Чехи перенесли все это с тупым равнодушием. Благодаря убедительным наставлениям императорских «спасителей» и нового духовенства, получившего подготовку в иезуитских школах, они потеряли даже чувство громадности понесенных ими потерь.

Падение Богемии дало сигнал к лишению прав или изгнанию множества еще не обращенных австрийских протестантов. В Австрии, так же как и в Богемии, подавление протестантов было в то же время триумфом иезуитов. Два университета, пятнадцать коллегий, одиннадцать семинарий, которыми владели иезуиты в 1679 году в Верхней Австрии, Тироле и Внутренней Австрии, доказывают, что и в этих странах воспитание будущих священников и чиновников, а также и все руководство высшей духовной культурой превратились в монополию ордена.

В это время архиепископ Пацмани, сам бывший членом Общества Иисуса, открыл для иезуитов обширное поле деятельности в Венгрии и принялся с большим искусством за обращение мадьярского дворянства. Результатом его усилий были значительный рост католической партии и развитие иезуитских школ. Однако и в Венгрии начиная с 1670 года наиболее убедительными миссионерами были солдаты императора. Их действительная пропаганда обеспечила преобладание католицизму; и это преобладание немедленно отразилось в Венгрии, как и в других местах, большим числом иезуитских поселений. В 1679 году в этих весьма малонаселенных землях орден владел двадцатью резиденциями, пятью семинариями, десятью коллегиями и одной академией.

Таким образом, во всех зависевших от немецких Габсбургов землях орден достиг около 1675 года своей цели. Протестантизм был уничтожен или, по крайней мере, лишен всех прав. Рим снова стал повелителем душ. Орден со своими шестью академиями, 55 коллегиями, 28 семинариями, пятью бесплатными пансионатами утвердил свое господство над всем высшим образованием и, следовательно, над всей интеллектуальной жизнью. Но этот триумф иезуитов и като-

лицизма имел еще другой результат: Австрия сильно обеднела; изгнание тысяч немецких и чешских семей привело к огромным потерям богатств, людей и интеллектуальных сил. В то же время Австрия оказалась исключенной из великого круга немецкой культуры, и за этим культурным отделением через двести лет неизбежно должно было последовать и политическое отделение.

Решение, принятое в 1631 году протестантскими государями Германии, ввести в условия мира изгнание иезуитов из Германии имперским законом показывает, как высоко оценивали уже тогда влияние ордена его противники. Конечно, это влияние было очень сильно, но все же не следует его преувеличивать. Возлагать на орден ответственность за Тридцатилетнюю войну значит сильно переоценивать его могущество; изображать в виде настоящих дьяволов отца Ламормайни и других иезуитов значит впадать в смешное преувеличение. Эти люди были фанатиками, но они вовсе не являлись вероломными злодеями. Верно лишь, что орден всеми средствами поощрял воинственное ожесточение католической партии, всюду помогал ей энергично довести до конца контрреформацию и мешал заключению мира — не из-за любви к войне, а из желания обеспечить католической партии возможно большие выгоды.

Неудивительно, что мир, после того как он был наконец заключен, не понравился отцам-иезуитам. Он значительно подрывал их надежды вернуть когда-либо всю Германию католицизму. Но иезуиты сумели приспособиться к новым условиям: от метода массового обращения они перешли к методу обращения индивидуумов. Свое искусство они направили в двух направлениях — на евангелические дворы и евангелические университеты.

В университетах, как показывает дошедшая до нас инструкция, они записывались обычно в число слушателей юридического или медицинского факультета. Иногда они пытались счастья и в качестве преподавателей языков. Но как раз среди образованной буржуазии, из рядов которой рекрутировалось большинство студентов и профессоров, они имели мало успеха. Обращения силезского поэта Иоганна Шефлера и профессора церковной истории в евангеличе-

ском Гельмштадтском университете брауншвейгца Христиана Блюме были единственными крупными успехами иезуитов среди этих слоев населения.

Значительно больших результатов добились они при евангелических дворах, как показывает приведенный ниже маленький список княжеских обращений — далеко, впрочем, неполный. В католицизм перешли: из дома пфальцских Виттельсбахов в 1659 году пфальцграф Эдуард и его сестра Луиза Голландская; из Нассау-Оранского дома — в 1653 году Иоганн Людвиг фон Нассау-Гадамар; из Голштинского дома в 1698 году — Доротея Гедвиг фон Голштейн-Норбург; из Шварцбургского дома — Августа Доротея фон Шварцбург; из Вюртембергского дома — герцог Ульрих фон Штутгарт и его дочь Мария Анна в 1651 году, герцог Карл Александр в 1715 году; из Бранденбургского дома — Христиан Вильгельм, правитель Магдебурга; из Гессенского дома — в 1652 году ландграф Фридрих фон Гессен-Дармштадт, умерший в 1682 году в сане кардинала и князя-епископа Бреславы, и ландграф Эрнст фон Гессен-Рейнфельс; из Мекленбургского дома — правящий герцог Христиан фон Шверин в 1663 году; из Брауншвейгского дома — в 1651 году Иоганн Фридрих, впоследствии правящий герцог Каленберга, Геттингена и Грубенгагена; в 1709 году правящий герцог Вольфенбюттеля Антон Ульрих⁴⁶; наконец, из Веттинского дома — в 1689 году герцог Христиан Август фон Цейтц, впоследствии кардинал и архиепископ Рааба; в 1697 году курфюрст Август Сильный⁴⁷; в 1712 году кронпринц, впоследствии курфюрст Август III Саксонский⁴⁸.

Ни один из этих переходов в католицизм не заставил так много говорить о себе и не имел столько важных последствий, как переход саксонского курфюрста Августа Сильного. Хорошо известно, что религиозные мотивы не играли здесь никакой роли. Менее известно, что фривольный герой галантной Саксонии в одно и то же время обещал саксонским сословиям дать своему сыну протестантское воспитание, а папе — воспитать сына в католичестве. Чрезвычайно характерно, как он сдержал эти торжественные обещания. Уже в 1711 году он окружил наследного принца, получившего начальное протестантское воспитание, католическим дво-

ром, душой которого был ловкий салонный иезуит Салерно, в 1712 году сын вступил, на радость своему благочестивому отцу, в лоно католической церкви.

Таким образом, альбертинская линия Веттинского дома была окончательно приобретена католической церковью. Напротив, другие обращения князей являлись лишь эфемерными успехами ордена. Вообще, эпоха больших побед ордена закончилась в 1648 году. Он должен был быть довольным, если мог отстоять уже занятые позиции и кое-где укрепить их. Это и удавалось ему вплоть до середины XVIII столетия.

Иезуиты в Польше и России

За исключением Германии, Франции и Англии ни одна страна не была так глубоко затронута реформационным движением, как Польша. В прусской Польше почти все города перешли в лютеранство. В Великой Польше богемские братья создали цветущую церковь. В Малой Польше, Галиции, Литве среди дворянства возникла сильная кальвинистская партия. В Курляндии, Ливонии и Эстляндии лютеранство одержало в 1554 году окончательную победу. Верховные власти королевства не противились этому движению. Уже в 1555 году, в год аугсбургского религиозного мира, Петроковский сейм дал дворянству право организовывать по своему усмотрению богослужение в своих домах. В следующие годы протестанты проникли в сенат и стали занимать даже епископские кафедры. Широко распространенное движение в пользу отделения от Рима увлекло постепенно всю нацию. Польша, казалось, также была потеряна для папства.

Но уже в 1560-х годах старая церковь начала опять собираться с силами. Ученик итальянского движения в пользу церковной реформы, эмерландский епископ Станислав Гозен, первым перешел от обороны к нападению и призвал в 1564 году иезуитов для борьбы с прусскими протестантами, подобно тому как некогда Конрад Мазовецкий призвал Тевтонский орден для борьбы с прусскими язычниками. Браунсберг-на-Пассарже стал первой крепостью ордена на

польской земле. Но вскоре иезуиты появились и в Пултуске, Вильно, Познани и прежде всего при королевском дворе: король Сигизмунд Август⁴⁹, бывшая надежда евангеликов, на закате своих дней превратился в друга иезуитов. Король Стефан Баторий⁵⁰ не только основал на своей родине, в княжестве Трансильвания, коллегии в Варадине, Вейссенбурге и Клаузенбурге, но и создал для ордена новые резиденции в Польском королевстве — в Риге, Дерпте, Полоцке; он возвел виленскую коллегию в ранг университета и освободил орден от всех повинностей в пользу государства.

Однако его превзошел «король иезуитов» Сигизмунд III⁵¹. Во время его царствования настоящим властителем двора был иезуит Петр Скарга. Друзья и ученики иезуитов заполнили сенат, епископские кафедры и суды. Вся высшая администрация стала католической. Некатолическое дворянство восстало против этой системы, но успеха не добились. Победителем в сражении при Гуцове в 1607 году стал «король иезуитов», и, хотя он не сумел хорошо использовать свою победу, католическая реакция продолжалась, не католикам по-прежнему было запрещено занимать государственные должности, и все управление снова приняло строго католический характер. Королевские города, за исключением больших прусских городов, вынуждены были со временем снова стать католическими.

Всюду, где ни появлялся белый орел, он выставлял своим лозунгом католицизм. Но в Польше каждый дворянин был маленьким государем. Чтобы завоевать Польшу, нужно было прежде всего покорить дворянство. Эту проблему разрешили иезуитские школы; благодаря своей бесплатности они получили в Польше, как и везде, самую широкую популярность. В 1600 году пултусская коллегия насчитывала 400 учеников исключительно дворянского происхождения, виленская коллегия — 800 учеников, большей частью из среды литовского дворянства, калишская коллегия — 500. Пятьдесят лет спустя все преподавание в высших учебных заведениях, за немногими исключениями, находилось в руках ордена, и Польша сделалась классической страной господства ордена на Севере, как Португалия была ею на Юге.

Какое воспитание дал Польше этот наставник? Дворянство выучилось латинскому языку и превратило латынь в обиходный язык. При Сигизмунде III польские язык и литература пришли в упадок так же быстро, как они расцвели при Сигизмунде II Августе. Дворянство научилось ориентироваться в богословских тонкостях. Оно пришло к убеждению, что холоп, крестьянин, является потомком Хама и как таковой вполне законно осужден на рабство. Оно пришло также к выводу, что еретиков не только можно, но и должно преследовать. Вообще же оно ничему толком не научилось. Под поверхностным лоском новой латинской культуры оно осталось по-прежнему глубоко невежественной, дикой, буйной аристократией с очень большим самомнением, но с очень маленьким сердцем. В иезуитских школах польское дворянство сделало только одно новое приобретение — варварский фанатизм.

Несмотря на все усилия иезуитов, нектолики, протестанты и православные, продолжали составлять сильное меньшинство. Последних иезуиты пытались сначала привлечь на свою сторону путем примирительной политики: они готовы были разрешить им сохранить их особенности, если те согласятся подчиниться папе. Несколько православных епископов действительно пошли навстречу этим предложениям. Но большая часть православных решительно отказалась от каких бы то ни было компромиссов и стала искать союза с носителями православия, с московским и константинопольским патриархами.

Совершенно неспособное осознать серьезность положения, польское дворянство позволило увлечь себя советами иезуитов и стало принимать на Украине и Литве суровые меры, вызвавшие глубокое недовольство населения. В результате вспыхнуло великое восстание казаков 1648 года. Киев, Смоленск и казацкие области были завоеваны Россией, и с этого времени православные христиане Польши стали считать российского царя своим естественным покровителем.

С протестантами отцы-иезуиты и их ученики церемонились еще меньше. Уже в начале XVII века иезуитские коллегии установили обычай праздновать Вознесение, разрушая протестантские церкви и грабя дома протестантов. Так,

в 1606 году жертвой этого веяния, которое не встречало препятствий со стороны иезуитов, явилась протестантская церковь, в 1607 году — протестантское кладбище в Кракове; в 1616 году — богемская и лютеранская церкви в Познани; в 1637 году были разграблены дома протестантов в Кракове; в 1682 году — евангелическая церковь недалеко от Вильно и т. д. Наказания при этих погромах грозили лишь протестантам, если они позволяли себе защищаться.

Таким образом, протестантизм все более и более слабел, к великому удовлетворению иезуитов. Свою прежнюю силу он сохранял лишь в городах западной части королевства. Но иезуиты стали угрожать ему и здесь. Как и раньше, хотя и безуспешно, они пытались проникнуть в Эльбинг, Ригу и Дерпт, в XVIII веке они снова проникли в Данциг, несмотря на решительные протесты населения. С еще большей смелостью они действовали в Торне, где им удалось прочно обосноваться еще в XVII веке.

В июле 1724 года, во время одного из столкновений, которые постоянно возникали между учениками иезуитов и учениками городской протестантской школы, городской совет решил арестовать одного ученика-иезуита. Иезуиты в отместку захватили ученика-протестанта и упорно не хотели выпустить его на свободу. Возмущенная толпа освободила мальчика, не совершив, впрочем, никакого насилия. Но после того, как в нее начали стрелять из иезуитской коллегии, она разграбила имущество и посуду коллегии и подожгла здание. Иезуиты искусно сумели придать этому инциденту вид государственного преступления и начать уголовное преследование. В Торн была послана королевская комиссия, чтобы произвести расследование этого «ужасного преступления». Всем следствием руководили иезуиты; выслушивались только представлявшиеся ими свидетели.

Материал обвинения был передан высшему суду, власть которого распространялась на все королевские города. Но в него предварительно ввели сорок новых членов. Так как все они без исключения были выбраны под влиянием иезуитов, то в исходе процесса не могло быть никакого сомнения. Бургомистр Рёснер, помощник бургомистра Гейнеке и девять горожан были приговорены к смертной казни,

протестантская гимназия и протестантская церковь Святой Марии были переданы католикам, а протестантская школа — закрыта. Кроме того, было выпущено постановление, что впредь городской совет должен состоять наполовину из католиков и что ни одна протестантская книга не может быть опубликована без разрешения католического епископа. Сейм утвердил эти ужасные решения, и бывший лютеранин король Август Саксонский не постыдился утвердить большую часть смертных приговоров.

7 декабря 1724 года Рёснер и девять горожан были обезглавлены. В то же время сейм запретил не католикам строить новые храмы. Более того, он издал в 1732 году закон, запрещающий всем не католикам быть членами сейма и занимать какие бы то ни было государственные посты. Можно было подумать, что собрание, толкаемое слепой страстью, решило бросить не католиков в объятия иностранных держав. Уже во время выборов короля в 1764 году Пруссия и Россия открыто воспользовались преследованиями не католиков в качестве предлога для вмешательства и защиты своих кандидатов. В 1768 году этот же вопрос вызвал настоящую революцию. Россия вмешалась с оружием в руках на стороне не католиков и, победоносно закончив войну с Турцией, приступила в союзе с Пруссией в 1672 году к первому разделу Польши.

Ответственность за гибель Польши возлагали на иезуитов. Однако это обвинение чрезмерно. Упадок Польского государства начался еще до того, как иезуиты появились в Польше. Но конечно, они ускорили процесс разложения королевства. Принимая во внимание наличие миллионов православных христиан среди своих подданных, Польша более, чем любое другое государство, должна была строить свою внутреннюю политику на принципе полной веротерпимости.

Иезуиты не позволили сделать этого. Мало того, они самым пагубным образом заставили внешнюю политику Польши служить католическим интересам. Уже в 1581 году отец Антонио Поссевино, папский легат в Москве, всеми средствами старался побудить царя Ивана Грозного к сближению с римской церковью. Иван действительно проявил известную готовность к подобному сближению. Полный

самых радостных надежд, Поссевино выступил в качестве посредника при заключении мира при Киверовой горе между Россией и Польшей, мира, выведшего Ивана из очень затруднительного положения. На это как раз и рассчитывал хитрый государь. Об обращении русских речи больше уже не было. Поссевино покинул Россию, ничего не добившись.

Два десятилетия спустя отцам-иезуитам представился новый, еще более заманчивый случай для того, чтобы захватить Россию. Беглый монах Гришка Отрепьев рассказал одному иезуиту, что он — сын царя Ивана, Димитрий, и заявил о своей готовности подчинить Московское государство Риму, если взойдет на царский престол. Недолго думая, иезуиты взяли это дело в свои руки, ввели Отрепьева в дом сандомирского воеводы, который выдал за него свою дочь, выступили защитниками его притязаний пред лицом Сигизмунда III и папы и добились набора польского войска против царя Бориса Годунова. В награду за эти услуги Лжедмитрий отрекся в краковском доме иезуитов от веры своих отцов и обещал даровать ордену после победы над Борисом резиденцию в Москве рядом с Кремлем. Но как раз эта благосклонность к католическим монахам и вызвала взрыв ненависти православных русских против Лжедмитрия. 27 мая 1606 года он был убит вместе с несколькими сотнями поляков. Эта неудача дорого обошлась как полякам, так и иезуитам. Если до этого момента почти нельзя было говорить о чувстве национального самосознания русских, то теперь это чувство проявилось с огромной силой, приняв в первое время характер фанатической ненависти к римской церкви и Польше.

Союз с Австрией, который орден поддерживал всеми своими силами, и агрессивная политика Сигизмунда III против турок, также поощрявшаяся орденом, имели для Польши почти столь же печальные последствия. Словом, ни одно государство не испытало в своем развитии иезуитского влияния так сильно, как Польша, и ни в одной стране, за исключением Португалии, орден не пользовался таким могуществом. Польша имела не только «короля иезуитов», но в лице Яна Казимира⁵² и короля-иезуита, то есть государя, который стал членом ордена еще до своего вступления на престол.

Число иезуитских коллегий и академий уже в 1679 году доходило до 34; в 1750 году оно поднялось до 44; священнических семинарий в 1679 году было три, в 1750 году — десять; число резиденций и миссий в 1679 году — семь, в 1750 году — 108; число новициатов в 1679 году — два, в 1750 году — пять; число домов профессов в 1679 году — три и столько же в 1750 году. Мне не известно, сколько было иезуитов в Польше в 1679 году, но в 1750 году их было 2097, из них 1027 священников. Следовательно, на каждые 600 жителей приходилось по 1 иезуиту. Эти цифры говорят сами за себя. Между тем как Польша гигантскими шагами приближалась к своей гибели, число иезуитских школ и учреждений росло так быстро, что в 1750 году генерал должен был создать из Польши специальную ассистенцию.

Иезуиты в Швеции и Англии

Своими успехами в Польше, Германии и Франции Общество Иисуса было обязано поддержке сильной католической партии. В Швеции оно думало укрепить свое положение, опираясь на милость короля, склонявшегося к католицизму. Юхан III Ваза⁵³, серьезный, образованный, склонный к мечтательности государь, стал с 1568 года, под влиянием своей жены, польской принцессы Екатерины, все более и более удаляться от лютеранства и стремиться к сближению с Римом. В 1574 году папа Григорий XIII послал в Стокгольм польского иезуита Станислава Варшевича с целью укрепить Юхана III в его решении. В том же году король назначил иезуита норвежца Николаи профессором в только что основанную богословскую школу.

Николаи вел себя внешне как лютеранин, но, естественно, воспользовался своим положением, чтобы вести католическую пропаганду среди молодых кандидатов на должность евангелического пастора. Вскоре он смог послать шестерых из них в Рим для завершения образования в германской коллегии. В 1578 году папа прислал в Швецию искусного отца Поссевино продолжать переговоры о возвращении

страны к католицизму. Поссевино удалось без труда устранить последние сомнения короля. Юхан не только принял причастие из рук Поссевино по католическому обряду, но и поручил воспитание своего сына Сигизмунда, будущего польского короля Сигизмунда III, двум иезуитам, которые сопровождали Поссевино. Однако он обусловил подчинение Швеции папскому престолу очень большими уступками со стороны папы: он требовал разрешения брака для священников, богослужения на народном языке и причастия под обоими видами.

Поссевино не стал даже ходатайствовать перед курией об удовлетворении этих требований. Уверенный в победе, он во второй раз прибыл в Стокгольм в форменной одежде ордена. Но когда он известил Юхана, что папа не может согласиться ни на одно из его требований, король немедленно прекратил переговоры.

Иезуиты, пристроившиеся к богословской школе, должны были немедленно покинуть Швецию; воспитатели королевских детей также сочли более благоразумным уехать из страны в 1583 году. Единственной надеждой, остававшейся у ордена, был наследник трона принц Сигизмунд, ставший ревностным католиком. Но Сигизмунд не смог удержаться на троне, и в Швеции вновь воцарилось лютеранство.

Правда, два поколения спустя орден одержал в Швеции одну на первый взгляд блестящую победу. Два иезуита-профессора, которые проникли в Стокгольм под видом путешествующих итальянских дворян, убедили королеву Христину, дочь Густава Адольфа, последнюю представительницу династии Ваза, принять католичество. Но чтобы получить возможность беспрепятственно произвести смену религии, она должна была отречься от трона. Ее обращение было, несомненно, блестящей победой ордена, но оно не имело продолжительного влияния и не дало ордену новых завоеваний.

Зато одно время Общество Иисуса могло питать вполне законные надежды вновь вернуть в лоно папства Англию.

Когда в 1558 году на престол вступила Елизавета⁵⁴, Ирландия была еще полностью, а Англия частично католической страной. Но уже в ближайшие годы началось энергичное искоренение католицизма. Много католиков подчини-

лось этим решениям, и в то же время образовалась католическая партия. Ее поддерживали папа и король испанский Филипп II; ее союзником была Мария Стюарт⁵⁵. Действуя путем заговоров, партия стремилась низложить Елизавету и возвести на престол Марию Стюарт.

В этой ожесточенной борьбе Общество Иисуса немедленно пришло на помощь католикам обоих островов. Уже в 1542 году Сальмерон и Брет объездили Ирландию в качестве папских миссионеров. Папа, Филипп II и Мария Стюарт основали в Дуэ, Пон-а-Муссоне и Риме семинарии для подготовки английских, шотландских и ирландских священников. Руководство ими взяли на себя иезуиты. Они развернули в Англии энергичную католическую пропаганду.

Восстание, организованное папой в Ирландии, было подавлено незадолго до того, как иезуиты впервые высадились в Дувре в июне 1580 года. Они немедленно созвали большое собрание католиков в Сузсуэрке, недалеко от Лондона. Затем, переодевшись в разные костюмы, они начали переходить из графства в графство, из замка в замок. По вечерам они исповедовали, по утрам произносили проповеди и причащали, а затем исчезали так же таинственно, как и приходили. Уже 15 июня Елизавета объявила их вне закона. Только ежедневно меняя свое местопребывание, костюмы и имена, они могли некоторое время ускользать от рук полиции. Но именно этот романтический характер их предприятия действовал чудодейственным образом на души людей.

25 июня 1581 года оксфордские студенты были чрезвычайно поражены, получив неожиданно памфлет против национальной английской церкви. Его автором был один иезуит, а другой иезуит в глубокой тайне, укрывшись в хижине Стонорского парка близ Генлея, его напечатал. Но кое-кто из эмиссаров папы уже попал в руки властей. 16 июня донос позволил схватить отца Кампиана. 1 декабря он был повешен, признанный виновным в государственной измене. Конечно, он был мучеником, но не только мучеником за веру, но и мучеником за папскую политику, грозившую жизни и власти Елизаветы.

Смерть Кампиана только возбудила рвение его товарищей. Персонс организовал католическую пропаганду

в самом Лондоне; отцы Гэй и Крайтон пытались в Эдинбурге склонить на свою сторону шотландского короля Якова⁵⁶. Отец Гордон миссионерствовал на севере Шотландии. Между тем и в католическом, и протестантском лагерях страсти разгорались день ото дня, пока наконец 18 февраля 1587 года не скатилась с эшафота голова Марии Стюарт. Небывалый взрыв патриотизма, объединивший вскоре, в год Армады, всю нацию, не исключая и католиков, вокруг находившегося в опасности трона Елизаветы, разрушил все замыслы иезуитов.

В это время католической пропагандой в Англии тайно руководил отец Гарнетт. Но он нашел трагическую смерть. После того как восшествие на престол Якова I не принесло никаких улучшений в положении католиков, несколько фанатиков задумали при открытии парламентской сессии 1605 года взорвать короля, королевскую семью и весь парламент. Гарнетт узнал об этом безумном предприятии от одного из заговорщиков, бывшего у него на исповеди. Помешать заговору было не в его власти, но он, несомненно, и не пытался сделать этого. 3 мая 1606 года он погиб на эшафоте. При Карле I⁵⁷, та же участь постигла еще четверых иезуитов. Довольно большое количество их погибло и при республике, во время подавления ирландского восстания. Лишь при Карле II⁵⁸ надежды ордена, казалось, должны были наконец осуществиться.

В 1669 году трусливый монарх обещал в тайном Дуврском договоре своему покровителю и банкиру, Людовику XIV, восстановить в Англии католицизм. Но отцы-иезуиты слишком рано поверили в свой успех. Недоверие и ненависть английского народа связали королю руки. Уголовные законы, направленные против католических священников, остались в силе, но иезуиты, по крайней мере, видели, что король и наследник трона тайно перешли в католицизм и что католики массами вошли в состав армии и администрации; они смогли проникнуть во двор предполагаемого наследника и даже устроить в его дворце тайное собрание иезуитов провинции Англии. Народу стала известной лишь часть этих событий. Но и нескольких выяснившихся фактов оказалось вполне достаточно, чтобы вызвать невероятное возбужде-

ние. Вся Англия дрожала перед призраком Лойолы и заговором иезуитов. Отвратительный авантюрист Тит Оатс решил использовать это настроение.

В августе 1678 года по всему Лондону распространилось с быстротой молнии известие о раскрытии большого иезуито-папистского заговора. Король понимал, что это — провокация. Но чтобы не совершать «нового путешествия за море», он вероломно выдавал всех, выдал и иезуитов. 20 июня 1679 года в Тибурне было повешено пять иезуитов, обвиненных в государственной измене. Это было одним из самых ужасных юридических преступлений, которые можно только представить себе, но в то же время и грозным предупреждением иезуитам — отказаться на будущее от организации всяких смут в Англии. Но они не вняли этому предупреждению, все еще надеясь на победу, и первое время имели как будто серьезные на то основания.

Вступление на престол Якова II⁵⁹ предвещало победу партии католического направления, душой которой были иезуиты. Новый король сам являлся их главой. Не только вопреки торжественным заявлениям тронной речи, но и вопреки всем правилам благоразумия он принялся с вошедшим в поговорку упорством своей семьи за обращение Англии в католичество. Орден помогал ему: он открыл в Савойе прекрасную коллегию, которая скоро стала насчитывать до 400 учеников. При дворе в Уайтхолле образовалась настоящая иезуитская камарилья, происков которой не одобрял даже сам папский нунций; мало того, один честолобивый и близорукий иезуит, Эдуард Петри, которого папа не без основания отказался возвести в звание кардинала и епископа, в виде вознаграждения за эту неудачу получил место в тайном совете, то есть был назначен английским министром.

Английские иезуиты ликовали; однако не только католичка-королева, но и папа пришли в ужас от этого безумного шага короля, и даже генерал ордена, который узнал об этом лишь впоследствии, разгневался, хотя все же ничего не предпринял, чтобы заставить Петри отказаться. В качестве министра Петри играл лишь весьма второстепенную роль. Тем не менее протестантское население видело в нем душу всего правительства. Наконец народ ответил на все акты короля

Якова II революцией, свержением дома Стюартов и изгнанием всех иезуитов. Однако даже этот суровый урок не произвел на иезуитов глубокого впечатления. Вскоре они снова появились в стране в качестве священников и тайных агентов Стюартов. Но время их безвозвратно прошло. Великий поход против протестантской Англии, стоивший ордену так много крови, денег и сил, был окончательно проигран.

Славная революция означает для Западной Европы конец контрреформации. Вместе с тем она является и концом великих войн, которые вело Общество Иисуса.

Если мы еще раз окинем взглядом историю этих войн, то мы не сможем освободиться от чувства глубокого удивления перед той огромной предприимчивостью, которая их вызвала: в Европе нет ни одной страны, которую бы ученики Лойолы ни попытались покорить. Не менее удивительной, чем эта предприимчивость, является настойчивость, с которой боролись иезуиты, храбрость, с которой они бросались в самые опасные предприятия. Действительно, они во всех отношениях были настоящим обществом воинов. Во вражеской стране они вели борьбу как солдаты, которым не известны никакие угрызания совести: они нарушали всякий закон, который стеснял их деятельность, не отступали ни перед какой хитростью, которая могла оказаться полезной, прибегали даже к насилию, если считали его нужным для дела.

Потери в этих войнах как у иезуитов, так и в государствах самой Европы были огромны, результаты сравнительно ничтожны: где Общество не обеспечило себе на долгое время расположения сильных, вся его борьба осталась безрезультатной; там же, где оно победило, как во Франции, Польше и большей части Германии, следствием этой победы явилось разорение. Несомненно, что при этом оно всегда стремилось к благу народов, однако не учитывало, что «вера — вещь свободная» и не терпит принуждения. Выступив в поход под личиной миротворца, оно дало Европе больше вражды, чем мира, больше несчастий, чем счастья, и к тому же не достигло того, к чему стремилось, — не искоренило протестантизма.

Глава IV Завоевания Общества Иисуса в языческих странах

Франциск Ксавье

6 августа 1623 года папа Урбан VIII возвел Игнатия Лойолу в святые римской церкви. Но этого высшего отличия воинствующая церковь удостоила не одного только Игнатия. В тот же день папа рекомендовал верующим почитание и другого члена Общества Иисуса — покорителя Южной и Восточной Азии — Франциска Яссо де Ксавье.

«В своих богах люди изображают самих себя»; в своих героях и святых они выражают сущность тех общественных организаций, которые они образуют. Если имя Игнатия является символом борьбы Общества Иисуса против ереси, то имя Ксавье есть символ его борьбы с язычеством. Общество всегда было как миссионерским орденом, так и орденом борьбы с протестантизмом; миссионерство первоначально даже было делом более близким его сердцу; Общество всегда считало его одной из своих основных задач. На пышном памятнике, который Общество Иисуса воздвигло в Риме своему основателю и самому себе, оно изобразило рядом с Игнатием не только гения Религии, попирающего ногами чудовище ереси, но и гения Веры, который обращает в христианство коронованного негритянского царя. Это

в одно и то же время есть и исповедание веры ордена, и его характеристика.

Благодаря великим открытиям в Новом и Старом Свете перед старой церковью открылись новые территории, которые обещали вознаградить ее до некоторой степени за огромные потери, понесенные в Европе. Эти открытия в значительной степени были вызваны религиозным энтузиазмом. Религиозный энтузиазм сопровождал иезуитов, вдыхал в них жизнь. При основании колониальной империи испанцев и португальцев, как в Средние века, светская конкиста и конкиста духовная, завоевание и миссионерство шли с самого начала рука об руку, и если сами завоеватели слишком часто прикрывали крест, чтобы с меньшими угрызениями совести наполнять свои карманы золотом, то церковь с неутомимым рвением следила за тем, чтобы колониальные державы признавали проповедь веры своим высшим долгом и всячески содействовали ей.

7 апреля 1541 года Франциск Ксавье сел в Лиссабоне на корабль, направлявшийся в Ост-Индию. Он был наделен самыми чрезвычайными полномочиями. Папа назначил его своим викарием для всех стран, омываемых Индийским океаном; португальский король общим указом дал его предприятию правительственную санкцию и приказал своим чиновникам оказывать ему содействие всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Несомненно, подобные привилегии могли бы быть очень опасными для миссии, если бы ее глава оказался неподходящим человеком. Но Ксавье таковым не выглядел. Его благородное лицо, изящные манеры, пламенное красноречие, стремительная откровенность, беспощадная даже перед лицом короля и королевы, но никогда не вырождавшаяся в бестактное самодовольство, его юношеская оживленность, наконец, его беспредельный энтузиазм, не преследовавший никаких личных интересов, оставили в Лиссабоне неизгладимое впечатление.

Ксавье обладал способностью необыкновенно быстро приспособливаться к совершенно чуждой для себя среде. Он очень быстро научился обращаться с индусами, малайцами, японцами и китайцами с такой же легкостью, как с испанцами и португальцами. К этой свежести, живости

и энергии чувства и воли добавлялся и редкий практический талант. Инструкции, которые он давал своим сотрудникам, поражают своей широтой, здравым смыслом и мудростью; его попытки организовать общины обращенных, например среди рыбаков индостанского побережья, свидетельствуют о таких организаторских способностях, подобных которым трудно найти даже в истории миссий, очень богатой подобными талантами. Он не был также лишен нравственных качеств, необходимых для выпавшего на его долю призвания. Дело составляло для него все, собственная же личность — ничто; зависть, властолюбие, мелочные заботы о собственном авторитете, здоровье, личные удобства были ему совершенно чужды. Он нисколько не преувеличивал, говоря, что ему сладко нести крест Христа, и его заявление: «Я боюсь одного лишь Бога; все остальное для меня не страшно», — вовсе не было фразой.

Но можно ли на этом основании сравнивать его с апостолом Павлом и утверждать, как делают это некоторые, что он был величайшим проповедником христианства среди язычников со времен Павла? Это значило бы сильно преуменьшить заслуги апостола и дать Ксавье почетное место, на которое он никогда не претендовал. В своей миссионерской деятельности он нисколько не стесняется обращаться за содействием к государственной власти. Он требует, чтобы португальский король смешал и даже наказывал конфискацией имущества и продолжительным тюремным заключением тех колониальных чиновников, которые не выполняют всех желаний миссионеров в деле распространения веры. Он требует, чтобы вице-король образумил вооруженной силой враждебных христианству индусских князей, хотя с политической точки зрения им нельзя было выдвинуть ни одного упрека. Однажды он даже советует послать португальский флот крейсировать вдоль аравийского побережья, напасть на Мекку и подорвать таким способом престиж ислама в Южной Азии.

Могущественные и хорошо организованные религиозные общины Южной и Восточной Азии кажутся Ксавье спелой нивой, которая лишь ждет руки жнеца. Он хочет всегда пожинать, не давая себе труда сеять. Он бродит без отдыха, переходя из одного места в другое и нигде не пуская кор-

ней. Он не изучает ни одного языка многоязычного Востока настолько основательно, чтобы действительно хорошо владеть им. Он нигде не действует долгое время и нигде не достигает прочных результатов.

В сопровождении своих тамильских переводчиков он объезжал одну деревню за другой. Когда представлялся удобный случай, он звоном своего переносного колокола созывал взрослых и детей и читал им символ веры, «Отче наш», «Богородицу», десять заповедей, которые заблаговременно велел перевести на тамильский язык. В воскресенье он собирал для этих занятий всю деревню. Когда жители хорошо усваивали катехизис и утверждали, что твердо верят в то, о чем говорится в двенадцати членах символа веры, он немедленно приступал к исповеди и крещению и трудился, пока его руки не опускались от усталости и не отказывался служить голос. Таким форсированным маршем были обращены и весьма удачно организованы в церковном отношении тридцать деревень: в каждом приходе был установлен священник-канак, который крестил, благословлял браки и заставлял вновь обращенных христиан петь по воскресеньям и праздничным дням символ веры. Для оплаты этих священников Ксавье получил от португальской королевы деньги из ее частной казны, которая носила название «личного чулка». По этому поводу он остроумно заметил ей, что в этих чулках ее величество скорыми шагами достигнет рая.

При помощи таких же экспедиционных приемов Ксавье обратил в 1544 году тысячи искателей жемчуга на траванкорском берегу; здесь после массовых крещений он позаботился устроить школы и изыскал средства для удовлетворения духовных нужд новых христиан европейских и тамильских проповедников. Однако даже самая разумная организация не могла устранить недостатки этих массовых, чисто механических обращений. Христианство нисколько не разрушило местных языческих нравов и представлений.

Между тем искатели жемчуга Манаарских островов, на северном берегу Цейлона, следовавшие в 1544 году примеру людей своей касты на континенте, были большей частью перебиты королем Яфнапатамом. Узнав об этом, Ксавье потребовал от вице-короля немедленного наказания «тира-

на»; и так как в это время нашелся претендент на трон Яфнапатама, обещавший, если его права будут признаны, принять христианство вместе со всем своим домом, то Ксавье решил покорить для христианства всю северную часть Цейлона с помощью португальского оружия.

Однако, ожидая в Негапатаме результатов военной экспедиции, он узнал, что португальцы отказались от предприятия. Это горькое разочарование произвело на него настолько сильное впечатление, что он покинул не только миллионы необращенных цейлонцев, но даже и сотни миллионов индусов, которые также еще не были обращены в христианство, и сел в Мадрасе на корабль, чтобы отправиться в Индокитай, так как слышал, что туземцы Макассара на Целебесе готовы принять христианство.

В конце сентября 1545 года мы находим его уже в Малакке. Он лихорадочно работает над спасением душ как европейцев, так и туземцев, проповедует, ухаживает за больными, учит в школах и на улицах, даже в пользующихся дурной славой матросских притонах порта. Но, не получив ожидаемых известий из Макассара, он в конце 1545 года внезапно опять меняет свои планы. Вместо того чтобы отправиться на Целебес, он поехал 1 января 1546 года в Амбоину; отсюда в апреле переправился на Молуккские острова, а затем после трехмесячной проповеди Евангелия в Тернате на остров Моротай. В Амбоине и на Молуккских островах он обнаружил цветущие миссии, и даже на Моротае встретил туземцев-христиан. Ему пришлось здесь принять участие в начатом уже деле, и его пастырская деятельность оказалась более полезной, чем миссионерская.

В июле 1547 года мы снова находим его в Малакке. Здесь у Ксавье произошла встреча, которая внезапно дала новое направление его мыслям. Один португальский купец познакомил его с японцем по имени Анкер, «которого терзаемая совесть заставляла искать убежища от гнева Божьего». Этот случай показался Ксавье призывом со стороны Провидения. Дав в Гоа необходимые распоряжения на время своего отсутствия, он отправился 29 апреля 1549 года в Японию вместе с Анкером и двумя другими товарищами. 15 августа он прибыл на китайской джонке в Кангошиму на острове Киу-Сиу.

Перед его глазами открылся новый мир, мир дальневосточной культуры, представленный народом, интеллигентности которого он не уставал удивляться. Через несколько месяцев Анкер основал маленькую общину, более чем в сто верующих, и составил на японском языке краткое изложение христианского учения.

В деле проповеди Евангелия, в собственном смысле слова, сам Ксавье оставался на втором плане потому, что так и не смог научиться хорошо говорить по-японски. Он обращал в христианство не столько словами, сколько обаянием своей внешности и манер. К тому же в конце 1550 года он был вынужден удалиться из Кангошимы вследствие враждебного отношения бонз. Он отправился сначала в Фирандо, где привлек сто прозелитов одним только чтением символа веры в переводе Анкера, затем в Ямагутши и, наконец, в Киото, в надежде обратить самого микадо⁶⁰. Но это ему не удалось. Он должен был остаться довольным тем, что смог живым возвратиться в Ямагутши.

Но Япония как поле для деятельности уже не удовлетворяла более Ксавье. Верный своему девизу: «Amplius! Amplius!» — «Дальше! Дальше!», он мечтал теперь завоевать для христианства колыбель всей дальневосточной культуры — Китай, имя которого японцы всегда произносили с благоговением. Пробыв некоторое время в Индии, он в мае 1552 года снова попадает на Малакку, где завязывает отношения с китайскими купцами с целью изучить язык Небесной империи. Удачно использовав еще в Японии свои связи с португальским правительством и оказав здесь энергичное содействие торговым и дипломатическим сношениям между Японией и Португалией, Ксавье думал проникнуть и в Китай в качестве португальского посланника.

Но губернатор Малакки дон Альварес Сильва несколько не желал этим экспериментом подвергать опасности выгодные торговые сношения Португалии с Китаем. Он запретил кораблю Ксавье выход из гавани. Тогда Ксавье воспользовался в первый и последний раз теми широкими полномочиями, которые он получил от папы: он предал анафеме безбожного Сильву. В качестве частного лица он приехал наконец в октябре 1552 года, на маленький остров Санци-

ан, недалеко от Макао, служившего тогда порто-франко для португальско-китайской торговли. Он еще надеялся проникнуть отсюда в Китай при помощи подкупа. Но среди этих планов 2 декабря его застигла смерть. Португальские купцы нашли умирающего в жалком сарае и поспешили похоронить его в прибрежном песке.

Иезуиты в Ост-Индии, Японии, Китае и Африке

После смерти Ксавье индийская миссия окончательно вступила на ложный путь массовых обращений. В 1560 году при коллегии в Гоа почти сто портных было занято шитьем крестильных рубашек для новообращенных христиан. Число христиан-туземцев в Гоа и его окрестностях скоро возросло до 300 000 человек. Но христианство этих новообращенных стоило не больше христианства искателей жемчуга, обращенных Ксавье. Оно не могло оказать никакой притягательной силы на языческие племена внутренних частей страны, тем более что эти новообращенные христиане принадлежали исключительно к низшим кастам. Итальянский иезуит Роберт де Нобили, с 1606 года проповедовавший Евангелие в Мадуре, в Южной Индии, решил изменить это печальное положение вещей, обращаясь уже не к партиям, а непосредственно к брахманам.

С этой целью он сам превратился в синиази, или каюшего-ся брахмана⁶¹. Он купил себе шапку огненно-красного цвета, покрывало, красно-желтую одежду из муслина и деревянные башмаки. Затем он обрил себе голову, украсил уши огромными серьгами, выкрасил лоб желтой мазью из сандалового дерева, являющейся отличительным признаком брахманов, и поселился в землянке, где жил в уединении в течение целого года, питаясь овощами и водой. Таким образом ему удалось обратить на себя внимание брахманов, и те в конце концов стали посещать его. Уверив их клятвой в древней знатности римских брахманов, он достиг полного успеха в своем притворстве. Под именем Татува-Подапар-Суами, то

есть «обладателя 96 совершенств истинного мудреца», брахманы формально признали его одним из своих и торжественно приняли в свою касту. Но и после этого он держался очень осторожно, никого не посещал и сам показывался на людях как можно реже, словом, принимал все меры, чтобы окружить и свою личность, и свое учение обаянием тайны.

Неудивительно, что в скором времени к нему стали обращаться со все более настойчивыми просьбами открыть школу. В конце концов он решился сделать это, остерегаясь, однако, полностью приподнять завесу тайны. Он говорил на местном наречии как настоящий брахман, писал работы на тамильском языке, в которых христианство, странным образом перемешанное с индусской мудростью, приняло вид совершенно индусского учения. Он составлял песнопения, настолько похожие и по своей форме, и по своему содержанию на древние гимны индусским богам, что только опытный глаз мог различить их.

Разумеется, он сохранил много языческих обычаев в культе братств, образованных из его учеников, и относился с большим уважением к кастовым предрассудкам индусов. Он никогда не соприкасался с париями, никогда не переступал порога жилища людей низших каст. Если ему нужно было причащать их, он протягивал им гостию⁶² на конце маленькой палочки или приказывал принести ее к их дому. Это чрезмерное внимание к индусским обычаям шокировало европейцев. Архиепископ Гоа вызвал его (в 1618 году) на свой суд, и, когда он явился в костюме кающегося, негодование, охватившее всех, было так велико, что архиепископ счел необходимым передать это дело на рассмотрение папскому престолу.

В Риме Нобили также встретил самое решительное сопротивление; члены ордена протестовали первыми. Дядя Нобили, кардинал Беллармин, весьма решительно настаивал, чтобы курия выступила против Нобили. Но инквизитор в Гоа защищал его с таким усердием, что папа Григорий XV решился 31 января 1623 года прекратить преследование и терпеть малабарские обряды впредь до более обстоятельного расследования. Нобили смог спокойно продолжать свою деятельность в обычных формах вплоть до самой смерти (1656 год) и обучить своему методу всех братьев Южной Индии.

Казалось, успех оправдывал его. В 1576 году в Мадуре, Мараве, Карнатике и Мизоре насчитывалось уже около 250 000 индусов-католиков. Напротив, когда папа Бенедикт XIV запретил малабарские обряды, то не только немедленно приостановились обращения, но множество уже обращенных индусов тотчас же вернулось обратно к язычеству. В 1822 году аббат Дюбуа нашел на территории орденских миссий в Южной Индии всего лишь 80 000 католиков, и то, по его свидетельству, эти 80 000 католиков охотнее покинули бы христианство, чем языческие обычаи и верования, терпимые иезуитами, — поразительное доказательство конечного поражения хитроумного метода Нобили.

В то время, когда Нобили выступил в Мадуре, иезуиты уже начали проповедь Евангелия на севере Индии, в царстве и при дворе Великого Могола. В 1575 году трое из них дружелюбно приняты Акбаром Великим⁶³. Но враждебное отношение мусульманских мулл заставило их немедленно покинуть страну. Другие, приглашенные вскоре после этого Акбаром, также скоро удалились, увидев, что Великий Могол, проникнутый философскими идеями, думает не о переходе в христианство, а об основании новой религии. Только в 1595 году иезуиты смогли получить прочную резиденцию в Лахоре и устроить здесь христианскую общину.

Акбар милостиво предоставил им полную свободу действия. Сам он старательно изучал «Жизнь Иисуса» и биографию апостола Петра, составленные для него с помощью одного мусульманина на персидском языке Иеронимом Ксавье, племянником великого Франциска Ксавье, и благосклонно принял в подарок изображение Мадонны. Но дальше этого он не пошел. Только при его преемнике и сыне Джахангире⁶⁴ у иезуитов явилась надежда завоевать для христианства и это царство. Трое из принцев царской фамилии приняли крещение в 1610 году, а сам Джахангир открыто заявлял о своем намерении перейти в христианство. Правда, мотивом его обращения были слабая привязанность к мусульманской вере и мысль, что став христианином, он сможет свободнее предаваться вину.

Пока же отцы-иезуиты смогли благодаря щедрости одного богатого армянина устроить в 1621 году коллегия при своей

резиденции в Агре и открыть в том же году новую резиденцию в Патне. Преемник любившего выпить султана Шах-Джахан⁶⁵ (1627—1658) также был очень благосклонен к иезуитам, а при его сыне Аурангзебе⁶⁶ они смогли утвердиться в Мультане и Кабуле. Но вместе с Аурангзобом к власти вернулось самое узкое мусульманское правоверие, немедленно же уничтожившее все поселения и общины иезуитов.

Лучше были успехи иезуитов в Индокитае, где в лице французского отца Александра де Родеса они нашли борца, соединявшего в себе неутомимую страсть к путешествиям и завоеваниям Франциска Ксавье с гибкостью Роберта де Нобили: «С царями он беседовал о математике и физике и в то же время возвещал народу слово Божие». В Тонкине он с большим успехом воспользовался тем, что народ с давних пор привык метить детей черным крестом с целью защитить их от злых духов. В первый же год своего пребывания (1624—1625) он сумел крестить 1200 новообращенных, и среди них семнадцать родственников короля. Особенно поразила его предупредительность бонз: двести этих жрецов, которые в других местах проявляли большую враждебность к миссионерам, присоединились к нему и предложили свои услуги для распространения христианства. Один из них привел к Родесу до 500 новообращенных. Благодаря этому общины росли настолько быстро, что в 1660 году в Тонкине насчитывалось уже 300 000 христиан и 386 церквей.

Еще успешнее развивалась церковь в Кохинхине. Уже до прибытия Родеса здесь работали с большим успехом отцы Бузони и Карвальо, с 1615 года. В конце XVII века в Кохинхине насчитывалось около 1400 христианских храмов. Тем не менее ни здесь, ни в Тонкине новая церковь не могла с уверенностью смотреть в будущее. Иезуитских миссионеров часто изгоняли, их церкви большей частью разрушались. Если бы им не удалось образовать туземного духовенства и даже ввести в иезуитский орден нескольких тонкинцев, они бы лишились и здесь всех плодов своего труда.

Нигде, может быть, им не пришлось испытать столь сильного разочарования, как на островах, лежащих к югу и востоку от Азии. Лишь на Филиппинских и Марианских островах они могли с 1750 года действовать свободно под покровитель-

ством Испании. В 1773 году они владели здесь 16 коллегиями; два миллиона тагалов были «подчинены закону Бога». На Молуккских островах они встретили в лице ислама настолько опасного противника, что добились лишь очень незначительных успехов. Позднее их безжалостно раздавила несколько не стоявшая выше них колониальная миссия голландцев.

Еще хуже обстояло дело в Японии. После отъезда Ксавье руководство миссией взяли в свои руки старый мореход Торрес и светский брат Фернандес. Их работа не была безуспешной. Тем не менее в 1573 году в этой обширной империи существовало лишь восемь миссионеров и миссионерских пунктов. Только в следующее десятилетие дело обращения в христианство стало идти быстрее. В 1576 году была открыта первая католическая церковь в Миако на острове Ниппоне. Приблизительно в это же время принял крещение король Аримы; в 1578 году то же сделал и король Бунго; в 1579 году был основан по совету иезуитов новый город, Нагасаки, специальное назначение которого было стать центром японских христиан всех частей империи. Иезуиты насчитывали в Японии до 100 000 новообращенных. Но на эти 100 000 верующих было всего-навсего 23 миссионера.

Орден должен был как можно скорее увеличить свои силы и обеспечить новым общинам регулярную духовную поддержку. Итальянец Александр Валиньяни, явившийся в первый раз в Японию в качестве визитатора, понял и разрешил эту задачу. Он организовал миссионерские округа, основал всюду, где это было возможно, церкви и учреждения ордена, открыл японским христианам доступ в орден и этим путем более чем утроил число миссионеров. Желанный успех не заставил себя долго ждать. В 1587 году в Японии насчитывалось 240 церквей, две иезуитские коллегии, тридцать миссионерских пунктов, иезуитский пансион для молодых дворян, 119 отцов-миссионеров и 200 000 христиан-туземцев. Но в этом же самом 1587 году произошел переворот.

В момент своего прибытия иезуиты застали Японию в состоянии полной анархии. Микадо в Киото уже в течение долгого времени обладали лишь тенью власти. Страна раздиралась дикими гражданскими войнами, в которых иностранцы волей-неволей должны были принимать участие.

Империя фактически распалась на бесчисленное количество мелких владений, отчаянно борющихся между собой. Иезуиты извлекли большие выгоды из этой анархии и своих тесных отношений с португальскими купцами. Но скоро положение изменилось, и в весьма невыгодную для них сторону.

С 1582 года узурпатор низкого происхождения Тоётони Хидэёси⁶⁷ принялся с большой ловкостью и энергией за восстановление национального единства. Первоначально он позволил иезуитам мирно развивать свое дело; он надеялся даже воспользоваться их поддержкой для осуществления своих честолюбивых планов. В 1585 году он поручил провинциалу Цеглио достать ему европейские суда для войны против Китая. Но наличие среди последователей иезуитов большого числа крупных вассалов, самураев и военачальников внушило ему недоверие к ним, которое с течением времени все росло. Он легко позволил старому бонзе Акуину убедить себя в том, что иностранцы составили план передать Японию в руки португальцев, опираясь на свою партию, которая непрерывно усиливалась.

Под этим предлогом Хидэёси в 1587 году внезапно приказал вождю японских католиков Укондоно отречься от христианской веры и велел иезуитам покинуть островную империю. Иезуиты не отдавали себе отчета во всей серьезности положения. Может быть, они полагали, что превосходная организация верующих позволит им оказать сопротивление Тайкосаме, как называл себя Хидэёси. Как бы то ни было, они остались. Это неблагоприятное обстоятельство обошлось им очень дорого. С этого момента диктатор твердо убедился, что христиане представляют политическую опасность, и начал действовать в соответствии с этим. В 1588 году он, подобно императору Диоклетиану, велел разрушить христианские церкви. Вскоре другим указом он запретил под угрозой смерти публичный культ и публичную проповедь христианства, а затем произвел массовое избиение тех, кто принимал, несмотря на указ, крещение: число загубленных им жертв за один только 1590 год определяют в 20 570 человек.

Напрасно Александр Валиньяни, явившийся к нему в 1591 году в качестве посла вице-короля Индии, пытался изменить его решение. Преследования продолжались. В кон-

це концов «великий государь» осмелился поднять руку даже на миссионеров, которых до этого времени шадил из уважения к португальцам. В феврале 1597 года в Нагасаки по его приказанию были распяты шесть францисканцев, три иезуита и множество новообращенных японцев. В то же время он изгнал из Японии всех иезуитских миссионеров. Однако на этот раз Валиньяни удалось смягчить его гнев. Указ об изгнании не был приведен в исполнение. Мало того, «великий государь» снова стал относиться благосклонно к некоторым иезуитам. Он умер 15 сентября 1598 года, не увидев полного осуществления своей цели — восстановления национального единства.

Молодая японская церковь в течение этого периода мужественно вынесла огненное испытание мученичества. Десятки тысяч ее членов умерли в жестоких мучениях. Но даже в те годы, когда все церкви были закрыты и когда иезуиты могли действовать только втайне, не было массовых отречений, которые так часто повторялись в истории церкви. Благодаря этому молодая церковь быстро оправилась в период анархии, последовавшей за смертью Хидэёси. В 1614 году насчитывали до 600 000 японцев-христиан.

Между тем первый сёгун Токугава Иэясу⁶⁸ продолжил дело Хидэёси; он почти подавил частные войны внутри страны и реорганизовал все управление. В то же время иезуиты встретили новых опасных врагов в лице голландских и английских купцов, которые стремились захватить в свои руки японскую торговлю. Эти кальвинисты и англиканцы не постеснялись уговорить сёгуна потопить в крови японскую церковь, снова достигшую цветущего состояния. С 1613 года во всей Японии опять началась истребительная война против католиков, и голландцы были достаточно умны, чтобы побудить сёгуна направить свои удары не только на массы верующих, но и на миссионеров.

Число жертв было значительно больше числа жертв, павших во время прежних преследований. Оно достигло 30 000 человек за один только 1624 год; жестокость казней превзошла все, что рассказывает нам Евсевий о мучениях христиан в Египте при Максимине Дазе⁶⁹. Даже хладнокровные голландцы, безжалостно доносившие сёгуну о всех католиче-

ских монахах и со спокойным сердцем попиравшие ногами крест, чтобы обеспечить себе свободу торговли, не могли без ужаса рассказывать об этих страшных казнях. Наконец, когда третий сёгун издал указ, обязывавший всех японцев носить на груди языческий амулет, христиане, остававшиеся еще на острове Киу-Сиу, в отчаянии взялись за оружие. Но они решились на это слишком поздно. Сёгун 12 апреля 1638 года окружил несчастных при Шимбаре и перебил 37 000 человек.

Несмотря на это, иезуиты снова попытались проникнуть на Японский архипелаг. Но они не могли укрыться ни от шпионов голландской компании, ни от палачей сёгуна. После катастрофы при Шимбаре японская церковь была уничтожена. Только по соседству со старым иезуитским городом Нагасаки продолжала существовать в глубокой тайне маленькая община вплоть до самого падения сёгуната в 1869 году. К великому удовлетворению Голландии, ни один португальский или испанский купец уже не оспаривал более у благородных господ Амстердама выгод японской торговли.

В Китае иезуиты действовали не так геройски, но зато гораздо умнее. Ксавье дошел лишь до врат Небесной империи; его непосредственные преемники не пытались даже и приблизиться к ней. Только после того, как Александр Валиньяни взял в 1579 году в свои руки управление японской миссией, иезуиты начали работу и в Китае. Первые из них, Михаил Руджиеро (1581) и Пацио (1582), достигли только Кантона. Но третий, Маттео Рикки, начиная с 1583 года постепенно приобрел влиятельное положение для своего ордена в главных городах империи.

Придя к вполне основательному убеждению, что все новое может проникнуть в Китай только в том случае, если его возьмут под свое покровительство богатые и культурные классы, Рикки старался, как позднее Нобили, привлечь на свою сторону образованных людей. Он изучил диалект, на котором говорил правящий класс мандаринов, ознакомился с китайской наукой и весьма удачно перемешивал свои религиозные проповеди с лекциями по экспериментальной физике и математике. Но он вскоре должен был признать, что даже при помощи математики и физики не смог бы найти душевной близости с китайцами, если бы не при-

нял почитания Конфуция и культа предков, по крайней мере как священных государственных традиций. Решившись на это, он представил христианство как завершение конфуцианства и молчаливо признал культ предков.

Результат, на который он надеялся, не заставил себя долго ждать. Несмотря на враждебное отношение, от которого он удачно сумел избавиться, надев костюм мандарина, он смог в 1599 году заложить в Нанкине первый католический храм. Что еще важнее, ему удалось в 1601 году получить в Пекине аудиенцию у императора Чжу Ицзюня⁷⁰. Рикки поднес ему шедевры механической техники, никогда еще не виданные в Китае: стенные и карманные часы. Чжу Ицзюнь был настолько очарован изобретательным иностранцем, что немедленно же разрешил ему доступ ко двору, назначил ему пенсию и поручил составить большую карту Китая. Рикки выполнил эту задачу с таким искусством, что император немедленно приказал выткать на шелку десять таблиц этой карты и повесить их в своей комнате.

Однако Рикки воспользовался этим случаем и для того, чтобы сделать что-нибудь и для религии; он поместил на белых местах карты кресты и тексты из Священного Писания. Когда Рикки умер 11 мая 1610 года, в возрасте всего-навсего пятидесяти восьми лет, в Пекине уже существовала не только христианская община, но даже конгрегация «детей Марии». Его сподвижники успешно продолжали дело, применяя те же методы.

В 1617 году насчитывалось уже 13000 обращенных. Но в том же 1617 году наступила реакция. Под влиянием нанкинского мандарина Шина император издал указ, изгонявший всех иностранцев из Китая. Жившие в Нанкине и Пекине иезуиты были заключены в деревянные клетки и отправлены к португальцам в Макао. Но вскоре их призвали обратно, надеясь получить при их посредстве португальских офицеров для руководства экспедицией против монголов. Эта надежда, правда, не осуществилась, но тем не менее иезуиты сумели стать необходимыми благодаря своим знаниям. Отец Иоанн Адам Шалль, родом из Кёльна, приобрел своими написанными на китайском языке сочинениями по математике и астрономии такую известность, что был

в 1644 году назначен главой «двора астрономических наблюдений» в Пекине⁷¹.

Влияние, которое получил орден, находит свое выражение в росте числа общин: в 1617 году насчитывалось пять церквей и 19 000 крещеных; в 1664 году уже 159 церквей и 257 000 крещеных, 41 резиденция Общества Иисуса. Однако в том же 1664 году иезуиты были заключены в тюрьму, и Шалль приговорен к смерти. Когда все приготовления к казни были уже закончены — Шалля должны были, по китайскому обычаю, разрезать живым на 1600 кусков, — в Пекине случилось землетрясение и, как следствие его, пожар императорского дворца. Ненависть к иностранцам — вследствие испытанного страха — пошла на убыль.

Шалль умер своей смертью в 1666 году, а его товарищи покинули Китай. Впрочем, император Канси⁷² в 1669 году призвал их обратно. Останки Шалля были торжественно перезахоронены, и эти почести явились лишь началом целого ряда исключительных милостей. После того как отец Вербист исправил календарь, пришедший в полное расстройство вследствие невежества придворных астрономов, император велел передать «двор астрономических наблюдений» на вечные времена в ведение иезуитов. Сам Вербист был назначен его главой. Кроме того, его провозгласили «великим человеком» и, по китайскому обычаю, возвели во дворянство со всеми своими предками. Поступив на службу к императору, он построил пушечный завод в Пекине и сопровождал императора на войну. Смерть Вербиста в 1688 году не изменила расположения Канси к иезуитам. Он пользовался их услугами даже для дипломатических переговоров.

Но в это время в Китай явились в качестве миссионеров члены других религиозных орденов и ученики новой парижской миссионерской семинарии. К великому своему удивлению и возмущению, они увидели, что обращенные иезуитами китайцы приносят жертвы Конфуцию и предкам. В китайской миссии вспыхнула сильнейшая внутренняя борьба. Папа послал собственного легата, чтобы произвести расследование. Император Канси 22 июня 1706 года торжественно принял иностранца и заявил ему, что эти жертвы являются чисто гражданскими церемониями. Таким образом, импера-

тор-язычник защищал перед папским послом дело иезуитов! Никогда орден не одерживал еще в Китае подобной победы.

Но нужно сказать, что заявление императора было не вполне искренним. В Китае все религиозные церемонии, поскольку они являются публичными актами, представляют собой гражданские обязанности. Легат не дал ввести себя в заблуждение и запретил так называемые китайские обряды. Канси, запретивший в 1706 году всякие возражения против этих обрядов, не колебался ни минуты: он изгнал легата и распустил все иезуитские миссии. Этот несчастный конфликт, продолжавшийся еще несколько десятилетий, является началом упадка иезуитской церкви в Китае. Император Юнчжэн⁷³ (1722—1735) запретил в стране христианство, и его преемник Цяньлун⁷⁴ (1735—1796) не отменил указа Юнчжэна, хотя и терпел иезуитов в Пекине.

В то время как христианская церковь в Китае постепенно погибала, иезуитам разрешалось по-прежнему служить Сыну Неба в качестве архитекторов, живописцев, составителей карт, математиков. Некоторые из них удержали за собой эти должности даже после уничтожения китайской миссии ордена — последний иезуит умер 12 ноября 1805 года.

Трагическая судьба! То, в чем Рикки видел некогда лишь средство для достижения цели, в глазах китайцев стало единственной целью миссии: они считали иезуитов замечательными математиками, астрономами и художниками и с радостью шли к ним на выучку. На это указывает проникновение иезуитского стиля в китайскую художественную промышленность. Но как миссионеры они оказывали очень слабое влияние.

Миссия на Дальнем Востоке была наследием Франциска Ксавье. Сам основатель ордена никогда не занимался ею серьезно. Его интересовали другие завоевания, и прежде всего борьба с исламом при помощи как духовного, так и светского оружия. В душе старого испанского рыцаря, выросшего в религиозной и рыцарской атмосфере эпохи крестовых походов, идея миссии, естественно, была созвучна с планами крестовых походов.

Воспитывая в Риме турецких детей, Ксавье старался сделать из них миссионеров, чтобы поразить ислам в самое серд-

це духовным оружием, в то же время он составил обширный план, имевший целью уничтожить военные силы неверных в Средиземном море. Как старый солдат, он прекрасно понимал, что для этого прежде всего необходим большой флот. Поэтому он представил в 1554 году испанскому вице-королю в Сицилии тщательно разработанный план организации морских сил. Ксавье высчитал, что испанское правительство должно было собрать по меньшей мере двести или триста кораблей. Он не останавливался ни перед какими расходами и без всяких колебаний предложил покрыть их, обложив податью духовенство и богатые монашеские ордена. В случае сопротивления с их стороны папа должен был применить силу. Но этот план показался вице-королю слишком «безбрежным».

Духовная борьба против ислама оказалась еще более бесплодной, чем крестовый поход. Ни в Феце, ни в Исфагане, ни в Ормузе, ни в Индии, ни на Молуккских островах орден не смог добиться длительных успехов. Удачнее была его деятельность среди христиан мусульманских государств и в древних христианских государствах Востока. Однако план, более всего интересовавший самого Игнатия, — вернуть под власть Рима Абиссинию, осуществить не удалось. В 1638 году здесь жестоко замучили нескольких отцов-иезуитов.

Все попытки обратить в католичество коптов также остались бесплодными; армянская миссия в Эрзеруме тоже работала до 1686 года без всякого результата. Напротив, марониты Ливана в конце концов соединились в 1736 году с римской церковью, правда лишь после 150 лет непрерывных усилий. Иезуитам удалось обратить в католичество даже некоторое количество православных греков в Константинополе, Наксосе, Негропонте, Салониках и Крыму. Но наиболее блестящим успехом была победа, одержанная ими против протестантизма: они свергли в 1638 году константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, склонявшегося к протестантизму.

Еще усерднее орден работал на обширной миссионерской арене, которая открывалась для него в мусульманских частях Черного континента, в западноафриканских владениях Португалии и в португальском Конго. Еще Ливингстон нашел здесь развалины гигантских сооружений, построенных некогда иезуитами, и племена, научившиеся у иезуитов читать

и писать. Но в общем и здесь, среди негров, ордену пришлось вкусить печальный опыт и понять, насколько трудно христианским миссионерам одержать верх над мусульманскими дервишами. Еще большие затруднения встретили иезуиты в Гвинее и Сенегамбии. Единственным, на что они могли рассчитывать здесь, было мученичество.

Завоевание Нового Света

Необходимо отметить блестящие победы, одержанные орденом за Атлантическим океаном, в Новом Свете. Здесь орден иезуитов первоначально лишь откликнулся на призыв великих католических колониальных держав. Но вскоре он научился действовать самостоятельно и стал опережать колониальные правительства, независимо решать великие проблемы цивилизации, которые ставили перед завоевателями девственные страны с их поразительными естественными богатствами и миллионами диких туземцев.

Первой державой, привлекшей орден на свою службу в Новом Свете, была опять-таки Португалия. В 1549 году она призвала иезуитов в Бразилию. Испания последовала этому примеру в 1567 году, Франция — в 1611-м. В Бразилии иезуиты вступили на совершенно девственную почву. В Новой Франции, современной Канаде, почва для них была уже отчасти подготовлена францисканцами. Наконец, в испанских колониях иезуиты нашли установленную законами и в значительной степени уже испытанную на практике систему миссионерства и колонизации.

Однако результаты действия этой системы были заметны пока лишь в старых культурных странах Америки, Мексике, Новой Гренаде, Квито, Перу. Только в этих областях в 1567 году была закончена церковная организация, по крайней мере в общих очертаниях. Язычество было здесь отчасти уже истреблено доминиканцами, францисканцами и отшельниками-августинцами.

Европейская колонизация развивалась энергично; новое распределение земельной собственности было почти закон-

чено. Но даже в этом узком круге древних культурных стран иезуиты нашли для себя достаточно дел. Переселившаяся сюда знать, сконцентрировавшаяся, насколько это было возможно, в немногих городах, требовала так же настоятельно, как и в Европе, их услуг в качестве духовников, проповедников и воспитателей. Епископы, выбиравшиеся короной почти всегда из клириков метрополии, считали содействие иезуитов в подготовке колониального духовенства еще более необходимым, чем в Испании.

Высшие гражданские должностные лица колониальной администрации, которые, по испанскому обыкновению, также формировались из чиновной аристократии метрополии, чувствуя себя чуждыми этому новому краю и его нуждам, еще чаще, чем в Европе, обращались по всем церковным и политическим делам к просвещенным советам и могущественному влиянию отцов-иезуитов. Таким образом, орден очень скоро развил очень широкую деятельность и приобрел весьма значительные богатства и влияние. Доказательством этого служат 52 коллегии, университета и семинарии, которые он основал в испанских владениях в Америке в течение первого века своей деятельности. Впрочем, даже в этих старых культурных областях, рано уже попавших под испанское влияние, деятельность ордена не ограничивалась одним обслуживанием религиозных нужд белых. Наряду с проблемой перенесения в Новый Свет старого европейского общества со всеми его учреждениями перед орденом вставала также проблема обращения в христианство и испанизации туземцев, а впоследствии и импортированных рабов-негров.

Правда, эта последняя проблема занимала орден относительно продолжительное время лишь в Новой Гренаде, где особенно процветала работорговля. Здесь в конце XVI и в начале XVII веков отец Сандоваль устроил настоящую миссию для рабов. Его превзошел каталонец Петр Клавер, умерший в 1654 году. В течение тридцати девяти лет этот неутомимый друг чернокожих посещал каждый корабль, прибывавший с рабами, чтобы накормить и напоить черных детей гвинейского берега, утешить на их родном языке и по возможности крестить. В течение тридцати девяти лет он обходил хижину за хижинной, проповедуя здоровым рабам,

ухаживая за больными, утешая умирающих, обучая наиболее смысленных детей ремеслу переводчика и строго наблюдая за тем, чтобы белые господа выполняли гуманные предписания правительства.

Не было пустой фразой то, что он в 1622 году присоединил к обетам професса обет всю жизнь служить Богу в лице рабов, подписавшись при этом: «Петр, раб рабов навсегда». Он принес этому обету в жертву свою жизнь. Тем более кажется странным, что этот благородный человек никогда не думал протестовать против самого института рабства.

Мысль о подобном протесте никогда не приходила в голову и другим членам ордена. Мало того, позднее орден без всяких угрызений совести обрабатывал свои плантации на Антильских островах руками купленных рабов. Это паразитично, но вполне понятно. Рабство в испанской Америке никогда не носило того грубого характера, как на виргинских плантациях. У рабов были установленные законом дни отдыха совершенно так же, как и у белых рабочих. Раб мог вступать в законный брак; нельзя было заставить его жениться против воли, стеснить его свободы в выборе жены. Нельзя было разлучить его с женой и малолетними детьми, лишить необходимой одежды и пищи или помешать ему выполнять религиозные обязанности.

Не следует удивляться, что Клавер и его преемники в своей миссионерской деятельности среди рабов принимали рабство как факт. При существовавших тогда условиях протест против рабства поставил бы под знак вопроса все успехи иезуитов и, вполне возможно, даже ухудшил бы положение рабов.

Однако своей главной задачей в Америке, как и в других странах, орден считал обращение в католичество туземцев. В Бразилии и Новой Франции он с самого же начала посвятил все свои силы этому делу. В колониальной империи Испании корона позднее обратилась к его содействию, но зато энергичнее. Проблема, которую предстояло ему решить, была не только миссионерской проблемой, но и очень трудной культурной проблемой, которая, по крайней мере в Испании, непрерывно занимала и церковь и государство в течение нескольких поколений. Правда, индейцы, которых орден должен был обратить в христианство, отча-

сти уже вышли из совершенно дикого состояния, но у них еще не было ни домашних животных, ни железных орудий, ни постоянных жилищ. Это были большей частью бродячие охотники и рыболовы, а в Южной Америке почти поголовно людоеды. Эти каннибалы набрасывались на упавшего на землю врага, как на какую-нибудь дичь, и немедленно пожирали его. Они даже искусственно откармливали своих женщин, чтобы потом, в подходящее время, зарезать их.

Необходимо было сначала собрать эти бродячие орды, сделать их оседлыми, обеспечить им средства к существованию, и только после этого можно было сколько-нибудь серьезно подумать об обращении их в христианство. Трудное предприятие, выполнение которого возможно только при наличии героизма, полного самоотречения и религиозного энтузиазма.

Чтобы разрешить стоявшую перед ними проблему, иезуиты с самого начала усвоили себе принципы, которыми руководствовался великий доминиканец Лас Касас⁷⁵ и которые лежат в основе известных испанских законов об индейцах 1530 и 1542 годов: они самым решительным образом выступили против порабощения туземцев. Иезуиты отвергли всю без исключения несвободную работу туземцев на белых колонистов, даже в смягченной форме испанской энкомьенды⁷⁶, где рабочие были прикреплены к земле землевладельца. Они признавали только лишь систему конкисты, лишь один способ принуждения туземцев — духовную конкисту, вождем которой был миссионер, единственным орудием — слово, а целью — обращение туземцев в христианство.

Эта система была изобретена не ими. Ее предложил Лас Касас еще в 1520 году; он впервые пытался применить ее в 1536 году среди индейцев в современной Гватемале и добился успеха. Не известно, знали ли иезуиты об этой попытке. Во всяком случае, они первые предприняли духовную конкисту повсеместно, первые пустили в ход все свои силы, чтобы осуществить ее среди гуаранисов Параны и Уругвая, гурунов и ирокезов реки Святого Лаврентия, караибов Венесуэлы и лайманов Нижней Калифорнии, чикитосов и мохосов Перу и лесных племен Северной Мексики, среди арауканцев Чили и семинолов Флориды. В конце концов они испробовали эту систему за пределами Америки и достигли, по крайней мере

среди тагалов Филиппинских островов, значительных внешних успехов. В Америке результаты отвечали их желаниям лишь в испанских колониях. В Новой Франции духовная конкиста потерпела полное крушение. В Бразилии она добилась лишь половинчатой победы. Но Бразилия была первым опытом ордена. Именно здесь иезуиты ознакомились с данными индейского вопроса; здесь они нашли и его разрешение. Поэтому при изучении и оценке иезуитской конкисты в Америке исходным пунктом нужно брать Бразилию.

Когда иезуиты в количестве шести человек высадились в 1546 году в Багии, колонизация Бразилии только началась. Португальцами было занято лишь несколько пунктов на побережье. Не существовало еще никакой государственной организации. Церковная организация совершенно отсутствовала. Иммиграция была слаба, и иммигранты сначала набирались в значительной мере из бандитских притонов и кабаков лиссабонского порта. Единственно ощутимым для колонии результатом прибытия этих авантюристов, матросов и ссыльных преступников было появление значительного числа метисов обоего пола, рожденных от свободных союзов иммигрантов с женщинами из племени гуаранис.

Эта первая бразильская знать разрешала индейский вопрос по-своему, с ужасной простотой. Европейец считал само собой разумеющимся, что он может убить или обратить в рабство столько краснокожих, сколько ему покажется угодным. Иезуиты думали иначе. Они немедленно начали борьбу за свободу туземцев и без всяких колебаний принялись проповедовать Евангелие среди гуаранисов и туписов на их языке, обращать, крестить и цивилизовать их, сначала на побережье, а затем и внутри страны, куда они производили смелые экспедиции. Их мало беспокоило то обстоятельство, что та или иная индейская орда выражала иногда дружеское намерение испробовать их мясо.

Гораздо больше смущало их то, что отдельные племена благодаря непрерывным переменам мест своих стоянок быстро ускользали из-под их влияния, даже если до того они весьма охотно слушали слова и особенно музыку иезуитов. Первый провинциал Мануэль де Нобрега вывел из этого факта вполне верное заключение, что вся работа ордена

останется бесплодной, если не удастся сделать новообращенных оседлыми. Поэтому начиная с 1558 года он стал собирать крещеных туземцев и селить их в постоянных поселках, где они должны были постоянно находиться под надзором миссионеров. Но соби́рание индейцев оказалось бы почти бесполезным, если бы иезуитам одновременно не удалось совершенно изолировать их от воздействия колонистов и монополизировать все сношения с ними. Поэтому в ближайшие же годы они пустили в ход все влияние, которым они располагали при португальском дворе, чтобы добиться необходимых мер. Но они не нашли в Лиссабоне ни ясной воли, ни твердой руки, которые были нужны для этого дела. Здесь слушали то иезуитов, то колонистов и новых феодальных сеньоров.

Наконец король Себастьян издал в 1574 году закон, который якобы считался с желаниями обеих сторон. Колонисты получали разрешение обращать в рабство индейцев, взятых в плен во время «законных войн», продавать и покупать индейцев, уже состоящих рабами. Иезуитам было обещано, что корона будет считать всех индейцев, живущих в миссионерских деревнях, людьми свободными и будет защищать их свободу даже за пределами миссий, если только они не будут находиться в отсутствии дольше года. Но креолы и метисы мало считались с приказа́ниями из Лиссабона, пока король не заставлял исполнять свою волю силой. А для этого у португальского правительства не хватало ни доброй воли, ни достаточного количества солдат, ни денег.

Борьба между иезуитами и колонистами из-за индейцев продолжалась в течение XVI и XVII веков; она велась с обеих сторон с таким ожесточением, что неоднократно дело доходило до военных столкновений. Генеральной квартирой врагов иезуитов и индейцев были штат Сан-Паулу и штат Марангао. Охотники на индейцев в 1640 году прогнали иезуитов из штата Сан-Паулу и разрешили им в 1653 году вернуться лишь на том условии, что иезуиты не будут мешать своими громкими протестами их честному ремеслу.

В то время как на юге орден вынужден был подчиниться этому жестокому унижению, на севере, в штате Марангао, отец Антоний Виейра начал свою борьбу против охотников

за рабами Сен-Луиса и Белема. Незадолго до этого он был придворным проповедником лиссабонского двора и пользовался огромной известностью как юрист и дипломат. Но он без всякого сожаления покинул свое блестящее и влиятельное положение и в качестве визитатора ордена отправился обращаться в католичество индейцев Северной Бразилии. Его красноречие произвело даже в провинции Марангао настолько сильное впечатление, что в 1653 году население Сен-Луиса и Белема единодушно высказалось за запрещение охоты за людьми. Но этот энтузиазм был непродолжителен. Запрещение было отменено уже в 1654 году.

Тогда Виейра отправился в Лиссабон. В Америке он добился всего, чего хотел: иезуиты получили в 1655 году духовную и светскую власть над всеми не покоренными еще индейцами области Амазонки. В то же время губернатором провинции был назначен бразилец, расположенный к Виейре. После этого мужественный иезуит мог с успехом приняться за духовное покорение страны туписов и караибов. На острове Марайо, в бассейне Токантина, Шингу, Амазонки и всюду, где появлялись черные ярысы, индейцы тысячами променивали свою свободу на подчинение мягкой власти иезуитов. Даже страшные каннибалы Цеары и Пиауги начали благодаря мягким увещаниям Виейры и его послов постепенно соединяться вместе и переходить к земледелию. Не нужно обладать большим умом, чтобы понять, какие выгоды обеспечивал этот успех всей провинции Марангао: нападения лесных индейцев прекратились; пограничная территория колонии открылась для колонизации; сухопутная дорога между Марангао и Пернамбуко стала с этого времени столь же свободной и безопасной, как и морская.

Однако в Марангао никак не могли примириться с запрещением охоты на человека. В 1661 году коллегии иезуитов в Сен-Луисе и Белеме были взяты приступом, иезуиты арестованы и посажены на корабли. Сам Виейра, имевший мужество броситься навстречу возмущившейся толпе, был сначала жестоко избит, затем отправлен под стражей в Сен-Луис и, наконец, осужден на вечное изгнание вместе со всеми членами ордена. В Лиссабоне изгнанник нашел много симпатий, но ни малейшего желания наказать бунтовщи-

ков. Напротив, правительство из боязни ухудшить положение дел поспешило утвердить изгнание Виейры, уничтожить все привилегии иезуитов и закрыть глаза на возобновление охоты за людьми. Лишь в 1680 году король Педро II осмелился отменить эти скандальные меры и восстановить право иезуитов на неограниченный надзор над индейцами.

Но в Марангао подчиняться не захотели, и лишь в 1685 году португальцам удалось вернуть иезуитов. Но они теперь стали поступать благоразумно. Система Виейры, которая неизбежно привела бы к возникновению второго иезуитского государства на севере Бразилии, была оставлена. Иезуиты, конечно, могли проповедовать Евангелие, но они должны были допустить конкуренцию капуцинов, кармелитов, мерседариев. Они нигде не получили неограниченной власти над деревнями миссии. Их тридцатилетняя война против плантаторов, несомненно, не закончилась поражением, как в штате Сан-Паулу, но привела только к половинчатой победе. Им удалось восстановить в Северной Бразилии 28 крупных миссионерских поселений, но организация их вовсе не отвечала идеалу. Правда, закон запрещал и в Бразилии вход всем белым в эти деревни. Но практически иезуиты не могли помешать купцам, искателям золота, плантаторам селиться в непосредственной близости с ними.

Они были также обязаны поставлять государству и плантаторам в течение шести месяцев в году за плату всех работоспособных индейцев. Таким образом, иезуиты не были в состоянии развивать и воспитывать индейцев в таком соответствии со своим идеалом, как в Парагвае, в области чикитосов и мохосов. Вина за это падала на португальское правительство. Оно интересовалось гораздо больше золотом и драгоценными камнями Бразилии, чем индейцами, и нисколько не желало рисковать своей слабой властью, чтобы разрешить с большой затратой денег и людей индейский вопрос в соответствии с идеями иезуитов.

Испанское правительство проявило в индейском вопросе гораздо больше сознательности, серьезности и энергии. У него иезуиты нашли истинное понимание своего миссионерского идеала. Лишь в обширной американской империи, подчиненной испанской короне, они смогли предпринять

духовную конкисту так, как они ее понимали, не только не встречая со стороны правительства препятствий, но даже получая от него поддержку.

Первой испанской колонией, где иезуиты получили возможность обратить в христианство краснокожих язычников, было Перу. Поначалу они довольствовались, как некогда в Индии, поспешным обращением язычников и массовыми крещениями. Этот метод лишен был всякой перспективы, и генерал Аквавива впоследствии сурово критиковал его. Но значительное число крещений произвело на испанцев настолько сильное впечатление, что епископ Тукумана обратился одновременно и к провинциалу Перу, и к провинциалу Бразилии с просьбой прислать ему иезуитских миссионеров для обращения в христианство индейцев Гран-Чако. Оба провинциала охотно откликнулись на этот призыв. Провинциал Перу прислал в 1586 году трех иезуитов; провинциал Бразилии, знаменитый апостол гуаранисов Анчиета, немедленно прислал пятерых, среди них португальца Ортегу и шотландца Фильдса.

Перуанские иезуиты работали в испанских городах, лежащих внутри страны, и обращали омагов и диагитов Восточной Аргентины; Ортега и Фильдс в течение целого ряда лет объезжали огромные пространства лесов и прерий, лежащих вдоль берегов Параны-Панемы и Верхней Параны, и распространяли христианство среди гуаранисов, язык и нравы которых они успели основательно изучить в Бразилии. Эти воинственные людоеды принимали их так дружелюбно, что по истечении первого года своей миссии они смогли основать два миссионерских пункта и уведомить испанского губернатора Асунциона, что в Гуайре 200 000 индейцев готовы принять христианство. Действительно, в течение последующих лет им удалось убедить тысячи гуаранисов принять крещение.

Но правительство ордена не дало себя ослепить этими блестящими внешними успехами. Оно напомнило в 1602 году иезуитам о незначительности результатов, достигнутых кочующей миссией в Перу, и потребовало, чтобы миссионеры собрали обращенных в постоянные поселения и занялись их духовным воспитанием. В то же время присланный генералом визитатор Паец предложил соединить всю тер-

риторию гуаранисов к востоку от Парагвая с территорией бразильских гуаранисов в один миссионерский округ. Это был весьма разумный план. Если бы он был принят, можно было бы избежать больших несчастий. Однако губернатор Асунциона выступил против этого плана. Он понял, что соединение обеих территорий неизбежно приведет к присоединению части территории страны, лежащей к востоку от Парагвая, к Бразилии, и, хотя Португалия и Испания были в это время соединены личной унией, его протест произвел в Мадриде и Риме настолько сильное впечатление, что генерал Аквавива приказал отложить этот план.

Вместо этого в 1607 году из Парагвая он сделал особую провинцию ордена — это была территория, простиравшаяся от берегов Тихого океана до берегов Атлантического и от Параны-Панемы до мыса Горн. Между тем в Мадриде иезуиты с негодованием указали на незаконное поведение крупных испанских землевладельцев Ла-Платы и Параны по отношению к подвластным им индейцам и потребовали быстрого и энергичного вмешательства. На эту просьбу правительство ответило довольно неожиданной мерой. Оно не только дало новому провинциалу Парагвая дону Диего Торрес-и-Болло широкие полномочия для образования следственной комиссии о положении туземцев, но в 1608—1609 годах решило формально передать иезуитскому ордену решение вопроса об индейцах Ла-Платы, предложив ему группировать индейцев в миссионерские округа и брать в свои руки в этих округах всю духовную и светскую власть. Таким образом, завоевание и воспитание индейцев поручается государством исключительно религиозным орденам.

С этого времени иезуиты, а вместе с ними и члены других конгрегаций посылаются правительством в качестве пионеров цивилизации и католической веры во все части американской империи испанцев. В испанской колониальной империи на границах занятой европейцами территории сразу же возникает линия миссии, линия выдвинутых вперед аванпостов цивилизации, которые останавливают набеги враждебных племен и в то же время начинают постепенно ассимилировать диких туземцев. Излишне доказывать всю выгодность этой системы для правительства. Но можно

здать себе вопрос, заслужили ли иезуиты то неслыханное доверие, которое оказало им испанское правительство, не только приняв их систему, но и отдав ей предпочтение перед всеми другими на ее воплощение в жизнь во всех местах — в Парагвае, Перу, Венесуэле, Мексике, Калифорнии.

Ответ на этот вопрос мы найдем в истории возникновения иезуитского государства в Парагвае. В декабре 1609 года новый провинциал Парагвая послал итальянских отцов Катальдино и Мазету к гуаранисам территории Гуайра, где некогда Ортега и Фильдс крестили тысячи туземцев. Их прибытие было крайне необходимо потому, что новообращенные оставались в течение семи лет без духовной помощи. Тем не менее до 200 семей обнаружили немедленную готовность подчиниться мягкому скипетру иезуитов.

Так, в 1610 году был основан первый индейский город в Парагвае. Индейцы принимали христианство с таким рвением, что вскоре было создано три других города, и в 1620 году на одной только территории Гуайра у иезуитов было уже 13 больших поселений с приблизительно 100 000 краснокожих христиан. В 1610 году орден приобрел себе вторую миссионерскую область в 1200 квадратных километров — холмистую страну на правом берегу Средней Параны. Здесь почтенный отец Лоренцана, один из ветеранов индейской миссии, основал в 1618 году первое поселение Параны.

Отсюда в 1620 году отцы-иезуиты проникли в страну, лежащую между Парагваем и Уругваем. Наконец, с 1624 года они начали утверждаться и на левом берегу Уругвая с целью проложить себе дорогу к морю через Уругвай. В 1630 году они владели уже 4 миссионерскими округами: Гуайрой с 13 поселениями, правым берегом Средней Параны с 6 поселениями, страной «между двумя водами» и левым берегом Уругвая, которые вместе насчитывали 8 поселений.

Однако в самой старой и наиболее цветущей провинции миссии объявился страшный враг, с которым иезуитам пришлось непрерывно бороться вплоть до 1676 года, — охотники за рабами из штата Сан-Паулу, создававшие еще в Бразилии большие затруднения иезуитам. Поселения иезуитов показали этим свирепым людям превосходными охотничьи-

ми территориями для их ужасного промысла, и нужно сказать правду: они умели охотиться за рабами еще лучше, чем иезуиты за душами.

В 1620 году они сделали первый набег в Гуайру, разрушили поселение Инкарнацион и увели в рабство сотни краснокожих христиан. В 1630 году они появились снова, разрушили Сан-Антонио и увели на рабские рынки 5000 крещеных краснокожих. То же самое повторилось и в 1631 году. На этот раз были уничтожены четыре поселения, насчитывавшие 1000 семейств. Иезуиты не были в состоянии оказывать вооруженное сопротивление. Переговоры, которые они начали с властями Асунциона и Бразилии с целью добиться помощи против работорговцев, оказались безрезультатными. У иезуитов не оставалось иного выбора, как оставить Гуайру и эмигрировать с остатками своего стада на Среднюю Парану и Уругвай.

Им действительно удалось собрать около 12 000 своих овец в Санто-Гранде-де-Гуайра и, разделив их на четыре отряда, повести на юг. Им пришлось пройти около 1200 километров, приблизительно столько же, сколько от Берлина до Рима, через страну без дорог, среди тысяч обезумевших от отчаяния дикарей, которые недавно еще были каннибалами. Неудивительно, что из 12 000 эмигрантов 8000 погибли в пути и что начальник экспедиции отец Монтойя подвергся за свое безрассудство суровому порицанию со стороны старших и братьев. Но если его порицатели отчасти и были правы, переход 12 000 человек через пустыню заслуживает вечной памяти как ни с чем не сравнимое героическое предприятие.

К несчастью, охотники за рабами были, по крайней мере, столь же отважны и предприимчивы, как отцы-иезуиты. Начиная с 1635 года они почти ежегодно показывались на левом берегу Уругвая, разрушали и грабили поселения, созданные иезуитами. Если орден не хотел окончательно потерять свою новую миссионерскую область, он должен был решиться защищать ее с оружием в руках. Убедившись в этой необходимости, орден получил в 1638—1639 годах от мадридского правительства разрешение вооружить краснокожих христиан ружьями и придать им военную организацию.

С этого времени, как только показывался враг, иезуиты немедленно выступали против него в поход. Но от наде-

жды расширить территорию миссии до берега Атлантического океана пришлось отказаться. «Государство иезуитов» не вышло за пределы равнины Средней Параны и Уругвая. Впрочем, эта страна занимала 180 000 квадратных километров; в ней находилось 30 индейских городов и жило около 100 000 краснокожих христиан.

Успех иезуитов в стране гуаранисов побудил испанское правительство доверить им духовную конкисту многих других индейских племен своей обширной империи. Среди этих племен находились мокобии и абипоны на западе и юго-западе от страны гуаранисов. Еще раньше иезуиты начали завоевание краснокожих, живших на восточном склоне Кордильер, в областях, принадлежащих в настоящее время Чили, Западной Аргентине, Боливии, Перу и Эквадору.

Достигнутые успехи не соответствовали огромным жертвам, которые им в течение долгих лет пришлось приносить деньгами и людьми. Все же начиная с 1692 года им удалось постепенно сгруппировать чикитосов и самукосов Боливии в одиннадцати поселениях. К этой миссионерской территории на юге примкнула миссия Турама, с тремя поселениями, основанная после 1748 года с целью установить сообщение между чикитосами и государством иезуитов. К северу от чикитосов отец Бараце вскоре после 1675 года начал проповедь среди мохосов: в XVIII веке здесь находилось 13 поселений.

В это же время два чеха, отцы Рихлер и Фриц, начали работу среди майнасов в местности, обильно орошаемой истоками Амазонки; здесь было создано восемнадцать поселений. В 1652 году отцы-иезуиты начали проповедь среди караибов бассейна Ориноко. Но в 1682 году цветущая миссия была совершенно разрушена язычниками, и иезуиты были вынуждены предоставить эту территорию каталонским капуцинам. Однако еще в XVII веке им удалось основать восемь поселений в Гвиане. Таким образом, во всей Южной Америке границы колонизованных европейцами земель окружила цепь иезуитских колоний, правда нередко отстоявших друг от друга на довольно значительном расстоянии.

Как духовные завоеватели иезуиты играли большую роль также в испанских владениях Центральной и Северной Америки. Правда, во Флориде они ничего не достигли, несмотря

на все свои усилия и мученичество. Но в Мексике с конца XVI века они работали с успехом и собрали диких индейцев Синалоа и Соноры в сорок поселений; после 1683 года они подчинили мало-помалу племена рыбаоловов Нижней Калифорнии и, наконец, в 1718 году наяритов, живших в огромных незадолго перед тем открытых лесах Северной Мексики. Можно сказать, что в беспредельной испанской колониальной империи не было почти ни одного сколько-нибудь значительного индейского племени, среди которого иезуиты не испробовали бы охоты за душами и по крайней мере в течение некоторого времени не проповедовали бы Евангелия.

Но почему дикари всюду так охотно прислушивались к проповеди иезуитов гораздо охотнее, чем к проповеди всех других миссионеров? Конечно, потому, что иезуиты, работая над обращением индейцев, тщательно принимали в расчет их характер и нужды. Отправляясь на проповедь, они почти всегда брали с собой маленькие подарки. Часто они брали с собой также скрипку, флейту или даже целый маленький оркестр: они скоро поняли, что индейцы любят музыку больше всего, и умело пользовались этой склонностью, чтобы привлечь к себе грубых детей природы.

Очень часто иезуиты посылали уже обращенных индейцев в качестве пионеров к их братьям, жившим еще в лесах, чтобы описать им спокойную и обильную жизнь в иезуитских поселениях и этим возбудить аппетиты прожорливых язычников. Но главная сила иезуитов заключалась в том, что они умели завоевать доверие краснокожих. Мужество, которое проявляли миссионеры при пытках, самоотречение и любовь, с которыми они защищали преследуемых индейцев, не могли не произвести сильного впечатления. От племени к племени, от стоянки к стоянке повторяли, что краснокожим нечего бояться черных рясов, что черные рясы приносят им только помощь и дружбу, обильную пищу и одежду.

Правда, начиная с XVII века иезуиты тоже несколько изменили свою систему завоевания. Они начали иногда предпринимать набеги на заселенные язычниками территории, во время которых язычники, и особенно дети язычников, массами забирались в плен и уводились затем на расстоя-

ние нескольких дней пути от своих жилищ. Таким образом, «охота за душами» получила некоторое сходство с охотой за людьми старых охотников из штата Сан-Паулу. Но в лучшие времена миссии, в первую половину XVII века, иезуиты еще не позволяли себе употреблять таких средств для покорения душ. Тогда они не хотели даже, чтобы их во время опасных миссионерских экспедиций сопровождали солдаты.

Государство иезуитов в Парагвае

Несравненно важнее, чем вопрос о средствах, применявшихся иезуитами в охоте за душами, является вопрос о том, к каким результатам привела их деятельность. На этот вопрос они пытались ответить в многочисленных отчетах о своей миссионерской деятельности в разных областях. Однако в качестве типичного примера достаточно взять одно из их наиболее значительных созданий, самое известное, самое могущественное, стоившее наибольших жертв, оказавшее наибольшее влияние на судьбу ордена, — так называемое иезуитское государство в Парагвае.

Географическое положение, этнографический состав и история возникновения этого государства нам уже известны. Теперь нам остается лишь бросить взгляд через его строго охраняемые входные ворота. Для этой цели присоединимся на некоторое время к храброму тирольцу отцу Антонию Сеппу, посланному в 1691 году к гуаранисам. Во время своего пребывания среди «народа Япейю» он составил в высшей степени оригинальный рассказ о своих приключениях. Сепп введет нас в государство иезуитов и покажет его нам.

1 мая 1691 года мы встречаем Сеппа с двумя десятками членов ордена в уединенном заливишке Ла-Платы, на расстоянии четырех часов пути к западу от Буэнос-Айреса. В этот момент он как раз садится на судно, чтобы отправиться в государство иезуитов.

Попасть туда можно только водным путем по Паране и Уругваю, и эта речная дорога доступна не всем судам вследствие наличия в ее течении большого количества под-

водных камней и порогов. Поэтому иезуиты, предпринимая свои ежегодные путешествия в Санта-Фе или Буэнос-Айрес, пользовались мелко сидящими судами, которые были похожи скорее на плоты и легко разбирались. Их можно было без труда провести через подводные камни или перенести по земле там, где встречались пороги. В заливе стоят двенадцать таких лодок; на каждой из них находится маленькая хижина, в которой могут поместиться два-три человека. Иезуиты могут здесь спокойно молиться, читать, писать, заниматься наукой, как в коллегии, потому что 300 индейских гребцов, которых они взяли с собой, не шутят, не поют, не кричат и не говорят. Молчаливые, как могила, они на веслах ведут вверх по течению маленькую флотилию через безмолвный девственный лес, который тянется по обоим берегам величественной реки. Проходит неделя, две, четыре; не видно ни малейшего признака человеческого жилья. Наконец как будто прекращается и сам водный путь. Бешеные пороги заставляют иезуитов выйти на берег и совершить, таща с собой лодки, мучительный обход, чтобы добраться до верховьев порогов. Но в то же время эти пороги образуют барьер, замыкающий с юга государство иезуитов.

Вскоре, вечером 1 июня, путешественники замечают на левой стороне реки поселение, расположенное на возвышенности и хорошо защищенное стенами и рвом. Это — Япейю, самый южный город иезуитского государства и в это время резиденция его губернатора — «великого отца». Но когда утром 2 июня иезуиты уже готовились сойти на берег, внезапно раздался страшный шум и грохот. На реке показались два фрегата. Они изображают морскую битву, непрерывно обмениваясь холостыми пушечными выстрелами. В то же время на берегу вступают в сражение два эскадрона кавалерии и две роты пехоты с таким воинственным пылом, что изумленные зрители не могут поверить своим глазам и ушам. «Блещат мушкеты, бьют барабаны, звучат рожки, флейты и трумпеты», и среди всего этого все громче раздаются воинственные кличи индейцев, которые словно вырастают из-под земли, чтобы, согласно индейскому обычаю, встретить вновь прибывших. Наконец иезуиты сходят на берег. Их немедленно ведут в церковь под эскортом нескольких

тысяч индейцев, «под радостный колокольный звон, через ряды обвитых зеленью триумфальных арок».

Здесь их ждет привлекательная картина: огромная площадь, осененная зеленью прекрасных пальм, окруженная со всех сторон крытыми галереями, за которыми возвышаются великолепные здания из камня и дерева. Одна сторона этой четырехугольной площади целиком занята огромной церковью, к которой примыкает иезуитская коллегия. Возле коллегии находятся обширные фабрики общины, магазины, арсенал, тюрьма, прядильная мастерская для старых женщин и для тех, которые совершили какой-нибудь проступок, аптека и больница. Напротив жилище и канцелярия туземного коррехидора. Далее идут разделенные на правильные квадраты жилища туземцев, большей частью простые хижины в одну комнату, сделанные из земли и кирпичей, в которых теснятся «отец, мать, сестры, братья, дети, внуки вместе с собаками, кошками, мышами, крысами и т. д.; здесь кишат тысячи сверчков и тараканов, известных в Тироле под названием швабов».

Новичку скоро становится дурно от невыносимого смрада. Куда с большим удовольствием он посещает сады и огороды иезуитов, которые полны овощей, цветов, кустов, виноградной лозы, и кладбище, где растут апельсиновые и лимонные деревья и пальмы. Сады образуют первую зону обработанной земли. Далее идут обширные поля маиса, табака, пшеницы, бобов, гороха вперемежку с плантациями чая, хлопка и сахарного тростника. Все эти поля содержатся в великолепном порядке. Только некоторые из них представляют весьма печальный вид: это участки, предоставленные в частное пользование туземцам. Выйдя за пределы полевых угодий, путешественник видит беспредельную ширь прерий и зарослей. Здесь пасутся 500 000 голов рогатого скота, 40 000 овец и 1000 ослов и лошадей Япейю. Лишь кое-где на горизонте виднеются немногочисленные хижины; это жилища пастухов, которые служат убежищем для тех краснокожих, которым поручена охрана стад.

Уже один внешний вид этого поселения, повторяющийся с весьма небольшими отклонениями у чикитосов, мохосов и везде, где живут иезуиты, ясно показывает, какова

была природа социальной и экономической организации этих колоний. Перед нами везде коммунистические общины, управляемые двумя-тремя отцами-иезуитами.

Действительно, понятие частной собственности совершенно не известно индейцам. Единственное исключение составляет женский наряд, представляющий, впрочем, лишь очень небольшую ценность. Все, чем владеет и пользуется «христианин», — хижина, в которой он живет, поле, которое он обрабатывает, скот, который доставляет ему пищу и одежду, инструменты, при помощи которых он работает, даже единственный столовый нож, который получает каждая молодая чета, когда она основывает собственное хозяйство, все это — собственность Бога. В соответствии с этим «христианин» не может свободно располагать ни своим временем, ни своей личностью.

На попечении матери он остается лишь в возрасте грудного ребенка. Как только он научится ходить, он попадает в руки иезуитов и их агентов, которые стараются научить ребенка уже во время игр разного рода полезным работам. Когда ребенок подрос, его учат, если это девочка — прясть и ткать, а если это мальчик — читать и писать, но только на языке гуаранисов, который иезуиты весьма старательно разрабатывают. В интересах миссионерства и цивилизации они изобрели для него письменность.

Как только молодая девушка достигнет четырнадцати лет, а мальчик — шестнадцати, их спешат женить из опасения, чтобы они не впали в плотский грех. Только очень веские причины позволяют отдельным лицам остаться девственниками по достижении этого возраста. Ни один из туземцев не может стать ни священником, ни монахом, ни тем более иезуитом. Высшим званием, которого может достигнуть индеец, если он обладает особенными способностями, является должность коррехидора, занимая которую он делается чем-то вроде фельдфебеля при отце-губернаторе. Если индеец обнаруживает особенную способность к какому-нибудь ремеслу, его немедленно начинают старательно обучать ему. Но его будущее определяет не он сам, а отцы-иезуиты. Впрочем, индеец и не был бы в состоянии самостоятельно сделать выбор, даже если бы он имел на это право, — так

мало он привык сам распоряжаться своей личностью. Ему не позволено даже по собственному желанию покинуть территорию поселения, ни тем более отправляться в европейские колонии.

Он всегда находится под надзором. Фактически индеец — несвободный человек. Но в материальном отношении он, несомненно, чувствует себя счастливым при этом патриархальном режиме. Все, в чем он нуждается для поддержания своего существования, — говядина, потребляемая им в огромном количестве, парагвайский чай, введенный иезуитами с целью отучить население от алкоголя, соль, которой он приправляет свою пищу, одежда, которую носит, и табак, который курит, — все это он находит в изобилии и самого лучшего качества в магазинах. Индеец не обременен также и работой. Воскресенье и многочисленные праздники — дни безусловного отдыха. Из рабочих дней обычно два в неделю ему даются для обработки его собственного поля.

Утром после мессы отряды рабочих, выстроившись в правильные ряды, с пением отправляются в поле; перед ними несут священные изображения. Вечером они таким же порядком возвращаются в деревню для молитвы с четками. Иезуиты, разумеется, заботились об устройстве для «христиан» пристойных увеселений и развлечений. В воскресенье происходят стрельба в цель, конные скачки, футбол, военные игры или катание на лодках с концертом; в престольный праздник, продолжающийся три дня, разыгрывают комедию; на Рождество, по крайней мере во время пребывания отца Сеппа, — представления марионеток; на Пасху ставят мимическую драму Страстей Господних и т. д. Но особенно культивируют свой хор с «бесчисленным количеством теноров» и, кроме того, хорошо обученный индейско-европейский оркестр, в котором рядом со скрипками фигурируют бамбуковые свистки, рядом с контрабасами — кастаньеты и индейские барабаны, рядом с флейтами, кларнетами и гобоями — странные инструменты, сделанные из хвоста броненосцев. Кроме того, почти в каждой церкви имеется орган.

Таким образом, и богослужение, и работу в «христианской республике» всегда сопровождает музыка, нередко даже

очень хорошая музыка. В этой глуши раздаются прекрасные старинные мелодии Нидерландов и Испании; к ним присоединяются иногда удачные композиции самих отцов-иезуитов. Многие из них, например благодушный отец Сепп, среди чикитосов слынут еще и «известными композиторами» и довольно часто, даже каждый вечер, устраивают регулярные концерты на площади, к великой радости «христиан». Танцы или, лучше сказать, балет играют в поселениях такую же большую роль, как и музыка. Танцы в обычном смысле слова, конечно, запрещены. Напротив, мимические движения всякого рода старательно поощряются. Миссионеры сами управляют ими. В этих балетах одинаково вызывает удивление и замечательная ловкость «христиан», и блестящая роскошь их костюмов.

Так беззаботно и радостно протекает жизнь краснокожих христиан. Иезуиты заботятся о них, как отцы; и, как отцы, они наказывают их за малейшие проступки. Смертная казнь неизвестна в этой счастливой стране: кнут, пост, тюрьма, выставление у позорного столба на общественной площади, публичное покаяние в церкви являются единственными наказаниями, которые грозят христианину даже за самые тяжелые преступления. Строго запрещено выдавать преступника светским судьям. И красные дети Парагвая не знают другой власти, кроме власти своих добрых отцов. Они едва ли подозревают о существовании верховной власти испанского короля. Даже монеты с изображением короля они видят только в одном случае — в день свадьбы, когда, по испанскому обычаю, жених и невеста обмениваются несколькими реалами. Они почти никогда не видят ни губернатора провинции, ни епископа, потому что и тот и другой принадлежат к числу тех белых, посещение которых настолько неприятно для отцов-иезуитов, что они всячески стараются избежать его.

Но можем ли мы на этом основании сказать, что миссия гуаранисов была настоящим государством? Не представляют ли из себя названия «христианская республика», «государство иезуитов» простые образные выражения? Точно ли выражают они сущность этого создания миссионеров? Ведь в таком случае пришлось бы считать автономными государ-

ствами и сотни других иезуитских миссий, а также миссии францисканцев, капуцинов, августинцев, потому что и они организованы таким же образом. На самом деле эти замечательные коммунистические общины не являются автономными государствами; они образуют лишь особую разновидность колоний, которую вызвало к жизни само испанское правительство и развитию которой оно содействовало в собственных интересах; колоний, искусственную изолированность которых от всех европейских поселений оно само стремилось поддерживать при помощи строгих законов и с начальниками которых оно предпочитало общаться непосредственно через головы высших должностных лиц провинции.

Христианская республика Парагвая отличается от других колоний этого рода лишь в том отношении, что монашеское правительство и связанная с ним коммунистическая система хозяйства достигли здесь большего совершенства, чем где бы то ни было. Но не говорит ли этот строгий коммунизм, по крайней мере, о политических и социальных тенденциях, которые составляют исключительную особенность Общества Иисуса? Нисколько. Во всех колониях этого рода мы находим зародыши коммунизма, и во всех них эти зародыши развились самостоятельно одинаковым путем. До принятия христианства гуаранисы не были знакомы ни с домашними животными, ни с железными орудиями, ни с оседлой жизнью, ни с частной собственностью. Они узнали все это только от иезуитов.

Поэтому вполне естественно, что орден сохранил в своих руках распределение этих вещей, тем более что дикари не сумели бы рационально пользоваться ими. Можно только спросить себя, разумно ли поступали иезуиты, оставляя индейцев в состоянии вечного детства; разумно ли было превращать в постоянный институт патриархальный коммунизм, навязанный первоначально силой обстоятельств; и соответствовали ли результаты этой системы воспитания огромным жертвам, принесенным ими для обращения гуаранисов?

Первое впечатление при виде иезуитских поселений, конечно, поразительно: индейцы как будто вполне цивили-

зованы, они как будто могут делать все. Все, что они потребляют: съестные припасы, одежда, домашняя посуда, рабочие орудия, машины, мебель, церковные украшения, музыкальные инструменты, предметы культа, — все изготавливается на месте самими христианами. Они умеют даже отливать пушки, колокола, полиграфический шрифт, изготавливать часы, печатать книги, ваять статуи, писать картины.

Таким образом, совокупность поселений Параны и Уругвая составляет большой экономический организм, самостоятельно производящий все, что потребляет. Только соль и железо иезуиты вынуждены, к своему великому сожалению, ввозить извне с большими издержками. Но чем ближе присматриваешься к этой цивилизации, тем более поражаешься ее искусственным характером. Как только «христиане» перестают получать от иезуитов модели и руководящие указания, они уже не в состоянии сделать ничего хорошего. Может быть, у них отсутствуют творческие способности? Нисколько. Несомненно, что они бедны в смысле цивилизации, но отнюдь не неспособны к ней.

К несчастью, иезуиты не развили их естественных творческих дарований; в своем нетерпеливом стремлении создать как можно скорее цивилизацию по европейскому шаблону они выдрессировали индейцев, превратив их в настоящие машины. Избавив индейцев от материальных забот, они лишили их и той небольшой доли инициативы, которая существовала у них раньше. Поэтому высокая культура миссий является, в сущности, лишь искусственным, оранжерейным продуктом, который несет в самом себе зародыш смерти. Ибо, несмотря на всю дрессировку, гуаранис остался в своей основе тем, чем был: ленивым, ограниченным, чувственным, прожорливым и грязным дикарем. Он, как утверждают сами иезуиты, работает лишь до тех пор, пока чувствует за собой палку надсмотрщика. Как только его предоставляют самому себе, он равнодушно позволяет жатве гнить на полях, приходит в упадок орудиям, погибать стадам.

Случается даже, что во время полевых работ он вдруг распрягает вола, закалывает его, разводит костер из деревянных частей плуга и вместе со своими товарищами пожират полусырое мясо, вплоть до последнего куска. Он хорошо

знает, что за это получит 25 ударов кнута и что добрые миссионеры ни в коем случае не позволят ему умереть с голоду. К несчастью, его прожорливость, как показывает приведенный выше пример, так же велика, как и его лень. Семь тысяч жителей Сан-Мигуэля ежедневно съедают сорок быков. Но слово «есть» является эвфемизмом в применении к этому способу еды, так как «христиане» с такой жадностью поглощают огромные куски полусырого мяса, что «кровавый сок стекает с обоих углов их прожорливого рта».

Еще печальнее, чем этот старый каннибальский аппетит, их грубая чувственность. Отталкивающее впечатление производит слабое развитие чувств, весьма важных для общественной жизни: любви к родителям и супругам, отвращения к грубо-безнравственным поступкам, привязанности к родному дому, к очагу, к родине. Все эти чувства известны гуаранису-христианину, имеющему за собой полдюжины предков-христиан, не более, чем лесному индейцу, который обращается со своей женой как с вьючным животным, хладнокровно покидает своих старых родителей в нужде или даже убивает их и чувствует себя хорошо всюду, где находит еду.

Нравственная жизнь гуараниса благодаря воспитанию иезуитов обогатилась лишь небольшим количеством новых приобретений, но они производят в этой обстановке странное впечатление. Он превратился в благочестивого и суеверного католика, который всюду видит чудеса и находит удовольствие в самых жестоких самоистязаниях; он научился повиноваться и питает, правда, не очень глубокую, но зато весьма упорную чисто детскую привязанность к добрым отцам-иезуитам, которые так заботливо пекутся о его благосостоянии. Этот не слишком блестящий результат в достаточной мере доказывает, что воспитательная система ордена страдала серьезными недостатками.

В чем заключались эти недостатки? Очевидно, в том, что иезуиты никогда не старались развивать в своих краснокожих детях творческие способности и чувство ответственности, что они сами изобретали за своих «христиан» игры и танцы и вообще думали за них вместо того, чтобы заставить их самих думать; словом, ограничивались чисто внешней дрес-

сировкой дикарей, а не воспитывали их. Этот недостаток отчасти объясняется слишком малым числом миссионеров: учитель, которому приходится заниматься с большим количеством детей, всегда будет склонен скорее дрессировать, чем воспитывать их. Но наиболее серьезная ошибка состояла в том, что миссионеры поверхностно понимали свою задачу — ошибка, которая повторяется во всех иезуитских миссиях, — они слишком много заботились о внешних массовых успехах и почти не обращали внимания на развитие в душах действительно религиозных чувств и интеллектуальной и моральной культуры.

Новая Франция. Заключение

Существовала обширная территория, где духовная конкиста не только не была разрешена, но даже строго запрещалась, где правительство наилучшим способом разрешения индейского вопроса признавало смешение европейцев и индейцев, которому оно и содействовало всеми силами. Это — большая французская колония в бассейне реки Святого Лаврентия, Канада и соседние с ней территории. Как поняли здесь иезуиты свою задачу? Какие услуги оказали они здесь цивилизации?

Когда в 1611 году иезуиты прибыли в Канаду, в девственных лесах по берегам реки Святого Лаврентия жило еще более 200 000 индейцев. Почти все французские колонисты сосредоточились в Квебеке, и эта горстка людей состояла большей частью из гугенотов. Иезуиты нисколько не хотели уступать Новую Францию гугенотам, и в этом отношении Ришелье был вполне согласен с ними: в 1628 году он запретил евангелическое богослужение в колонии. Таким образом, Канада была отдана католической церкви и иезуитам; но вместе с тем наиболее богатая капиталами, наиболее предприимчивая, наиболее склонная к эмиграции часть французского населения была потеряна для Канады. Она стала переселяться в Пруссию, Голландию, Англию, английские колонии.

Несмотря на то что иезуиты делали все возможное, чтобы привлечь в Канаду французских эмигрантов-католиков, и хотя их восторженные описания страны находили много сочувственных откликов во Франции, французская эмиграция всегда оставалась слабой. В 1663 году в Канаде было только 3200 белых, в 1763 году — 65 000, между тем как в Новой Англии, колонизация которой началась на двадцать пять лет позднее, в 1640 году было уже 24 000 белых, а в 1763 году — более 2 миллионов. Но если иезуитам не удалось превратить Канаду в большую земледельческую колонию Франции, к чему они страстно стремились, удалось ли им, по крайней мере, обратить в христианство и приобрести для католической Франции кочевые племена, издревле населявшие девственные леса Канады: гуронов, ирокезов, алгонкинов, абенакисов?

В первую очередь отцы-иезуиты обратили свои взоры к гуронам, среди которых работали уже некоторое время францисканцы-реколлекты. В апреле 1634 года из Квебека отправились три иезуита с целью проникнуть в страну гуронов у берегов озер Гурон, Онтарио, Эри. Но канадские леса были в это время совершенно непроходимы. Миссионеры должны были путешествовать по индейскому способу, подымаясь на лодке вверх по реке Святого Лаврентия и Оттаве. Сколько раз приходилось им при этом бросаться в воду, чтобы не дать быстрому течению унести утлые челны, сколько раз должны были они вытаскивать свои лодки на сушу и переносить их на спинах через береговые заросли, чтобы обойти пороги! С окровавленными ногами, в лохмотьях, опухшие от укусов комаров, истощенные лишениями и усталостью, они достигли наконец стоянок гуронов.

Но здесь их ждали новые разочарования. Гуроны оказались гораздо более дикими, грязными и подозрительными, чем представляли себе иезуиты, а пребывание в темных, прокопченных дымом вигвамах, кишаших насекомыми, среди беспокойных, грязных детей и полудиких собак представляло собой непрекращающееся мучение. К этому присоединялась суровая зима Канады, постоянная опасность подвергнуться внезапному нападению со стороны свирепых краснокожих, риск быть привязанным к столбу пытки,

оскальпированным и медленно зажаренным на углях. Чтобы при этих условиях не потерять всякого мужества, необходим был могучий энтузиазм, способный видеть во всех этих несчастьях настоящую милость, с радостным порывом стремиться к мученичеству, видеть всюду чудеса, укреплять себя видениями, считать всякую борьбу, которую приходилось выносить, за борьбу с сатаной.

Отцы Бребеф, Даниэль и Даву были проникнуты этим энтузиазмом; и им удалось постепенно приобрести доверие гуронов. После шестилетней работы они собрали большое количество гуронов в постоянные поселения и основали четырнадцать миссионерских пунктов вокруг форта Святой Марии у озера Гурон. Но как раз в это время, в 1641 году, вспыхнула страшная, истребительная война, начатая ирокезами против гуронов и союзных с ними французов. Иезуиты не бежали перед жестокостями этой ужасной борьбы, которая продолжалась двадцать шесть лет. Но каков был результат? Начиная с 1648 года ирокезы разрушили один за другим все их дома и перебили самым ужасным образом всех, кто носил черные ряссы.

В марте 1649 года при взятии Сен-Луи они захватили отцов Лалемана и Бребефа. У Жана Бребефа, который, несмотря на все мучения, не издавал ни одной жалобы и, привязанный к столбу, стойко продолжал проповедовать, они отрезали нос и губы, скальпировали ему голову, разрубили ноги и начали сдирать мясо на голеньях, пока наконец один воин, пораженный его стойкостью, не вырвал из его груди бьющееся сердце и не съел его еще теплым, чтобы увеличить свою силу кровью храбреца.

Гуроны были почти уничтожены в этой войне. Около 700 из них удалось найти убежище вблизи Квебека, остальные вошли в состав племени своих смертельных врагов. Миссия иезуитов более не существовала. Тем не менее иезуиты не отказались от надежды обратить краснокожих реки Святого Лаврентия, канадских озер, Иллинойса, Огайо, Гудзона. Они переходили от одного племени к другому, хотя в течение целых недель у них не бывало другого ложа, кроме жестких скал, и другой пищи, кроме горсти индейского маиса. Даже в самый разгар войны они рисковали про-

никать в вигвамы ирокезов; они снова возвращались туда даже после того, как их скальпировали, отрезали им пальцы, а затем и руки, как у отца Жогеса.

Но какой жалкий результат — собрать несколько сот краснокожих в три деревни канадской миссии! Огромное большинство дикарей оставалось язычниками, и в то же время они сильно уменьшались в числе от оспы и алкоголя. Иезуиты смогли положить предел этому опустошению только в том случае, если бы они получили возможность по испанскому способу совершенно изолировать индейцев и сохранить их национальность, их обычаи, их язык. Но французское правительство не хотело и слушать об этом. Оно принуждало иезуитов переселять индейцев во французскую колонию, превращать их как можно быстрее во французов, всеми силами содействовать развитию отношений и даже бракам между краснокожими и бледнолицыми. Эта недалёковидная политика, оспа, водка и томагавк ирокезов сделали безрезультатными все попытки иезуитов разрешить индейский вопрос и привели к крушению колониальной державы французов.

Иезуиты были первыми европейцами, исследовавшими северные озера и поселившимися у их берегов, они первые ясно поняли значение области канадских озер и настояли, чтобы французское правительство завладело ими. Они одни превзошли белокожих лесных бродяг и умели находить стоянки самых отдаленных и свирепых индейских племен, так что у краснокожих вошло почти в привычку приветствовать приходивших к ним европейских путешественников словами: «Черные рясы были уже здесь».

Смелость и отвага, проявленные орденом на европейской арене, не изменили ему и в языческих странах. Поразительна была широта его предприятий, удивительны то благоразумие и энергия, с которыми он работал над их осуществлением, возвышенны и достойны преклонения самоотречение и душевная сила, которые проявили его ученики в лесных делях, пустынях и лихорадочных болотах, среди людоедов и коварных охотников за черепами. Но там, где много света, бывает и много тени. Отважность на миссионерской арене слишком часто превращается в нетерпеливую жажду завое-

ваний. Иезуиты стремились достичь внешнего успеха какими угодно средствами. Там, где языческая культура казалась непобедимой, как, например, в Китае и Индии, они вместо христианства насаждали смешанную христианско-языческую религию. Там же, где организация языческой религии слаба, они часто довольствовались внешней христианизацией — массовыми обращениями и крещениями. Внутреннее усвоение религии считали возможным возложить на позднейшее воспитательное влияние церкви.

Такое воспитательное влияние оказалось неосуществимым в Индии, Китае, Японии, самые прекрасные создания ордена быстро разрушились. Там, где оно было внезапно прервано уничтожением ордена, как в колониальных империях Испании и Португалии, новообращенные христиане быстро впадали в первобытное варварское состояние и деградировали, потому что иезуиты не догадались научить туземцев правильному пользованию свободой.

Таким образом, результаты всех этих предприятий далеко не соответствовали тем материальным средствам, крови, духовной силе и идеалистическому воодушевлению, которые затратил на них орден, но виновата в этом не только естественная дикость обращенных, не только низость и корыстолюбие белых колонистов и купцов, кровавые следы которых встречаются, конечно, достаточно часто и в истории иезуитских миссий, но и сам характер миссионерства. Именно характером миссионерства объясняется и огромность его непосредственных успехов, и незначительная длительность его результатов.

Глава V Общество Иисуса в период наивысшего расцвета

Первые сто лет существования Общества Иисуса

В 1640 году у Плантина⁷⁷ в Антверпене появилась одна из тех книг, чудовищные размеры которых наводят ужас даже на самых выносливых из современных библиофилов; огромный том *in folio* почти в тысячу страниц, длинный, широкий, толстый и тяжелый, как большой ребенок. Однако если мы осмелимся ближе присмотреться к этому чудовищу, то мы почувствуем приятное разочарование. Эта книга великолепно напечатана, обильно украшена прекрасными гравюрами на меди и во всех отношениях является шедевром издавшей ее знаменитой типографии. Уже эта необыкновенно приятная внешность говорит нам, что мы не имеем дело с одним из многочисленных гигантских проектов учености XVII века, которые тяжело нести и еще тяжелее вынести.

Действительно, цель этой колоссальной книги скорее назидательная, чем ученая. Это не что иное, как юбилейное издание — очерк первого века существования Общества Иисуса, составленный иезуитами Фландрии. На юбилейные торжества обычно не приглашают критиков. Этому вполне обоснованному обычаю последовали, конечно, при составлении своего юбилейного труда и бельгийские ученые отцы-

иезуиты. Но они не ограничились изгнанием критики из своего рабочего кабинета: достаточно прочитать несколько страниц описаний на классической новой латыни, несколько сот латинских, греческих и еврейских стихов, приятно прерывающих высокопарную прозу, и мы почти задохнемся от приторного запаха фимиама.

В этой книге Общество Иисуса восхваляет и возвеличивает себя с такой силой, что в сравнении с ней официальная риторика времен упадка Римской империи кажется скромной болтовней. Согласно этой книге Общество Иисуса ведет свое происхождение прямо от Иисуса Христа и Марии, его развитие сравнивается с развитием Иисуса, и изображается оно как орудие, созданное самим Божественным Провидением. Общество утверждает, что в его истории исполняются все пророчества Ветхого Завета и что Бог засвидетельствовал его превосходство чудесами и знамениями; оно ставит Игнатия Лойолу рядом не только с героем императорского Рима — Юлием Цезарем, но и с героем духовного Рима — апостолом Петром; оно ставит его, конечно, неизмеримо выше Цезаря и прославляет его, а вместе с ним святого Франциска Ксавье как величайших святых и чудотворцев, властвовавших над ветрами и дождем, болезнями и смертью, обладавших властью даже останавливать движение солнца. Общество гордо присваивает себе и своим членам право на все, что можно сказать высокого, прекрасного и необычайного о людях и человеческих делах. В этой хвастливой юбилейной работе оно поклоняется себе с таким энтузиазмом, в таком триумфальном и самодовольном тоне, аналогов которым найти трудно, почти невозможно.

Каким бы грубым ни казалось нам это невероятное самодовольство, приближающееся к идолопоклонству, мы все же должны попытаться понять его причины. Очевидно, мы имеем здесь дело не просто с изливаниями фантазии, возбужденной до состояния бреда. Этот энтузиазм опирается на факты, успехи, победы, которые могли вскружить головы даже флегматичным, мало склонным к преувеличениям нидерландцам. Если мы примем это во внимание и восстановим перед нашими взорами развитие ордена в течение первого века его существования и его могущественное поло-

жение в 1640 году, мы не увидим ничего непонятного в этом самодовольстве.

В 1540 году орден насчитывал лишь десять регулярных членов и не имел собственной резиденции. В 1556 году у него уже было 12 провинций, 79 домов и около 1000 членов. Через восемнадцать лет, в 1574 году, существовало уже 17 провинций, 125 коллегий, 11 новициатов, 35 поселений и 4000 членов. Спустя поколение, в 1608 году, — 31 провинция, 306 коллегий, 40 новициатов, 21 дом профессов, 65 резиденций и миссий, 10 640 членов. Восемь лет спустя, через год после смерти знаменитого генерала Аквавивы, — 32 провинции, 372 коллегии, 41 новициат, 123 резиденции, 13 112 членов. Еще через десять лет, в 1626 году, — 36 провинций, 2 вице-провинции, 446 коллегий, 37 семинарий, 49 новициатов, 24 дома профессов, около 230 миссий и резиденций, 16 060 членов. Наконец, в 1640 году — 35 провинций, 3 вице-провинции, 521 коллегия, 49 семинарий, 54 новициата, 24 дома профессов, около 280 резиденций и миссий, более 16 000 членов.

Однако столетняя годовщина отнюдь не является концом этого замечательного развития. В 1710 году было 37 провинций, 1 вице-провинция, 612 коллегий, 157 семинарий, 24 дома профессов, 59 новициатов, 340 резиденций, около 200 миссий, 19 978 членов, из них 9957 священников. Статистика 1750 года впервые указывает на небольшой упадок: 578 коллегий, 150 семинарий, 60 новициатов, 25 домов профессов, 195 резиденций, 172 миссии. Но все же орден имеет 22 126 членов, из них 10 594 священника.

Этот обзор показывает, что период наиболее замечательного прогресса приходится на правление генерала Аквавивы, с 1581 по 1615 год. Именно в эту эпоху и в последующие десять — пятнадцать лет, то есть в момент наиболее сильной контрреформации, Общество росло быстрее всего. Сильнее всего с самого начала оно было представлено в Италии (в 1640 году оно имело здесь 116 коллегий и более 3000 членов); следующее место занимает Пиренейский полуостров (104 коллегии и значительно более 2000 членов); третье — Германия (83 коллегии, около 20 семинарий и более 2000 членов); четвертое — Франция (79 коллегий, 3 семинарии, более 2000 членов); пятое — Испанские Нидерланды (39 кол-

легий, более 1000 членов); шестое — Польша (30 коллегий, более 1000 членов).

Из неевропейских областей первое место занимает Ост-Индия (19 коллегий, 2 семинарии, более 500 членов); затем идет Мексика (14 коллегий, 2 семинарии, 14 резиденций, около 400 членов); потом — Перу (11 коллегий, 3 семинарии, 3 резиденции, около 400 членов) и, наконец, Парагвай (7 коллегий, около 150 членов).

Слабее всего Общество было представлено в Африке. Прочные резиденции оно имело здесь лишь в португальских колониях Западной и Восточной Африки. Тем не менее Общество могло гордиться тем, что солнце никогда не заходит в пределах его деятельности и всегда встречает на своем пути иезуитов и их учеников, собравшихся на молитву.

Это лишь сухие статистические данные. Но эти сухие данные и мертвые цифры дают ясное представление о в высокой степени поразительном развитии скромного общества студентов, постепенно превратившегося в мировую силу, которая стала в конце концов столь же универсальной, как и сама католическая церковь; в мировую силу, влияние которой чувствовалось не только во всей Европе, но и в Новом Свете, в Индии, Китае, Японии; в мировую силу, на службе у которой работали в одном и том же направлении представители почти всех национальностей и рас — итальянцы и испанцы, португальцы и французы, немцы и англичане, поляки и греки, арабы, японцы и даже индейцы; в мировую силу, которая является как бы уменьшенным слепком со всего мира.

У мыслящего наблюдателя, созерцающего эту картину, неизбежно возникает вопрос: каким путем завоевал орден это положение в мире и как он мог сохранять его в течение столь долгого промежутка времени?

Во-первых, Общество боролось за великую идею — за господство папской власти и католической веры. В этой идее оно почерпнуло силы, позволившие ему возложить на себя огромные задачи; в свое лучшее время оно считало всякую жертву своим долгом, всякое страдание — своей наградой. Во-вторых, в его распоряжении была организация, позволявшая быстро и без труда выполнять все задачи, за кото-

рые оно бралось. В-третьих, оно умело пользоваться всеми средствами, которые могли обеспечить ему в свете вес, уважение и влияние.

Богатство иезуитов

Уже очень рано наиболее важным из средств, которыми пользовался орден, стали считать его богатство. Но сам он сохранял в этом вопросе глубокое молчание.

Мы располагаем скудными данными относительно состояния и доходов отдельных провинций и коллегий ордена, и эти данные относятся к эпохе упадка. Так, в 1760 году во Франции иезуиты сами оценивали свою недвижимую собственность в 58 миллионов ливров; следовательно, эта оценка не была преувеличенной. Однако французские иезуиты не считались столь богатыми и столь хорошо обеспеченными, как немецкие, которые, к сожалению, не оставили нам оценки своего состояния. Мы знаем лишь, что в момент упразднения ордена в землях австрийской короны его имения были оценены в 15,5 миллиона гульденов и что в Баварии одна только коллегия в Ингольштадте располагала более чем тремя миллионами флоринов. Думают, что в Испании орден получал со своих имений доход около 2,5 миллиона франков. В Польше ему приписывали доход почти в 3 миллиона. Доходы португальских иезуитов, если верить иезуиту Мендосе, были значительно выше, а иезуиты Италии получали, может быть, вдвое больше.

К этому нужно добавить еще доходы с обширных заморских владений ордена. Парагвай, по самому скромному расчету, стал под конец приносить ежегодно 231 000 песет (около 2021 000 франков). В Перу, в Новой Гренаде, в Мексике, на Антильских островах финансовое положение ордена было, по меньшей мере, очень хорошим. На одной только Мартинике у него было имений более чем на 4 миллиона франков.

Эти цифры для своего времени кажутся чем-то сказочным. С первого взгляда мы как будто можем сравнить гене-

рала иезуитского ордена с современными миллиардерами. Но, присмотревшись внимательнее, мы должны будем признать подобную аналогию недопустимой потому, что огромное состояние ордена отнюдь не находилось в свободном распоряжении генерала. Оно было большей частью заранее предназначено на определенные цели, так как состояло почти исключительно из вкладов в пользу различных учреждений ордена. Правление, по крайней мере в середине XVII века, получало только один процент чистого дохода всех домов ордена. Правда, оно предъявляло притязания на новые вклады, наследства, состояния вновь поступающих членов и излишки. Но ему не всегда удавалось осуществлять эти притязания.

Таким образом, отнюдь не следует преувеличивать доходы ордена. Кроме того, из этих доходов нужно было покрывать значительные расходы, вызываемые мировой политикой ордена и отчасти миссиями. О расходах, связанных с последними, дает некоторое представление тот факт, что устройство одной только миссии у чикитосов обошлось почти в миллион талеров. Из всего этого вытекает, что орден не может быть назван без всяких оговорок богатым. Конечно, некоторые дома ордена были чрезвычайно богаты, но рядом с ними существовали дома, очень скромно обеспеченные или даже совершенно бедные, а именно: дома профессоров, которые согласно статутам не имели никаких определенных доходов и существовали на добровольные пожертвования.

Финансовая сила ордена состояла в том, что генералы вели суровый надзор над управлением отдельных домов, оставляли за собой известный процент их доходов и могли употреблять излишки богатых домов на поддержку бедных учреждений. Этим путем достигалось то, что ни одно учреждение не впадало в бедность и всегда находились средства, необходимые для больших предприятий. Таким образом, главной причиной финансового превосходства ордена над всеми другими духовными конгрегациями является не богатство ордена, а великолепная организация его хозяйственного управления.

Как удалось ордену приобрести свои значительные богатства? Если верить самим иезуитам, то нужно было бы при-

писать их исключительно милосердному вмешательству Божественного Провидения. Но если допросить менее заинтересованных свидетелей, то окажется, что иезуиты также сыграли свою роль в этом деле. В принципе, общество не основывало ни одной новой коллегии, если основатель не обеспечивал достаточным образом содержания учителей и учеников. Кроме того, орден вменял в обязанность своим новичиям отказываться не позднее чем по окончании четвертого года их послушничества от своего имущества и всех имущественных прав, и хотя им предоставлялось право отказывать его в пользу бедных, но в большинстве случаев отказ совершался, конечно, в пользу ордена.

В одной лишь провинции Верхняя Германия орден получил таким путем за период с 1620 по 1700 год 800 000 гульденов деньгами, не считая феодалов и поместий, домов и имений, доставшихся ему за это же время. Орден великолепно умел располагать своих богатых покровителей к щедростям, и первоначально никто и не думал упрекать его за это, так как он употреблял получаемые деньги обычно на общественно полезные дела, главным образом на школы. Далее, орден часто добивался передачи ему земель заброшенных монастырей, что нередко вызывало весьма ожесточенные столкновения со старыми орденами. Наконец, он старался эксплуатировать свои имения наиболее доходным образом, занимаясь не только скотоводством и земледелием, как другие монахи, но, в соответствии с успехами хозяйственного развития нового времени, также производством и торговлей.

В Мексике уже в XVII веке орден владел лучшими сахарофинадными заводами и очень доходными серебряными рудниками. В Парагвае он собирал на своих плантациях великолепный чай, на который был сильный спрос на всех рынках. Здесь же в своих необъятных прериях он разводил прекрасную породу мулов. Впоследствии вывоз их в Перу достигал ежегодно 80 000 голов. У чикитосов главным предметом вывоза был воск, у мохосов — какао.

Но еще доходнее, чем плантации, скотоводство и пчеловодство, были обширные промышленные предприятия, созданные орденом. Подобно общинам первых времен христианства и восточным монастырям, все индейские деревни

представляли собой не только замкнутые сельские общины, но также и большие фабрики, где велось крупное производство всех продуктов массового потребления, ориентированное на американские рынки, как, например, четок, восковых свечей, ковров, одеял, бумажных тканей, сбури.

Конечно, столь деятельная и разнообразная индустрия могла существовать лишь при наличии развитой торговой организации. Передача торговли иностранцам противоречила бы всей системе ордена. Поэтому иезуиты сами организовали транспортировку своих товаров, научились пользоваться векселями и вели свои счетные книги по всем правилам бухгалтерского искусства. Позднее это приводило многих в сильное негодование, но, по правде сказать, для негодования здесь не было серьезных причин. Если орден не хотел смерти поселений, он неизбежно должен был взять торговлю в свои руки, и если из этой торговли он извлекал иногда значительную прибыль, то эта прибыль получалась, конечно, более честным путем, чем доходы, которые извлекали из колоний многие другие предприниматели.

Иначе обстояло дело с торговыми предприятиями ордена вне Парагвая. Они, конечно, приносили очень большой доход, но в то же время, как мы увидим ниже, являлись внушающим беспокойство симптомом упадка старой дисциплины ордена.

Преподавание иезуитов. Искусство и литература

Как ни важны, как ни необходимы были для ордена обширные владения и получаемые с них богатые доходы, он тем не менее был прежде всего духовной силой и стремился прежде всего к господству над духовной жизнью народов. Мы уже знаем, в какой мере он достиг этой цели. Мы неоднократно касались вопроса, при помощи каких приемов он сделал это. Нами было уже показано, что главной причиной его успехов является то обстоятельство, что ему удалось захватить позиции, позволявшие руководить общественным мнени-

нием: кафедру профессора, кафедру проповедника и исповедальню.

Монашество всегда оказывало могущественное влияние на преподавание у христианских народов. С этой точки зрения орден иезуитов также является кульминационным пунктом и завершением его развития. Он был преимущественно орденом преподавателей и ученых, самой большой образовательной организацией, которая когда-либо существовала в мире, потому что две трети его учреждений были школами и четыре пятых его членов были студентами или учителями. Если бы мы хотели изобразить гений ордена, мы должны были бы представить его в виде школьного учителя и в качестве эмблемы в руки этой фигуры должны были бы дать не азбуку и не Библию, а латинскую грамматику, ибо орден принципиально занимался лишь преподаванием в высших учебных заведениях. Только в исключительных случаях он брался за преподавание в начальных школах; обычно — лишь в миссионерских областях.

Итак, многочисленные школы ордена в Европе и в Новом Свете были главным образом средними и высшими школами. Но цели преподавания не были всюду одними и теми же. В коллегиях низшего разряда преподавали лишь классические языки, латинский и греческий. Они соответствовали приблизительно нашим гимназиям. В коллегиях среднего разряда к гимназии присоединялся философский факультет. В отличие от первых мы могли бы назвать их лицеями. В коллегиях высшего разряда присоединялся еще теологический факультет. Сам орден давал им название академий или университетов. Из того, что мы только что сказали, видно, что иезуитские университеты нельзя отождествлять с французскими или немецкими университетами начала XX века. Во-первых, они всегда были соединены с гимназией; во-вторых, они имели только два факультета: философский и теологический.

Статуты запрещали иезуитам преподавание медицины; юриспруденция же интересовала их лишь с точки зрения канонического права. Когда иезуитов допускали в уже существующие университеты, как это было в Вене, Ингольштадте, Праге, Фрайбурге, они занимали лишь кафедры фило-

софского и теологического факультетов и только в виде исключения кафедр канонического права. Но этого было вполне достаточно, чтобы подчинить их влиянию весь университет. Конечно, их власть была еще более могущественной в таких городах, как Бамберг и Фульда, где другие факультеты были позднее прямо присоединены к их академиям. На территории одной только Германской империи они владели или руководили в начале XVIII века восемнадцатью академиями или университетами, то есть у ордена было больше высших учебных заведений, чем университетов в Пруссии в конце XIX века!

Но орден занимался не только образованием юношества; он занимался также и его воспитанием. Кроме коллегий у него было большое число пансионов для молодых дворян, довольно значительное число интернатов для бедных школьников и прежде всего, начиная с XVII века, множество семинарий для священников. Во многих католических странах в его руках находилась монополия воспитания молодежи господствующих классов, в частности монополия подготовки духовенства. Число учеников иезуитских школ было огромно. Если мы примем для каждой коллегии среднюю цифру в 300 учеников, то мы получим в 1640 году общее количество приблизительно в 150 000. Образцом для всех этих учреждений была, как мы уже сказали, римская коллегия, которая в 1580-х годах имела постоянно свыше 2000 учеников. Учебная программа, основанная на дидактическом и педагогическом опыте римской коллегии, была тщательно разработана Аквавивой в Школьном указе (*Ratio Studiorum*) 1599 года, имевшем значение для целого ряда наций.

Чем объясняется невероятный успех Общества Иисуса как образовательного ордена? Если верить заклятым врагам иезуитских школ, учителям, у которых они всюду отняли кусок хлеба, иезуиты были обязаны своим успехом единственной причине: они учили бесплатно. Несомненно, этот принцип сослужил им большую службу, особенно в Южной Италии, где дворянин всегда обладал некоторыми чертами лаццарони⁷⁸. Но конечно, не это обстоятельство побуждало государей и города расходовать огромные суммы на содержание иезуитских школ.

Лежала ли причина их успеха в строгом католицизме? Нисколько; ибо в католических странах другие ордена были не менее ортодоксальны. Нет, главной причиной их успеха было убеждение, что не существует более умелых, более опытных учителей, чем иезуиты. Справедливо ли было это убеждение? Если мы прочтем педагогические регламенты Игнатия, великий Школьный указ Аквавивы и свидетельства современников об иезуитских школах, то мы должны будем ответить на этот вопрос утвердительно для XVI века и для первой половины XVII века. Мы должны будем признать за Игнатием право на тот же почетный титул в католических странах, которым Меланхтон⁷⁹ давно уже пользовался в странах протестантских. Оба были великими педагогами своих церквей, и притом совершенно равнозначными. Ибо, собственно говоря, они не создали нового идеала образования, а лишь ввели в школы современный им образовательный идеал. Это обстоятельство объясняет нам, почему школы иезуитов и протестантские сельские и городские школы кажутся нам теперь, поскольку дело идет о педагогических принципах, до некоторой степени родными сестрами.

И в тех и в других школах главной задачей преподавателя было научить ученика говорить и писать на латыни, как на родном языке. Ни маленького протестанта, ни маленького католика особенно не затрудняли греческим языком. Но в то время как протестантский школьник изучал обычно еще зачатки еврейского языка, арифметики и физической географии и получал весьма основательное религиозное образование, программа иезуитских гимназий состояла лишь в изучении классических языков. Религиозное образование, игравшее столь большую роль в протестантских школах, сводилось здесь лишь к заучиванию наизусть и кратко-му объяснению катехизиса. Иезуиты полагали, что для вверенных их заботам детей регулярная молитва, регулярная исповедь, регулярное посещение мессы и воскресных служб гораздо важнее, чем преподавание религии.

Но это не единственное различие между протестантскими и иезуитскими школами. Протестантские школы сохраняли известную долю индивидуальной инициативы в применении общей учебной программы. В иезуитских школах

стремились к возможно более полному единообразию. В протестантских школах не старались возбуждать честолюбие школьников. Напротив, школы иезуитов пошли в этом направлении гораздо дальше того, что изобрели гуманисты. В них каждый школьник имел специального конкурента; каждый класс делился на два лагеря, которые соперничали между собой. Кроме того, раз в год происходили состязания между отдельными классами. Каждый месяц ученики писали сочинение на премию, и каждый месяц провозглашалось имя победителя. Ежегодно происходили экзамены и распределение учеников по успеваемости; и как будто всего этого было еще недостаточно, честолюбие учеников постоянно подогревалось публичными школьными церемониями, диспутами, декламацией, драматическими представлениями.

Несомненно, иезуиты зашли в этом отношении слишком далеко. Но мы были бы несправедливы к ним, если бы стали утверждать, что соревнование являлось альфой и омегой их педагогики. Они придавали не меньшее значение религиозному воспитанию при помощи исповеди и особенно взаимному надзору учеников друг за другом в религиозных ассоциациях школьников. Эти ассоциации, первая из которых возникла в 1564 году при римской коллегии, имели своей главной целью, как показывает их название, развитие религиозной жизни. Но члены их должны были, кроме того, указывать друг другу на периодических собраниях на ошибки и проступки. Это было могучее вспомогательное средство для поддержания дисциплины. Конечно, в среде этих союзов едва ли могла возникнуть тесная дружба. Но иезуиты и не стремились к этому. Они предпочитали пользоваться учениками для шпионства. Случалось даже, что они давали мальчику обещание простить ему его проступок, если он поймает своего товарища на таком же проступке.

Однако в некоторых отношениях иезуитские школы имели неоспоримые преимущества. В протестантских школах часто прибегали к кнуту, и учителя частенько упражнялись на спинах непослушных учеников. Конечно, кнут сохранил свое значение и в иезуитских школах, но преподаватель никогда не наказывал детей сам; он поручал экзекуцию специально назначенному для этого человеку — корректору.

В протестантских школах не придавали большого значения хорошим манерам, умению изяшно держать себя в обществе. В иезуитских школах этот внешний лоск считался столь же необходимым, как и умственное развитие, и иезуиты сознательно старались приучить школьника к употреблению носового платка, салфетки и т. д., отучить его от простонародных привычек и оборотов речи, придать ему приятную внешность.

В протестантских интернатах школьники обычно питались очень скудно. В иезуитских интернатах и пансионах они жили, «как молодые дворяне или дети богатых горожан». Сам Игнатий, хотя лично и соблюдал самые суровые аскетические правила, не разрешал вредного для здоровья умерщвления плоти. Случалось, что он заставлял молодых аскетов, постившихся сверх положенного, подниматься с постели и вкушать при нем пищу в наказание. Старались также не переутомлять молодежь. Никогда ученики не должны были сидеть более пяти часов в день на школьных скамьях; учителя заботились о том, чтобы обеспечить им необходимые упражнения на свежем воздухе и укрепляющие здоровье гимнастические игры.

Именно поэтому не только католические, но и протестантские родители весьма охотно доверяли своих детей иезуитам. По истечении относительно короткого промежутка времени они уже радовали своих отцов той легкостью, с которой они умели говорить по-латыни, а своих матерей — опрятностью, приличными и уверенными манерами. Иезуиты, по-видимому, хорошо поняли то, что называлось в XVI и еще в начале XVII века «хорошим воспитанием», и умели лучше, чем кто-либо другой, привить его мужской части молодежи.

Окончив гимназический курс, молодой человек мог остаться у иезуитов для изучения философии и теологии. Изучая философию, он прежде всего должен был ознакомиться с Аристотелем; изучая теологию — со святым Фомой Аквинским. Само собой разумеется, что школьнику, ставшему студентом, не предлагали предаваться самостоятельному исследованию и мышлению. Иезуитский университет всегда оставался только школой; он никогда не был науч-

ным учреждением. Но нужно отметить, что и протестантские университеты не стояли на более высоком уровне. Наука разрабатывалась тогда не в университетах, а в рабочих кабинетах и лабораториях частных ученых.

Правда, будущее принадлежало протестантской школе и протестантскому университету потому, что они обладали неоценимым преимуществом, которое с точки зрения иезуитов являлось, конечно, недостатком: у них не было никакого Школьного указа, никаких обязательных учебных руководств, никаких авторитетов вроде Фомы Аквинского. Они могли свободно развиваться, свободно ставить перед собой новые культурные идеалы и, не встречая серьезных препятствий, усваивать новые методы преподавания, между тем как иезуитская школа неизбежно должна была в несколько поколений зачахнуть, окаменеть и устареть. Когда издают законы для регламентации преподавания во всех его деталях, его убивают. Иезуиты не заметили этого вовремя, так как они вообще не были способны понять этой истины. «Они не верили в свободу» — в этом заключалось их несчастье и в области преподавания.

Общество Иисуса не было бы в состоянии выполнить своей миссии ни в качестве образовательного ордена, ни в качестве воинствующего ордена, если бы оно активно не выступило в то же время и на литературном поприще. Ибо его ученикам нужны были для занятий учебные пособия, а для школьных представлений — драмы и другие художественные произведения. Орден не мог бы бороться с протестантизмом, если бы он не попытался подорвать репутацию своего противника. Поэтому на литературную деятельность иезуитов наложили свою печать главным образом нужды школьного преподавания и потребности конфессиональной полемики.

Это замечание позволит нам отнестись не слишком строго, например, к художественным произведениям отцов иезуитов. Драмы, написанные для школы, преследуют прежде всего педагогические цели. Поэтому мы не должны особенно удивляться, если среди бесчисленных произведений этого рода, которыми иезуиты приводили в восторг своих учеников и покровителей (одно лишь простое перечисление их заполнит несколько томов), мы не найдем ни одного

сколько-нибудь ценного поэтического произведения. То же самое можно сказать и о многочисленных стихотворениях на латинском языке, с которыми иезуиты по примеру гуманистов обращались к своим собратям и покровителям. Эта неолатинская поэзия также была настоящим плодом школьного класса и всегда оставалась, несмотря на все рвение благочестивых отцов, настолько слабой и сухой, что в настоящее время никто не может найти в ней никакой прелести. Поэтому то обстоятельство, что среди всех неолатинских поэтов ордена имеется только один истинный поэт — Яков Бальде⁸⁰, отнюдь не является доказательством интеллектуальной бедности ордена; Бальде же заслуживает двойной похвалы, так как он составляет единственное исключение.

Вполне понятно также, что иезуиты лишь в виде исключения занимались родным языком и литературой и редко создавали что-нибудь действительно выдающееся в этой области — для интернационального ордена национальная литература никогда не могла получить такого значения, как классическая литература Рима.

Нельзя отрицать и того, что для эстетической культуры орден сделал гораздо меньше, чем большие старые ордены. Так называемый иезуитский стиль не был изобретением иезуитов, и художники ордена никогда не были великими художниками, а самое большее, как, например, влиятельный Андреа дель Поццо⁸¹, декораторами-виртуозами. Почти все художественные произведения иезуитов дают весьма печальное представление о вкусе ордена. Ибо в орнаменте своих церквей, как и в своих драмах, иезуиты прежде всего стремились к банальным, поверхностным эффектам, которые не только не позволяют действительно наслаждаться их произведениями, но, напротив, расхолаживают зрителя или даже вызывают у него усмешку.

Из всего вышесказанного вытекает, что суждение об интеллектуальном значении ордена зависит прежде всего от оценки, которую мы дадим его научным произведениям. Если бы ценность произведений можно было определять по их массе, то в сфере научной деятельности иезуитский орден, бесспорно, занял бы первое место среди всех остальных монашеских орденов. Ибо производительность

его ученых была иногда просто невероятной. Но качество у них часто находится в обратной зависимости от количества. Ни среди многочисленных астрономов ордена, ни среди его многочисленных трудолюбивых и добросовестных историков, ни среди его бесчисленных теологов мы не найдем гениальных исследователей, которые обогащают столетия сокровищницей своих мыслей.

Установив этот факт и приняв во внимание, что ни один монашеский орден ни раньше, ни после не имел в своем распоряжении такого количества ученых школ, такой массы образованных членов, мы должны будем признать, что интеллектуальное значение ордена далеко не соответствует тому неслыханному влиянию, которое он оказывал в течение веков на церковь и школу. Конечно, доминиканцы и бенедиктинцы создали пропорционально неизмеримо больше, чем иезуиты. Но они не умели так систематически восхвалять друг друга и заставлять свой свет светить миру, как это умели делать иезуиты. Поэтому они и не достигли такой известности.

Мораль иезуитов

Само собой разумеется, что данная оценка не содержит в себе оценки влияния ордена на духовную жизнь. Это совсем другой вопрос, и мы должны будем ответить на него совершенно иначе; ибо едва ли можно преувеличить влияние ордена на духовную жизнь. Он настолько господствовал в течение столетий над духовным развитием католической церкви, что современная католическая система окажется для нас совершенно непонятной, если мы постоянно не будем иметь в виду, что в Риме с 1540 года рядом с белым папой действовал генерал иезуитского ордена. Но в каком направлении проявлял орден свое влияние? Он явился могильщиком галликанства⁸². Он, правда, не воскресил, но обеспечил окончательную победу догмату непогрешимости папы; он заставил признать догмат непорочного зачатия; он, наконец, заставил официальную церковь отгородиться ото всех

новых идей, противоречащих ее средневековым воззрениям и притязаниям.

Все это, конечно, не ставится ему в заслугу. Но обычно наиболее резко оценивают его необыкновенно влиятельную деятельность в области нравственного богословия. Имея в виду именно это, еще говорят об особой иезуитской морали, и из-за этой морали проклинали орден, как проклинали его столетия тому назад, хотя он приложил все усилия, чтобы опровергнуть направленные против него по этому поводу обвинения. Как же обстоит дело с иезуитской моралью, которая была объектом стольких нападок?

Прежде всего сами иезуиты отрицают существование особой иезуитской морали. И фактически они правы. Их теологи-моралисты не изобрели ни новой концепции нравственного закона, ни нового этико-теологического метода. Поэтому, когда говорят о морали иезуитов, обычно имеют в виду не особую этическую теорию, а ряд нравственных правил, которые будто бы на практике санкционируют безнравственность; в связи с этим слова «иезуитизм» и «лицемерие» воспринимаются как тождественные. Ибо характерное отличие этих правил усматривают в том, что они учат, каким образом можно нарушить закон, не прегрешая перед буквой закона.

Если, чтобы решить, справедливы ли эти обвинения, мы возьмем наиболее известные руководства по нравственному богословию, написанные иезуитами, то сейчас же заметим, что в них гораздо больше говорится о безнравственных, чем о нравственных поступках. Но это еще не дает нам права осуждать их.

Авторы пишут не для мирян, а для духовников; задача их состоит не в том, чтобы изложить учение церкви о добродетели, а в том, чтобы прийти на помощь духовникам, дав им практический комментарий к уголовному праву церкви. Поэтому на эти книги необходимо смотреть прежде всего как на руководства церковного уголовного права и оценивать их именно с этой точки зрения, даже если нас поражает та обстоятельность, с которой их авторы трактуют о самых безнравственных поступках.

Церковное уголовное право, трибуналом которого является исповедальня, подобно светскому уголовному праву,

допускает часто самые различные толкования. Как в светском уголовном праве, так и здесь мнения ученых относительно характера прегрешения или ответственности грешника часто значительно расходятся; среди средневековых богословов мы можем различить две школы — строгую и снисходительную. Иезуиты с самого начала — с инструкции Игнатия духовникам — принадлежат к снисходительному направлению; мало того, они помогли снисходительному направлению одержать победу в католическом нравственном богословии и практике исповеди. Обычно они пускали в ход все средства, чтобы обеспечить грешнику, по крайней мере, в исповедальне признание смягчающих вину обстоятельств. Для этой цели они старались давать как можно более узкие определения понятия смертного греха и возможно более широкие — понятия искупимого, или легкого, греха и понятия дозволенного.

С их точки зрения, грех появляется только в том случае, если грешник вполне сознательно хотел зла. Если же его воля была направлена на зло не прямо или бессознательно, тогда нельзя его обвинить, и духовник должен отпустить ему грехи, даже если его деяние по внешним признакам кажется преступным и привело к безнравственным последствиям. Несколько примеров покажут нам, какое важное значение имели эти принципы для оценки отдельных нарушений морали.

Заповедь Господня повелевает нам: не приноси ложных клятв. Но ложная клятва имеет место лишь в том случае, когда клянувшийся при произнесении клятвы сознательно употребляет такие слова, которые при любых обстоятельствах должны ввести судью в заблуждение. Употребление двусмысленных выражений, следовательно, вполне допустимо; при известных обстоятельствах допустимо даже употребление тайной оговорки (*restrictio mentalis*). Например, если один человек при самозащите убил другого, он может смело принести на суде следующую клятву: «Я не убил N. N.», думая про себя: не убил, напав на него. Если муж спросит прелюбодейку, не нарушила ли она брака, она смело может сказать: «Не нарушила», потому что брак продолжает еще существовать. Если на исповеди ей было дано отпу-

шение, она может даже поклясться в том, что на ней нет греха, думая при этом об отпущении, которое освободило ее от греха. Если муж все еще продолжает питать подозрения, она может успокоить его, заявив: «Я не совершила прелюбодеяния», думая при этом: «Прелюбодеяния, в котором я должна была бы тебе признаться». Божья заповедь говорит: «Не убий». Но не всякий, кто убивает человека, прегрешает перед этой заповедью.

Если, например, дворянину грозят нанести пощечину или ударить палкой, он может убить своего обидчика на месте. Но только дворянин, а не плебей, потому что для плебеев в пощечине нет ничего позорящего. Если дворянин, отказавшись от дуэли, должен опасаться, что его сочтут трусом, он может спокойно принять вызов на дуэль или сам вызвать на дуэль. При этом он может успокоить свою совесть очень простым способом: решив, что не будет драться на дуэли, а лишь защищаться против возможных нападений. Божья заповедь говорит далее: «Не прелюбодействуй». Однако слать дом проституткам можно, если при заключении арендного договора не будет прямо указано, что дом сдается для устройства в нем притона. Точно так же не составляет большого греха, когда слуга помогает своему господину обесчестить девушку, если за отказ ему грозит дурное обращение, и т. д. Можно также устроить аборт забеременевшей девушке, если ее проступок грозит опозорить ее или даже лицо духовного звания. Также во избежание большого позора можно подбросить внебрачного ребенка. Нужно лишь предварительно крестить его и принять меры, чтобы он не замерз.

Не нужно слишком строго относиться и к обещаниям жениться, при помощи которых соблазнитель так часто овладевает девушками. Если соблазнитель благородного происхождения, а соблазненная — низкого, то первый свободен от всякой ответственности; в этом случае девушка должна была с самого начала сказать себе, что данные ей обещания не имеют никакой цены. После этого уже не покажется удивительным, что прелюбодейка может оставить у себя деньги, приобретенные ею в качестве платы за прелюбодеяние, и что считается искупимым грехом прикосновение к грудям женщины, хотя бы она была монахиней!

Наконец, заповедь Божья гласит: «Не укради». Простое воровство само по себе, конечно, большой грех. Но если слуга делает больше, чем он обязан, или если у него есть какое-нибудь другое основание считать свое жалование недостаточным, он может тайно «вознаградить» себя, не совершая греха. Таким же образом бедные люди могут доставлять себе путем контрабанды небольшие количества не обложенных пошлиной товаров. Во всяком случае, на контрабандисте не лежит нравственного обязательства возвращать государству ту сумму, на которую он его обманул.

После всего этого совсем не трудно избежать смертного греха. Если только пользоваться, где нужно, средствами отцов-иезуитов — двусмысленными выражениями и тайной оговоркой, можно, не отягощая своей души, совершать такие дела, которые невежественная толпа, может быть, и примет за преступления, но в которых даже самый строгий духовник не обнаружит и крупницы смертного греха. Но конечно, для этого требуются большой ум и ученость. Ибо нет ничего труднее, чем узнать греховность какого-либо поступка. Мирянин обычно совершенно не в состоянии сделать этого. Он не может сам оценить своего нравственного состояния. Он должен предоставить это духовнику, но и последний справится с этой задачей только в том случае, если он основательно проштудировал трудную науку нравственного богословия и усердно будет обращаться за советом к ученым книгам богословов.

Авторы этих странных учений отнюдь не были безнравственными людьми, а, напротив, почтенными и строгими аскетами. Что же заставило их в таком случае прийти к этим парадоксам, настолько ужасным, что иезуитам сочли возможным приписать даже принцип: цель оправдывает средство? Конечно, не тайная склонность ко злу или даже разврату. Но это еще не значит, что эти теории были лишь праздными упражнениями софистической логики. Напротив, они приобрели огромное практическое значение благодаря так называемому пробабилizmu — учению, по которому тот или иной поступок является дозволенным уже в том случае, если его можно считать не несомненно, а лишь вероятно дозволенным, когда, например, можно сослаться на авторитет сочинения по нравственному богословию.

Иезуиты не были изобретателями этого учения, но они развили его и твердо за него держались; пробабиллизм сделался официальной доктриной ордена. При этом иезуиты ссылались на пример Иисуса, который, по их мнению, уже пользовался тайной оговоркой, и прежде всего на укору Иисуса фарисеям, которые «возлагают на людей тяжкое и невыносимое бремя и этим закрывают для них царство небесное». Но мы должны будем признать, что иезуиты следуют не за Иисусом, а именно за фарисеями, к которым относятся приведенные выше слова Иисуса.

Если непосещение мессы без уважительной причины они объявляют смертным грехом и в то же время разрешают, чтобы дети позволяли своим родителям-еретикам умирать с голоду или посылали их на костер; если в неповиновении священнику они видят смертный грех, а развратнику благородного происхождения разрешают покидать на произвол судьбы жертву своей похоти; если, согласно их учению, неплатеж церковной десятины является смертным грехом, но вместе с тем дозволяется принести ложную клятву, удачно употребив двусмысленное выражение, то все это напоминает не Евангелие, а Талмуд.

Действительно, между иезуитами и раввинами-талмудистами существует большое сходство, и не только в отдельных учениях и высокой оценке авторитета ученых-богословов, что приводит на практике к замене взвешивания голосов простым их подсчетом, но и во всей манере понимания нравственного закона и трактовке отдельных нравственных проблем. Для тех и других нравственный закон является не прирожденной нашему духу нормой, а суммой внешних заповедей, которые не могут быть даже строго отделены ни в теории, ни на практике от ритуальных и правовых предписаний. Учитель морали, по мнению и тех и других, выполняет свою задачу, показывая, как может человек внешним образом исполнять эти заповеди.

Ни тех ни других нисколько не заботит, действительно ли проникся человек этими заповедями, верен ли он не только их букве, но и духу. Следовательно, и те и другие смотрят на нравственный закон совершенно так же, как юристы смотрят на государственные законы. И те и другие заботятся не

о том, чтобы установить нравственность известного поступка, его внутреннее соответствие закону, а лишь о том, чтобы установить его легальность, его внешнее соответствие букве закона; стремясь применить эту систему ко всей области нравственной жизни, они приходят к рассмотрению всевозможных частных случаев так, что в конце концов и этика иезуитов, и этика раввинов начинает казаться необозримым собранием отдельных вопросов, которые, подобно «казусам» юристов, допускают самые различные решения.

Деятельность иезуитов в исповедальне. Политика и благочестие

Огромная энергия, проявленная орденом в области нравственного богословия, показывает, что эта хитроумная наука имела для него гораздо большее практическое значение, чем все остальные науки. Действительно, если последние имели для него часто лишь декоративную ценность, то в нравственном богословии орден нуждался как в хлебе насущном для разрешения чрезвычайно важной для него практической задачи — для правильного руководства совестью в исповедальне.

Исповедь играла большую роль уже в Средние века. Но характерно, что тогда еще не существовало исповедальни. Очевидно, тогда еще не чувствовали потребности поместить подобное сооружение в церкви. Исповедовались очень редко, большей частью только в смертных грехах, часто хором, одновременно с другими. Духовник лишь в редких случаях оказывал влияние на все жизненное поведение своих духовных чад. Только в XVI веке католик научился видеть в возможно более частой и полной исповеди свою религиозную обязанность. Только с этого времени духовник стал для каждого отдельного верующего тем, чем он является или, по крайней мере, должен являться теперь: постоянным советчиком, к которому верующий обращается за указаниями, если он хочет твердо и со спокойной душой пройти свой жизненный путь. Поэтому только тогда была изобретена

исповедальня и только тогда она заняла в храме определенное место рядом со средневековой кафедрой и существовавшим уже более тысячи лет алтарем.

Еще как руководитель небольших собраний Игнатий придавал огромное значение как можно более частой и как можно более полной исповеди. Как основатель ордена он не только превратил ее в личную обязанность своих учеников, но и настоятельно советовал им всюду внедрять в мирян сознание ее необходимости. Успех получился необыкновенный. Иезуитский духовник скоро стал пользоваться всюду таким же высоким авторитетом, как иезуитский профессор, и исповедальня скоро стала таким же символом могущества и деятельности ордена, как кафедра и латинская грамматика.

Как выполнял иезуитский духовник свои трудные обязанности? Если мы прочтем инструкцию Игнатия относительно исповеди, мы увидим, что орден с самого начала склонялся к мягкому отношению к грешникам и что с течением времени он стал относиться к ним все снисходительнее — до тех пор пока наконец эта мягкость не переродилась в слабость. Дело дошло даже до того, что духовник, вопреки собственному мнению, должен был давать отпущение грешнику, если последний мог сослаться на авторитет какого-нибудь богослова.

Среди членов ордена никогда не было недостатка в серьезных людях, восстававших против этого положения. Но орден преследовал неудобных критиков, как прокаженных овец. Как раз в этом пункте он оставался к ним глух. Причина ясна: успехи его в исповедальне покоились в большей степени именно на этой мудрой снисходительности. Именно она доставляла ордену одобрение и расположение великих и могущественных людей мира сего, которые и в исповедальне всегда нуждались в большей осмотрительности, чем масса грешников из простого народа.

Средневековью не известны могущественные придворные духовники. Эта характерная фигура придворной жизни появляется лишь в Новое время, и создал ее именно иезуитский орден. Это как будто позволяет нам предположить, что орден стремился поступить на службу ко дворам. Но на самом деле он пришел к этой должности так же, как к должности профессора: государи сами выбирали иезуитов в каче-

стве своих духовников. В XVI веке отцы-иезуиты довольно неохотно принимали эти приглашения, хотя их начальники ничего не имели против поступления иезуитов на придворную службу. Но в конце концов орден привык к роли, за которую первоначально взялся не без колебаний. Более того, он скоро научился ценить ее как один из важнейших источников своего могущества, потому что в ней он нашел особенно удобное средство влиять в желательном для него направлении на внутреннюю и внешнюю политику католических государств.

В XVI столетии правительство ордена не хотело и слышать о вмешательстве духовников в политику. Еще Пятая генеральная конгрегация издала в 1593 году декрет, который решительно предписывал духовникам держаться в стороне от политических дел. Но религия и политика так тесно переплетались между собой, что выполнить эту инструкцию было совершенно невозможно. Кроме того, духовник не мог отказать государю, если он того требовал, в своем совете, тем более что по своей должности он был обязан предостерегать его от поступков, которые могли вовлечь в смертный грех.

Таким образом, в XVII столетии духовники не только достигли значительного политического влияния, но иногда стали занимать должности чисто политического характера. Отец Нейдгарт стал в качестве первого министра и великого инквизитора во главе испанского правительства; отец Фернандес получил место и голос в португальском Государственном совете; отец Лашез и его преемники исполняли при французском дворе обязанности министра духовных дел.

Далее, если мы примем во внимание огромную роль, которую иезуиты играли в большой политике вне исповедальни, — отец Поссевино как папский легат в Швеции, Польше и России, отец Петри как английский министр, отец Вота как доверенный советник польского короля Яна Собеского, как «делатель королей» в Польше, как посредник при возвышении Пруссии в ранг королевства, — то мы должны будем признать, что ни один орден так не интересовался политикой, не обладал таким политическим искусством и не занимался так много политическими вопросами, как орден иезуитов. Библейскую заповедь, которую так

часто ставят на вид духовенству, о том, чтобы поборники Христа не вмешивались в дела сего мира, орден совершенно игнорировал, но именно поэтому ни один из других орденов никогда не достигал даже приблизительно такого могущества, какого достигло Общество Иисуса.

Но какое бы важное значение ни имело для ордена привлечение на свою сторону дворов и господствующих сословий, он все же никогда не отказывался от внутренней миссии среди народных масс. Уже поэтому церковная кафедра всегда имела для него почти такое же значение, как профессорская кафедра и исповедальня. Но еще больше, чем путем регулярных проповедей, орден действовал на массы при помощи своих народных миссий и своей новой организации церковных обществ. Первые являются, безусловно, одним из его наиболее важных созданий. Цель их состояла в оживлении церковной жизни в индифферентных к религии или зараженных ересью местностях. Средствами служили покаянные проповеди и упражнения.

Результаты обычно превосходили самые смелые ожидания. Но влияние этих народных миссий было лишь временным. Более глубокое и продолжительное влияние на мирян орден оказывал при помощи союзов, в которых он собирал под своим знаменем представителей всех сословий: студентов и школьников, горожан и крестьян, ремесленников и подмастерий, священников и даже князей. Идеальной целью этих союзов обычно было почитание Марии; практическим результатом — создание тысяч последователей, на преданность которых орден мог безусловно рассчитывать.

Преимущественно через эти союзы орден пытался воздействовать в желательном для него направлении и на народное благочестие. Правда, при этом он обнаружил своеобразные вкусы. Он старался всячески развивать пеструю смесь средневековых народных верований со всеми присоединившимися к ним с течением времени элементами, процессиями, паломничествами, индульгенциями, как будто со всем этим были связаны высшие интересы религии и народного благосостояния.

Уже францисканцы придавали чрезмерное значение культу Мадонны, но иезуиты пошли в этом направлении еще

дальше. Они прославляли Марию как приемную дочь Бога, ее лоно — как чистую обитель Святой Троицы, ее грудь — как самую прекрасную красоту из всех красот, ее молоко — как самое сладкое из всех сладостей. Они учили, что достигнуть блаженство через Христа трудно, но легко через Марию. Они непрерывно открывали все новые места, посвященные Марии, описывали бесчисленные новые чудеса Богоматери, ставили ей бесчисленные алтари, статуи, изображения, составляли сотни книг в честь Царицы Небесной, посвящали ей литературные произведения и даже сочинения по нравственному богословию, затрагивающие часто не совсем благочестивые вопросы.

Но из-за Мадонны они не позабывали о святых. Всюду, где еретики уничтожили культ какого-нибудь святого, они прилагали все усилия, чтобы вновь вызвать его к жизни. В некоторых местах, как, например, в Богемии, они искусно открывали и прославляли новых патронов и везде, где только можно было, поощряли почитание своих собственных святых: Игнатия, Ксавье, Франческо Борджиа и др.

Кроме того, в конце XVII века они основали совершенно новый культ, подобного которому не встречается даже среди часто очень удивительных культов Средневековья, — культ Сердца Иисуса. Об этом культе первоначально ничего не хотели знать даже в Риме, «потому что с таким же правом можно было бы сделать предметом особого почитания глаза, язык и все другие члены Иисуса». Не менее ревностно отдавались они и почитанию святого креста, икон и реликвий, число которых, разумеется, всюду увеличивалось по мере возможности реликвиями Игнатия и Ксавье, но также и такими ценными старыми реликвиями, как волосы Девы Марии, части ее покрывала и гребенки, кости невинных младенцев, гигантские кости великана Христофора и др.

Само собой разумеется, что у новых реликвий скоро стали происходить такие же чудеса, как и у старых. Одежды святого Игнатия, а иногда и толстые тома статутов ордена помогали благополучному разрешению рожениц. Вода святого Игнатия, получаемая путем погружения реликвий или даже образков Игнатия в самую простую воду, исцеляла решительно от всех болезней и даже от нравственных недостат-

ков, так что сострадательные священники заготавливали ее целыми бочками. Разумеется, так же сильно действовали и реликвии Ксавье. Словом, и в этой области отцы-иезуиты одержали верх над другими орденами.

Отсюда понятно, что они ничего не имели против всех, даже самых грубых, средневековых суеверий. Позднее члены ордена ставили себе в большую заслугу, что некоторые из них, Адам Таннер⁸³ и особенно Фридрих Шпе⁸⁴, имели достаточно мужества, чтобы выступить против веры в ведовство. Но при этом они обычно забывали добавить, что орден преследовал Таннера за его убеждения и что Шпе был вынужден напечатать свое знаменитое сочинение (1631 год) анонимно и в протестантской типографии. Ибо сам орден твердо верил в ведовство и ревностно преследовал ведьм. Но помимо ведьм он верил и во все другие виды колдовства: в дурной глаз, в мази для оружия, которые заочно исцеляют раны, в четки, которые защищают от ударов и пуль, в освященные колокола, которые предохраняют от бури и непогоды, и прочие суеверия подобного рода.

Однако могут возразить, что подобные суеверные представления в эти времена разделяли не одни иезуиты. В них верили и другие высокообразованные люди. Но иезуиты считали своим долгом всеми силами выступать в их защиту в своей литературе. Знаменитый «молот еретиков» Иаков Гретчер, оставивший после себя потомству не мене 267 сочинений, писал об этих предметах веры с таким же гневным рвением, как о святости алтаря; а он вовсе не был темным человеком, а, напротив, считался одним из самых крупных ученых светил ордена.

Мудрый орден искусно сумел использовать в своих интересах все чувства, которые располагают человека довериться чужому руководству, — веру и суеверие, угрызения совести и стремление освободиться от них как можно скорее, жажду чудес и откровений и страх перед всем сверхъестественным. Кроме того, он заставил служить себе все учреждения, которые даруют значение, могущество и влияние в мире: школу, церковь, государство. Наконец, он энергично взялся за все отрасли человеческой деятельности, которые могут обеспечить корпорации материальный и духовный перевес в борь-

бе идей и интересов: за литературу, науку, политику, торговлю, индустрию. Если мы примем все это во внимание, то огромное могущество, которым он обладал в эпоху своего расцвета, не покажется нам загадкой и тем более не покажется «чудом». Он умел приспособливаться к миру, как в хорошем, так и в дурном смысле этого слова. Это было и силой ордена, и его слабостью, источником его величия и в то же время причиной его невероятно быстрого упадка, а потом и крушения.

Глава VI
Упадок, возрождение
и реорганизация ордена

Внутренняя борьба и упадок

Армия сохраняет боевую способность лишь до тех пор, пока ее генерал и офицеры остаются на высоте своих задач, пока войска покорно соблюдают дисциплину. Орден иезуитов представлял из себя армию, наиболее строго дисциплинированную и наиболее крепко организованную армию Нового времени. В своем развитии он должен был испытать справедливость этого закона. Пока генералы и офицеры исполняли свой долг, пока дух войск оставался верным старому идеалу, орден казалось невозможным одолеть. Он выходил победителем из любых тяжелых внутренних кризисов, которые ему приходилось переносить. Эти кризисы только закаляли его силы, потому что каждое удачно перенесенное испытание увеличивает единство общества, особенно если это единство является необходимым условием его жизни.

Мы видели, что уже Игнатию пришлось серьезно бороться с национальным духом португальцев. Но эта борьба была детской игрой в сравнении с той ожесточенной оппозицией, которая поднялась на том же Пиренейском полуострове против четвертого преемника Лойолы, ловкого и хитрого неаполитанца Клавдия Аквавивы (1581—1615).

Испанские иезуиты были недовольны уже тем, что в генералы ордена избрали не испанца; но их раздражение достигло крайних пределов, когда они увидели, что молодой генерал при назначении на наиболее важные посты ордена стал отдавать предпочтение молодым людям, и не испанским иезуитам, а главным образом неаполитанцам. В своем ожесточении они составили план, главным инициатором которого был уже упоминавшийся нами отец Мариана, ограничить верховную власть генерала над испанскими провинциями ордена, передать высшую власть в Испании генеральному викарию и отнять у генерала право назначать высших должностных лиц в провинциях.

План не был безнадежным: недовольные могли рассчитывать на могущественных союзников, в первую очередь — на испанскую инквизицию и Филиппа II. Но Аквавива путем необыкновенно искусной политики сумел привлечь на свою сторону папу Сикста V и этим нанести первый удар оппозиции. Лишь при Клименте VIII, когда Аквавивы не было в Риме, недовольным удалось, при содействии испанского посла Оливареца, тайно склонить папу против генерала.

Не дав себе труда даже предварительно выслушать Аквавиву, Климент именем своего верховного авторитета немедленно назначил созыв парламента ордена — генеральной конгрегации. Но оппозиция, думавшая, что благодаря этому ее дело выиграно, жестоко обманулась в своих расчетах. Прежде всего Аквавива оказал сильное давление на выборы делегатов и, таким образом, отстранил целую группу наиболее опасных противников, в том числе и Мариану; затем на первом же заседании генеральной конгрегации, 4 ноября 1593 года, он сам внес предложение назначить комиссию для строгого расследования собственного управления. Этим он сразу обеспечил себе доверие большинства. Как можно было ожидать, расследование закончилось блестящим оправданием генерала, и оппозиция оказалась разбитой в одном из главных вопросов. После этого направлять дебаты стала уже не она, а Аквавива, и это естественно привело к тому, что все предложения по изменению конституции потерпели крушение. Искусная тактика генерала обрела

их на полное поражение. Если бы в последний момент папа не заставил орден принять некоторые из этих предложений, все усилия оппозиции оказались бы совершенно безрезультатными. Но Аквавива сумел, проявляя самое полное подчинение папе, фактически обезвредить все внесенные по его приказанию изменения.

Результатом этой долгой борьбы было не ограничение, а укрепление самодержавной власти генерала. В конце концов выдающийся талант Аквавивы одержал верх не только над оппозицией, но также и над Филиппом II и папой. Конечно, испанцы были крайне огорчены этой неудачей. Полный затаенной ненависти, Мариана написал, не осмелившись, впрочем, опубликовать, свой знаменитый памфлет «О недугах Общества Иисуса», в котором подверг желчной критике самодержавие генерала и господствовавшую в ордене систему доносов. Что касается испанского правительства, то оно твердо решило избавиться от столь неудобного генерала. Филипп II думал достигнуть этого, предложив Аквавиве архиепископство в Неаполе, а Филипп III⁸⁵ составил даже план пригласить его в Испанию и здесь посадить в тюрьму. Но Аквавива был слишком хитер, чтобы попасться в сети своих противников. Он в самых вежливых выражениях отклонил их предложения и тем лишил их всякого повода открыто жаловаться на себя.

Ту же необычайную мудрость генерал проявил и в великом догматическом споре, который в это время завязался в Испании между доминиканцами и иезуитами по поводу учения о благодати. Он счел необходимым не допускать этого спора на рассмотрение испанской инквизиции. Но в то же время он не хотел навлечь на себя гнева этого могущественного трибунала. Поэтому он выжидал до тех пор, пока должность великого инквизитора не стала вакантной, и лишь тогда убедил папу перенести спор на рассмотрение в Рим (1597 год).

Климент VIII назначил специальную комиссию для расследования этого вопроса. Но дебаты этой комиссии не приводили ни к какому результату, так как ни одна сторона не хотела делать уступок. Папа лично склонялся в пользу доминиканцев. Но, как только он выражал намерение высказать-

ся в этом смысле, иезуиты начинали грозить ему требованием созыва Вселенского собора. Это так пугало папу, что он предпочел молчать и не вмешиваться. Он умер 5 марта 1605 года, не разрешив спора. Комиссия прервала свои работы. Великий спор закончился ничем. Но иезуиты получили, по меньшей мере, возможность продолжать свободно развивать свое учение. Таким образом, и в этом споре авторитет их остался непоколебимым — прежде всего благодаря хитроумной политике Аквавивы.

Аквавива был последним из великих генералов ордена. С его преемником, римлянином Муцио Вителлески (1615—1645), этим мягким и склонным к компромиссам «ангелом мира», который мог лишь просить, вместо того чтобы повелевать, и увещевать, вместо того чтобы наказывать, начинается упадок ордена. Генерал уже не управляет орденом, а лишь представляет его. Управление все более переходит в руки генерального штаба и офицеров, то есть профессов, так что в конце концов орден превращается из самодержавной монархии в многоголовую олигархию, которая ревниво борется с генералом за свои права и власть, подобно тому как некогда венецианская синьория боролась с дожами.

Эта эволюция внешним образом проявилась прежде всего в изменении положения профессов. Вместо того чтобы вести в своих домах скромную и бедную жизнь нищих монахов, как предписывали статуты, или же работать среди еретиков и язычников в качестве посланцев папы, профессы стали стремиться в коллегии, куда статуты допускали только схоластиков и коадьюторов, не только для того, чтобы занимать там наиболее видные должности, но для того, чтобы спокойно пользоваться богатыми доходами этих учреждений. Они больше заботились о мирном наслаждении жизнью, чем о работе, и «охотно предоставляли молодым всю тяжесть реальных дел».

Имеются весьма поучительные свидетельства об ослаблении военно-монашеского духа. Вместо того чтобы отказываться от своего состояния немедленно после вступления в орден, иезуиты откладывали отказ до четвертого года после своего принятия. Случалось даже, что и по истечении этого срока их приходилось настойчиво призывать к выполне-

нию лежавшей на них обязанности, потому что они находили всякого рода предлоги для дальнейших отсрочек.

Они отписывали свое состояние не ордену, как настойчиво советовал Игнатий, а обычно одному из учреждений; и вместо того, чтобы отложить после отказа всякое попечение о своем имуществе, сохраняли за собой право управлять им. Благодаря этому они фактически продолжали оставаться собственниками, и принесенный ими обет бедности превращался в простую фикцию. Раз иезуиты могли свободно управлять собственным имуществом, ничто не мешало им брать в свои руки заведование имуществом занятых родственников, вести гражданские процессы в светских судах, ликвидировать банкротства и вмешиваться в дела, которые совершенно не входят в компетенцию монаха. Игнатий строго осудил бы эти проявления в жизни ордена. Но орден в своем большинстве не видел в этом ничего зазорного. Он терпел еще худшие злоупотребления. Некогда он усиленно подчеркивал полную бесплатность обучения в своих школах. Этот принцип поддерживался по-прежнему, но только на словах. Иезуиты, нисколько не смущаясь, принимали подарки всякий раз, когда это было возможно, — подарки настолько значительные, что о бесплатном обучении более не могло быть и речи.

Орден умышленно искал богатых учеников и старался по возможности убедить их вступить в орден, несмотря на то что они еще не достигли возраста, предписанного статутами. Еще больше порицаний вызывала та поспешность, с которой иезуиты всюду бросались в торговлю и промышленность с целью увеличить свои доходы. Римская коллегия изготовляла огромное количество сукна и открыто продавала его на ярмарках. Индийские миссии вели доходную торговлю колониальными продуктами, а антильские, мексиканские и бразильские миссии конкурировали с ними. На Мартинике один особенно предприимчивый прокуратор мог, не встретив препятствий со стороны старших, создать обширные плантации, которые он обрабатывал руками купленных для этой цели рабов-негров совершенно так же, как это делали богатые плантаторы.

Еще зазорнее, с точки зрения современников, было близкое знакомство иезуитов с банковскими и денежными операциями. Коллегии не только вели свои собственные дела

при помощи вексельных операций, но производили подобные операции для посторонних. Так, например, орденская касса в Риме производила по поручению португальского правительства выплаты португальскому посольству. Когда Август Сильный отправился в Польшу, венские отцы открыли этому вечно нуждавшемуся в деньгах монарху кредит у варшавских иезуитов. В Китае отцы кредитовали купцов под очень высокие проценты — как говорят, 25 процентов, 27 и даже 100. Понятно, что орден всюду прослыл корыстолюбивым.

Вителлески уже в 1617 году замечает, что этот порок везде ставится в вину ордену. Генерал Караффа специально предостерегает прокураторов, советуя им действовать умеренно при взыскании даже законных долгов, дабы не навлечь на себя обвинения в корыстолюбии; генерал Никкель разослал большое циркулярное письмо с целью напомнить ордену об апостольской бедности. Но мирские интересы так захватили орден, что иезуиты в своем стремлении к богатству нередко относились с полным презрением к правам своих ближних. Даже такой преданный друг ордена, как польский король Ян Собеский, ввиду ряда возмутительных фактов этого рода вынужден был написать генералу Оливе: «К моему великому сожалению, я замечаю, что добрая репутация ордена чрезвычайно страдает от того, что вы чрезмерно стремитесь увеличить свое богатство, нисколько не заботясь о правах ближних. Я считаю своим долгом обратиться к вашему преподобию с настойчивой просьбой предостеречь иезуитов от корыстолюбия и жадности власти, которые слишком заметны у иезуитов других стран. Ректора стремятся обогатить свои коллегии всеми средствами. Это их единственная забота».

Во время управления Оливы (1664—1681) эти тяжкие упреки делались иезуитам со всех сторон. Впрочем, они не производили никакого впечатления на этого сибарита, который вел самую беспечную жизнь в римской метрополии ордена Гезу и на своей прекрасной албанской вилле. Но даже если бы на его месте был другой человек, он едва ли смог бы уничтожить эти злоупотребления. Он, конечно, не был бы в состоянии заставить орден отказаться от них, потому что профессы и высшие должностные лица в Риме полу-

чили уже при Вителлески такую силу, что не потерпели бы энергичного генерала.

Генерал Госвин Никкель был вынужден в 1661 году передать управление генеральному викарию, то есть фактически был низложен, не только вследствие своего возраста, но и потому, что влиятельные члены ордена в Риме не могли перенести его властного характера. Генерал Тирс Гонзалес де Сантала, пытавшийся искоренить безнравственные моральные учения ордена, подвергся бы той же участи, если бы он не согласился вовремя пойти на уступки, которые противоречили его внутренним убеждениям. Таким образом, в глазах беспристрастных наблюдателей преемники Игнатия из абсолютных самодержцев превратились в орудие подозрительной олигархии. То, к чему стремилась испанская оппозиция при Аквавиве, полностью осуществилось в конце XVII века. Конституция ордена фактически изменилась, несмотря на все усилия формально не изменять статуты.

Это роковое развитие, незаметное для мира, было бы невозможно, если бы в ордене сохранилась первоначальная железная дисциплина. Но, подобно тому как иезуиты успели сделать недействительным обет бедности, они уже не признавали себя обязанными к безусловной субординации, к «повиновению трупа» по отношению к генералу, чего так решительно требовал Игнатий.

Если иезуиты плохо повиновались генералу, то еще менее они повиновались верховному командиру своей армии — папе. Во время столкновения Людовика XIV с Иннокентием XI французские иезуиты стали на сторону не курии, а короля. Когда французское духовенство решительно высказалось против учения о непогрешимости папы и его неограниченной власти над церковью, они отнюдь не выступали в защиту этих принципов, которые некогда защищал Ленец со всей силой своей железной логики, а, напротив, присоединились к противникам этих принципов и осмелились даже писать в защиту так называемых галликанских идей, так что в 1687 году в Риме пришлось сжечь рукой палача несколько иезуитских произведений.

Подобные проявления открытого неповиновения повторялись все чаще и чаще. Когда в 1705 году папский легат Турнон

запретил китайским христианам культ предков и Конфуция, иезуитские миссионеры не только не подчинились, но стали вести против Турнона интриги, пока китайский император не изгнал его из Небесной империи. Они поступили точно так же, когда курия торжественно запретила в 1715 и 1735 годах так называемые «китайские обряды». В ордене нельзя было найти и следов той безграничной и величественной в своем роде самоотверженности, которая некогда заставила Игнатия посвятить себя и своих учеников служению папскому престолу. Орден повиновался теперь только тогда, когда повиновение соответствовало его интересам. Лишь только папа, как, например, серьезный и энергичный Иннокентий XI, осмеливался идти наперекор его намерениям, орден немедленно проявлял готовность начать борьбу с самим папой.

На другие церковные власти и на старые монашеские ордена иезуиты обращали еще меньше внимания, чем на курию. Они, казалось, приняли за правило не допускать никаких соперников. Когда они проникали в миссионерскую территорию, где до них проповедовали Евангелие другие ордены, они боролись со своими соперниками до тех пор, пока те не уступали им своего места. Там, где, как, например, в Китае, другие ордена позволяли себе вмешиваться в сферу их деятельности, иезуиты вступали даже в союз с языческими властями, чтобы избавиться себя от этих смутьянов. Так же они поступали и с неугодными для них епископами. Не следует удивляться, что в значительной части церковных сфер, и особенно среди старых орденов, иезуиты возбуждали не только зависть, но также ненависть и отвращение.

Корыстолюбие и властолюбие, полное презрение к обетам и отказ от старых идеалов можно было бы еще перенести, если бы иезуиты значительностью своих услуг доказали, что церковь не может обойтись без них. Но с конца XVII века об этом уже не могло быть и речи. Действительные успехи орден делает только в области языческих миссий. Напротив, в других отраслях его деятельности проявляется печальный недостаток в талантах, и даже в иезуитских школах проявляется вызывающий беспокойство упадок.

В то время как в Западной и Центральной Европе в школьное дело всюду проникали новые идеи и новые идеалы, иезу-

итские школы упорно сохраняли учебные планы, составленные по Школьному указу 1599 года. Они не могли отказаться даже от старой пагубной системы непрерывной смены учителей, не говоря уже о дурных педагогических приемах. Иезуитская школа не только не развивалась, она приходила в упадок. В XVIII веке невежество духовенства нигде не было так велико, как в тех странах, где учителями семинарий были иезуиты; нигде умственная деятельность не была так слаба, как в тех странах, где ордену принадлежала абсолютная монополия преподавания; нигде университеты не пали так низко, как там, где читали лекции представители ордена.

Дисциплина в их учебных заведениях, пользовавшаяся некогда широкой известностью, также пришла в упадок, и даже латынь их учеников уже не отличалась прежним бесспорным превосходством, хотя латынь всегда оставалась единственным предметом, который изучали абсолютно во всех иезуитских коллегиях. Понятно, что австрийское, баварское и в конце концов даже испанское правительства пытались бороться с этим печальным положением вещей. К сожалению, орден не имел ни силы, ни желания приступить к радикальной реформе. С этого момента стало очевидным, что роль иезуитов как преподавателей и воспитателей пришла к своему концу. Действительную пользу в этом отношении он продолжал приносить лишь в Южной и Центральной Америке. Но, принимая во внимание невысокий уровень развития населения этих стран, мы должны признать, что это не слишком большая заслуга.

Упадок ордена в конце XVII и в начале XVIII века был настолько глубоким, что Игнатий едва ли смог бы узнать свое создание. Породивший его энтузиазм угас; дисциплина, бывшая одной из основных причин его успехов, была серьезно потрясена; конституция, которой он более всего был обязан своими блестящими победами, была расстроена и уничтожена. У тех, кто судил о нем не по отдельным исключениям, а по всей его деятельности в целом, не могло уже быть сомнения в том, что час его пробил. Ибо для проведения реформы собственными силами у ордена уже не хватало благоразумия и энергии, а о принудительной реформе, навязанной ему извне, нельзя было и думать.

Падение иезуитского ордена

Ни один монашеский орден со времени своего возникновения не возбуждал таких живых симпатий и антипатий, не занимал так постоянно общественного мнения Европы, не породил столько легенд, не заставил так много писать о себе, как Общество Иисуса. Если мы просмотрим огромную массу сочинений, если мы прибавим к этому суждения, случайно высказанные выдающимися государственными деятелями, философами, поэтами по поводу той или иной стороны деятельности ордена, то нам придется констатировать, что оценка ордена, даваемая общественным мнением, с течением времени становилась все более и более негативной.

В первые годы существования Общества Иисуса даже протестанты восхваляли иезуитов как преподавателей. В среде католической церкви каждый успех его встречали с почти единодушным восхищением и радостью. Но в начале XVII века положение вещей резко меняется. Даже в католическом лагере на орден обрушиваются с памфлетами, которые по своей враждебности превосходят все, что написали против него протестанты. Прежде чем он успел оглянуться, просвещенные люди почти всюду отвернулись от него, и в конце концов орден попал в изоляцию. Почти всюду, даже в католических странах, его стали считать опорой обскурантизма и испорченности, почти всюду начали желать его гибели и добиваться ее всеми средствами.

Быстрее и сильнее всего поворот общественного мнения произошел во Франции. С самого начала орден имел здесь двух могущественнейших врагов: парижский парламент и Парижский университет. Оба, как мы знаем, всеми средствами старались помешать его упрочению во Франции. Оба впоследствии почти всегда были его непримиримыми противниками. Но после 1640 года к этим двум врагам присоединился еще третий — янсенисты⁸⁶. Уже того, что янсенисты находили почитателей и приверженцев среди наиболее высокопоставленных и образованных людей, было вполне достаточно, чтобы вооружить против них иезуитов.

Как только выяснилась огромная внутренняя разница, существовавшая между иезуитами и новым движением, орден начал борьбу с ним и не прекращал ее до тех пор, пока не побудил курию и абсолютную монархию раздавить янсенизм без всякой пощады.

Однако эта победа обошлась ему очень дорого. В 1656 году янсенист Паскаль, один из самых мощных и глубоких умов, который когда-либо порождала Франция, выпустил сатиру на теологию и нравственное учение иезуитов, которая получила широкую известность не только благодаря своему содержанию, но и благодаря своей форме. Вся образованная Франция зачитывалась и восхищалась «Письмами провинциала». Напрасно иезуиты доказывали, что автор поверхностно и иногда неправильно истолковывал theologов-казуистов. Они не могли доказать, а это и было самым существенным, что Паскаль извратил общую тенденцию их нравственного богословия, и еще менее могли они противопоставить этому классическому шедевр французской прозы столь же утонченный, остроумный и пламенный ответ. И тогда им впервые пришлось испытать на себе истину, что во Франции смешное убивает. То, что начал Паскаль, продолжили философы XVIII века. Они возбудили против ордена ненависть и презрение образованных людей. В середине XVIII столетия орден имел во Франции только двух друзей — короля и высшее духовенство. Но эта дружба принесла ему скорее вред, чем пользу, и, что еще хуже, она исчезла при первом натиске общественного мнения.

Если бы орден имел врагов только во Франции, он мог бы еще спокойно смотреть в будущее. Но тогда Франция определяла общественное мнение всей Европы. Объявление войны со стороны друзей просвещения во Франции имело значение не для одной только Франции. Оно было равносильно провозглашению войны иезуитам во всей Европе.

Но любопытно, что катастрофа произошла раньше не во Франции, а в том государстве, которое общество завоевало быстрее всего и где его господство было наиболее полным и продолжительным, — в Португалии. Оно пало здесь не под ударами какого-либо старого противника, а под ударами своего бывшего ученика, на которого полностью полагалось и которому помогло прийти к власти, — Жозе Карва-

лю, маркиза ди Помбал⁸⁷. Поводом к катастрофе послужили не те бесспорные злоупотребления своей властью, в которых орден был повинен и в Португалии, а вполне законное сопротивление желанию разрушить одно из его созданий — иезуитское государство в Парагвае.

15 января 1750 года между Испанией и Португалией был заключен договор о разграничении американских владений, по которому первая из этих держав передавала Бразилии семь областей иезуитского государства в Парагвае, расположенных на востоке от Уругвая. На основании этого договора испанское правительство приказало иезуитам вместе с 30 000 индейцев в течение одного года покинуть эти области, оставив свои поселения, и основать новую колонию на другом берегу реки, на испанской территории, то есть начать все заново в пустыне. Этот приказ не только доказывал, что иезуиты потеряли свое преобладающее влияние в Мадриде и Лиссабоне, но показывал также, что в колониальной политике Испании одержала верх система бессмысленного, грубого насилия, которая грозила худшими катастрофами для огромной колониальной империи.

Но случилось то, что должны были бы предвидеть оба правительства заранее. Не только индейцы, но и некоторые иезуиты оказали сопротивление португальской комиссии, которой было поручено провести новые границы. Когда обе заключившие договор державы ввели в 1756 году на территорию Уругвая две небольшие армии, краснокожие христиане выступили с оружием в руках против солдат.

Произошла настоящая битва, в которой, как и следовало ожидать, победа досталась европейцам. Однако индейцы начали упорную партизанскую войну, от которой страдали главным образом португальские войска. Истошенные, деморализованные, сильно поредевшие, они были вынуждены отступить, а так как оба правительства были по разным причинам недовольны условиями договора, то в 1760 году они отказались от попытки урегулировать границы и территория уругвайской миссии была возвращена Испании.

Эти события составляют исходный пункт крушения не только иезуитского государства в Парагвае, но и самого иезуитского ордена.

Помбал, давно уже возмущенный влиянием иезуитов на двор и правительство, решил уничтожить орден в Португалии. 19 сентября 1756 года он приказал изгнать всех находившихся при дворе иезуитов. Некоторое время спустя, в 1757 году, опубликовал свой знаменитый «Краткий отчет о государстве иезуитов в Парагвае», представлявший собой, несмотря на официальную сдержанность стиля, объявление войны опасному обществу, которое осмелилось основать собственное государство вне всякого контроля светских властей и тем самым ясно обнаружило руководившие им всюду и всегда политические расчеты.

Этот документ произвел огромное впечатление. Сам папа Бенедикт XIV был глубоко смущен им и под давлением Помбалы приказал произвести ревизию учреждений ордена в Португалии. Эта ревизия оправдала, по-видимому, самые худшие обвинения, предъявленные иезуитам, — дело шло о коммерческих и денежных операциях. После того как орден был таким образом пригвожден к позорному столбу наивысшей церковной властью, Помбалу оставалось лишь нанести ему последний удар. Удобный повод дало ему таинственное покушение на короля Жозе I⁸⁸ 3 сентября 1758 года.

Помбала лучше всего характеризует то обстоятельство, что он готовил атаку несколько месяцев в величайшей тайне, стремясь раздавить одновременно с орденом и дворянство, ставшее в оппозицию к его политике. 13 декабря были арестованы иезуиты Лиссабона как соучастники покушения; 19 января 1759 года последовали арест остальных иезуитов и конфискация всех богатств ордена; наконец, 3 сентября Помбал издал указ, изгонявший орден из всех владений португальской монархии.

Большинство изгнанных было немедленно посажено, как сельди в бочку, на несколько торговых кораблей и отвезено в Италию, где их высадили на берег почти без всяких средств к существованию. Но довольно значительное число Помбал оставил в тюрьмах, чтобы отомстить им. Среди них находился самый влиятельный и поэтому самый опасный для министра отец Малагрида. Сначала Помбал формально обвинил этого человека в государственной измене; потом, когда обнаружилась полная несостоятельность этого обвинения,

передал его инквизиционному трибуналу в качестве еретика! В конце концов инквизиция подчинилась воле Помбала. 20 сентября 1761 года несчастный был задушен и сожжен на торжественном аутодафе.

Помбал был, несомненно, убежден, что иезуиты являются серьезной опасностью для государства. Но глубокое двоедушие, адское лукавство, зверская жестокость его поведения не находят себе оправдания. Жестокость хищного зверя, которая так часто является одной из характерных черт великих государственных людей, была основной чертой Помбала. Она запятнала его память и далеко не содействовала успеху предпринятого им великого дела возрождения глубоко разложившегося государства. Он без всякой пользы создал мучеников и подготовил дорогу для наступившей потом реакции.

Во Франции при роспуске ордена проявили гораздо больше мягкости. Одно время преобладало мнение, что падение ордена в этой стране лежит на совести любовницы Людовика XV⁸⁹ маркизы де Помпадур. Якобы она, разгневанная тем, что не могла получить отпущения грехов от отца де Саси, составила вместе с министром Шуазелем⁹⁰ тайный заговор против иезуитов. Этот заговор — легенда. Действительной причиной падения ордена были ненависть и презрение образованных классов к иезуитам.

Поводом стало скандальное дело Лавалетта. Отец Лавалетт, в качестве прокуратора антильских миссий, реорганизовал торговлю колониальными продуктами и при поддержке некоторых французских банкирских домов предпринял крупные коммерческие спекуляции на острове Мартиника. Но, подобно многим спекулянтам, он ошибся в своих расчетах и в скором времени оказался запутанным в целом ряде больших гражданских процессов. Эта авантюра характерна для духа и дисциплины ордена в середине XVIII века. Лавалетт, как потом утверждали, затеял свои огромные предприятия без всякого ведома старших. Но вместо того чтобы затушить скандал, заплатив долги Лавалетта (2 400 000 ливров — сумма весьма значительная для той эпохи; но у ордена на одной только Мартинике было имений более чем на 4 миллиона), старшие чины ордена во Франции, видя, что кредиторы не хотят удовольствоваться заупокойными обед-

нями в уплату за свои векселя, добились указа, переносившего в большую палату парижского парламента все процессы по этому делу, и, таким образом, придали скандалу самую широкую огласку. Это превратило гражданский процесс против Лавалетта в уголовный процесс против всего ордена. Ибо парламент не только потребовал, чтобы генерал иезуитов уплатил все долги Лавалетта, но и воспользовался случаем, чтобы рассмотреть конституцию ордена. 8 июля 1761 года на основании этого рассмотрения было объявлено, что существование ордена во Франции незаконно. Король еще раз помог иезуитам, попавшим в отчаянное положение. 2 августа он приказал парламенту отложить произнесение окончательного приговора о законности конституции ордена на один год. Но это было лишь отсрочкой смертного приговора. В то время как парламент продолжал другими путями свой поход против ордена, король со своей стороны требовал, по крайней мере, пересмотра его конституции. Но и генерал Рикки, и папа Климент XIII решительно отказывались уступить в этом пункте. 6 августа 1762 года парижский парламент издал указ о роспуске ордена. 14 июня 1763 года король объявил все состояние ордена конфискованным в пользу короны. Орден перестал существовать во Франции, проработав в ней в течение более 200 лет.

Даже в Риме благоразумные люди поняли, что следует молча примириться с мерой, которая была встречена с восторгом всей Францией. Но папа Климент XIII не принадлежал к благоразумным людям. По выражению своего преемника Климента XIV, он позволил генералу Рикки вырвать у себя конституцию, в которой не только снова подтвердил все привилегии ордена, но и торжественно выступил в защиту его добродетели. Это было совершенно бессмысленным вызовом не только Португалии и Франции, но также всему дому Бурбонов и общественному мнению всех романских стран. Единственным результатом этого стало жестокое унижение папского престола. В Неаполе, Сицилии, Милане, Венеции обнародование конституции было запрещено; во Франции она была во многих городах сожжена рукой палача; в Португалии всякий, кто распространял или тайно хранил ее у себя, был объявлен виновным в оскорблении величе-

ства. Но хуже всего было то, что из нескольких сот католических епископов лишь 23 выразили папе свое одобрение.

Не успела курия оправиться от этого удара, как в Риме получили новые тревожные известия из государств, которыми правили Бурбоны. 2 апреля 1767 года в Испании почти в один и тот же час было брошено в тюрьму около 6000 иезуитов и орден был запрещен во всех частях империи. Король Карл III⁹¹ отправил папе в подарок всех арестованных. Но когда несчастные захотели высидеться в Чивитавеккья, их встретили пушечными выстрелами по просьбе их же собственного генерала, которому было достаточно присланных ранее португальских иезуитов. На короткое время испанские изгнанники получили приют на острове Корсика. В ночь с 3 на 4 ноября таким же образом избавил себя от иезуитов король Неаполя и Сицилии; в ночь с 7 на 8 февраля 1768 года то же сделал и герцог Пармский; наконец, 23 апреля 1768 года прогнал иезуитов и мальтийский гроссмейстер.

В сентябре 1768 года французский посланник от имени всех Бурбонов вручил папе меморандум, в котором он потребовал от курии «полного и окончательного уничтожения Общества Иисуса». Португалия порвала все сношения с римским двором, а единственный оставшийся у Климента XIII друг, Мария Терезия Австрийская⁹², не выражала ни малейшего желания поддержать его. В Риме поняли, что папство должно или предоставить орден его собственной судьбе, или отказаться от своего положения в мире.

Таково было положение дел, когда в ночь с 1 на 2 февраля 1769 года умер Климент XIII. Вся Европа ожидала с беспокойством избрания нового папы. Никто не сомневался, ни иезуиты, ни державы, что это избрание решит вопрос о жизни или смерти ордена и вопрос о будущем положении папства. Заседания конклава тянулись три месяца, и в конце концов 19 мая папой был избран францисканец Лоренцо Ганганелли, принявший имя Климента XIV. Ганганелли не считался ни другом, ни врагом иезуитов. Но, по своему характеру настроенный примирительно, он всегда проявлял благоразумие и умеренность. Поэтому можно было ожидать, что он не остановится ни перед какими средствами, чтобы улучшить отношения папского престола с великими католи-

ческими державами, пришедшие в полное расстройство из-за неразумной политики его предшественника. Действительно, он решился на ту меру, которая одна только могла восстановить мир и вывести папство из затруднительного положения. 29 сентября он уведомил французского короля, а 30 ноября — мадридский и лиссабонский дворы, что намерен распустить орден. Однако прошло целых четыре года, прежде чем за этим сообщением последовал решительный шаг. Только 21 июля 1773 года он подписал знаменитое бреве⁹³ «Наш Господь и Спаситель» — смертный приговор самому могущественному из всех орденов, который когда-либо знала церковь.

Если булла, которая некогда дала ученикам Лойолы право на существование в церкви, начиналась призывом к правительству воинствующей церкви, то папа-миротворец весьма характерным образом начинает свое послание обращением к Иисусу, который назначил своим ученикам и служителям быть вестниками мира.

Иезуитский орден, говорится далее, с самого своего возникновения сеял смуту. В подтверждение этого Климент XIV приводит многочисленные доказательства. Но это — единственное обвинение, ясно выставленное им против ордена. О других упреках, которые делались ордену, он говорит в очень сдержанных, умеренных и дипломатических выражениях, не исследуя, справедливы они или нет. Далее он указывает, что орден уже не может приносить обильных плодов и той пользы, которая некогда давала ему право на существование. Следовательно, орден не отвечает более потребностям времени. Поэтому, говорится в бреве, «пока Общество будет существовать, будет трудно или даже невозможно восстановить мир в церкви, мы, после зрелого обсуждения, опираясь на тщательное расследование, на основании нашей апостольской власти объявляем названное выше Общество распущенным, мы его отменяем, уничтожаем, распускаем» и т. д.

Иезуиты немедленно распространили самые нелепые легенды об истории этого крайне умеренного документа, который делает величайшую честь политическому такту его автора. Согласно одной из них, Климент будто бы сказал: «Я поступил так только по принуждению». Согласно другой, он подписал послание ночью, карандашом, на одном из окон

Квиринала⁹⁴, затем упал в глубокий обморок и весь следующий день провел в постели почти голым, все время повторяя со стонами: «Я проклят, ад — моя участь». Согласно третьей легенде, в тот момент, когда подписывал послание, он сошел с ума. Рассудок к нему возвратился только незадолго до смерти, и лишь благодаря чуду он избежал ада. Согласно четвертой легенде, он впоследствии уничтожил бреве. Приводится даже сам акт, отменявший бреве; конечно, этот акт является грубой подделкой, что вполне ясно следует из того места, где папа перед лицом всего мира называет себя недостойным преемником святого Петра.

Папа не мог поступить иначе, чем он поступил. Это совершенно верно, но из этого не следует, что послание не выражало действительного его мнения об ордене. Несомненно, папа пришел к убеждению, что орден сеет смуту и вредит процветанию церкви. Эту точку зрения разделяли и некоторые кардиналы, потому что со времени Бенедикта XIV иезуиты имели в священной коллегии немало ожесточенных врагов. Поэтому неудивительно, что курия бросила иезуитов на произвол судьбы. 16 августа послание было сообщено римским иезуитам и генерал Рикки был заключен в замок Святого Ангела. Здесь с ним обращались мягко; но ему так и не суждено было выйти на свободу, хотя его не могли обвинить в каком-либо преступлении. 22 ноября 1775 года он умер в тюрьме, став жертвой той ненависти и того недоверия, которые возбудил против себя орден во всей Европе. Климент XIV сошел в могилу раньше его, 22 сентября 1774 года. Иезуитов обвиняли в том, что они отравили его. Это давно уже опровергнутая басня. Но эта басня поучительна: она показывает, какие деяния могли приписывать иезуитам в конце XVIII века не только свободные мыслители, но и кардиналы римской церкви.

Восстановление ордена

Как встретили послание о роспуске ордена иезуиты и все христиане-католики? Орден подчинился ему с покорностью лишь там, где правительства привели послание в испол-

нение. При этом, конечно, не было недостатка в протестах и в самых невероятных попытках унижить и загрязнить память Климента XIV. Образованная Европа встретила уничтожение ордена с восторгом; народ почти всюду отнесся к нему безучастно. Кое-где слышались громкие жалобы монахинь и других ревностных сторонников культивируемого орденом благочестия. Но нигде, ни в Европе, ни вне ее, исполнение послания не встретило серьезного сопротивления со стороны масс. Создается впечатление, что орден везде потерял всякое доверие к себе. Общественное мнение не обнаружило никакого сочувствия к трагическому элементу его падения; оно отнеслось почти равнодушно к тем жестокостям, которые совершил Помбал. В несправедливостях, которым подверглись в разных местах иезуиты, видели справедливое возмездие или, по крайней мере, считали их необходимыми в интересах прогресса, «просвещения и добродетели».

Рим сказал свое слово. Орден официально умер. Но там, где воля папы не имела силы, он открыто сопротивлялся папскому приказанию и без всяких затруднений становился под защиту государей-еретиков или атеистов, желая как будто даже в момент своей гибели доказать, что интересы ордена стоят для него выше клятвы верности, которая должна была по воле основателя неразрывно связывать его с папским престолом.

Оригинально, что под свою защиту орден взяли как раз наиболее прославленные государи эпохи Просвещения: прусский король Фридрих Великий и императрица Екатерина II; оба думали, что они не в состоянии обойтись без иезуитов в преподавании. Но в Пруссии благосклонность правительства продолжалась недолго. В 1776 году король по докладу епископа Гогенцоллерна фон Кульма приказал силезским членам ордена отказаться от имени иезуитов и называть себя впредь «священниками королевского учительского института». В 1781 году этот институт был уничтожен, а в 1786 году остатки иезуитской конгрегации в Силезии вынуждены были разойтись.

В России иезуиты были более счастливы. Екатерина II не только запретила опубликование папского бреве, но

в 1782 году даже разрешила иезуитам, находившимся в бывших провинциях Польского королевства, избрать себе генерального викария и, следовательно, образовать вполне независимую монашескую конгрегацию. Император Павел, бывший вообще человеком крайне неуравновешенным, относился к иезуитам с еще большей благосклонностью; он призвал членов ордена в Петербург, возвратил им Виленский университет, способствовал их миссионерской деятельности среди немецких колонистов на Волге, богато одарил полоцкий новициат, чтобы усилить прилив новых членов, наконец, не побоялся обратиться к курии с предложением одобрить неповиновение польских иезуитов и санкционировать дальнейшее существование ордена.

Папа Пий VI занял в иезуитском вопросе, судя по всем признакам, позицию несколько отличную от той, что занимал его предшественник Климент XIV. Он, по-видимому, тайно поощрял польских иезуитов крепко стоять на своем. В 1793 году он закрыл глаза на то, что герцог Пармский вызвал из России нескольких иезуитов.

Еще большие надежды орден мог возлагать на Пия VII Чиарамонти. В 1773 году он, тогда еще епископ в Тиволи, с крайней неохотой выполнил приказ о роспуске ордена и всегда держал бывших иезуитов в большом почете. Действительно, 7 марта 1801 года он восстановил орден в России, а 30 июля 1804 года по просьбе короля Фердинанда IV — в Неаполе и Сицилии. Эти акты формально провозгласили разрыв с политикой Климента XIV и ясно показали всему христианскому миру желание курии возродить орден в прежнем блеске.

Потребность в восстановлении ордена проявлялась с большой силой и в других местах. Еще в 1794 году Жан де Турнели основал в Бельгии Общество Сердца Иисуса, преследовавшее главным образом задачи преподавания; к нему примкнуло много иезуитов. В Италии тиролоец Пакканари, честолюбивый авантюрист, выдал себя за второго Игнатия и основал в 1797 году Общество Веры Иисуса с определенной целью реставрировать иезуитский орден под другим именем. Оба общества слились в 1799 году; а в 1803 году они соединились с русскими иезуитами и в течение беспокойной

эпохи наполеоновского господства тайно подготавливали восстановление ордена в странах, которые незадолго перед тем, казалось, были навсегда закрыты для него.

Огромный переворот, происшедший в то время в отношениях образованных людей к идеям XVIII века, имел еще более важное значение для будущего ордена. Романтизм объявил войну рационализму, и из его недр быстро возникло современное ультрамонтанство⁹⁵. Увлекаемое этим течением, папство решилось открыто вступить на путь прежней римской политики, который оно покинуло поневоле. Первым проявлением этой политики стало брeve, торжественно восстановившее орден Рима (7 августа 1814 года).

Как ни удачно был выбран момент опубликования брeve, недоверчивое отношение правительств к ордену было еще так сильно, что иезуиты в первое время были официально признаны лишь в тех государствах, где произошла полная реставрация прежних порядков: в Папской области, в Королевстве обеих Сицилий, в Модене, Парме, Сардинии и Пьемонте, в Испании и в швейцарских кантонах Валлисе и Фрайбурге. Поэтому некоторое время главной резиденцией и наиболее важным полем деятельности ордена оставалась Россия. Но здесь иезуиты быстро скомпрометировали свое положение интригами против основанного Александром I Библейского общества и активной пропагандой среди военных и аристократии. В январе 1816 года генерал и все иезуиты были высланы из Петербурга, а в марте 1820 года члены ордена были изгнаны из всех русских и польских областей. Затем, после смерти генерала Фаддея Бржозовского (5 февраля 1820 года) вспыхнули резкие внутренние несогласия по поводу выбора нового генерала. Словом, положение ордена было далеко не блестящим.

Но именно этот удар, который в первый момент, казалось, грозил совершенно уничтожить орден, и явился исходным пунктом для новых побед и завоеваний иезуитов. С помощью 358 изгнанных из России священников орден смог возобновить с большой энергией свою деятельность в Италии, Франции, Англии, Америке и даже попытаться обозначить свое присутствие в Австрии. Что еще важнее, внутренняя борьба закончилась, и новый генерал Алоиз Фортис (1820—

1829) перенес свою резиденцию обратно в Рим. Таким образом, орден снова оказался в состоянии возобновить свои прежние отношения с курией. Германская коллегия была восстановлена еще раньше. Ордену возвратили римскую коллегия и римскую семинарию, а также заведование пансионом сирот, находящихся под опекой папы. В следующее десятилетие у ордена появились достижения и за пределами Рима. Португалия открыла ему свои двери в 1829 году, Бельгия — в 1831-м, Голландия — в 1832-м, Ломбардо-Венецианское королевство — в 1836-м, Тироль — в 1838-м.

Более всего сделал для реорганизации ордена генерал Иоанн Филипп Ротган. Этот голландец, иезуит до мозга костей, но вместе с тем способный понять нужды нового времени, в течение двадцати четырех лет (1829—1853) руководил орденом в эпоху, благоприятную для развития католической церкви, с таким искусством, что со времени его генеральства римский народ стал называть генерала иезуитов черным папой. Его преемники, бельгиец отец Бекс (1853—1883), швейцарец Антон Мария Андерледи (1883—1892) и испанец Луис Мартин (1892—1906), искусно управляли наследством Ротгана и сумели установить настолько хорошие отношения с курией, что орден приобрел в центре церковной иерархии такое влияние, какого он никогда не имел раньше, даже в эпоху Григория XIII.

В XIX веке средоточие деятельности иезуитов постепенно переносится в Рим. То, чего некогда орден добивался путем трудной, раздробленной работы в тысяче отдельных пунктов, с этого времени он пытается достигать путем осторожной деятельности в самом сердце католического мира, превратившемся в абсолютную монархию, где нет уже места национальным церквям, которые держатся за свою независимость и сопротивляются приказаниям папы.

Примечания

- ¹ В XIV—XIX вв. глава административной и судебной власти в городах и провинциях Испании.
- ² Мусульманское население Испании, насильственно обращенное в христианство.
- ³ Карл V Габсбург (1500—1558) — император Священной Римской империи (с 1520), король Испании (1516—1556) под именем Карла I.
- ⁴ Герой средневековых испанских рыцарских романов.
- ⁵ Здесь: взаимное расположение.
- ⁶ Церковная организация, подчиняющаяся уставу; нередко — синоним слова «орден».
- ⁷ Здесь имеется в виду Римская курия — главный административный орган Ватикана.
- ⁸ Территориально-административная единица во главе с епископом.
- ⁹ Генрих VIII Тюдор (1491—1547) — король Англии с 22 апреля 1509 г. С согласия католической церкви английские короли именовались также «Повелителями Ирландии». В 1541 г. после того, как Генрих VIII был отлучен от церкви, он добился от ирландского парламента титула «Король Ирландии».
- ¹⁰ Рената Феррарская (Рене Французская) (1510—1575) — герцогиня Шартрская и Монтаржи, в замужестве герцогиня Феррары. Младшая дочь короля Людовика XII. В ее доме в 1536 г. жил основатель кальвинизма Ж. Кальвин.
- ¹¹ Франческо Борджиа (1510—1572) — католический святой, третий генерал Общества Иисуса. Представитель знатного каталонского рода. Канонизирован 20 июня 1670 г.
- ¹² Эрколе II д'Эсте (Геркулес Феррарский) (1508—1559) — герцог Феррары, Модены и Реджо (1534—1559).
- ¹³ Вильгельм IV (1493—1550) — герцог Баварии с 1508 по 1550 г.

- ¹⁴ Фердинанд I (1503—1564) — эрцгерцог Австрии, король Венгрии и Богемии, император Священной Римской империи с 1556 г., родоначальник младшей (австрийской) ветви дома Габсбургов.
- ¹⁵ Август Герман Франке (1663—1727) — немецкий богослов, один из наиболее выдающихся представителей возникшего внутри лютеранства движения пиетизма, которому было свойственно придание особой значимости личному благочестию и религиозным переживаниям верующих.
- ¹⁶ Синим письмом в Германии называется письмо в синем конверте, в котором находится уведомление офицеру, что он должен подать в отставку, не рассчитывая на повышение. — *Прим. Габриэля Моно, первого комментатора книги Г. Бёмера.*
- ¹⁷ Монашествующий рыцарь, принявший три обязательных обета: бедности, целомудрия и послушания.
- ¹⁸ Бенедикт Нурсийский (ок. 480—547) — святой католической и православной церкви, родоначальник западного монашеского движения.
- ¹⁹ Франциск Ассизский (ок. 1181—1226) — католический святой, учредитель ордена, названного его именем.
- ²⁰ К вящей славе Божьей (*лат.*).
- ²¹ Жуан (Иоанн) III Благочестивый (1502—1557) — король Португалии и Алгарве (1521—1557).
- ²² Себастьян I Желанный (1554—1578) — король Португалии и Алгарве. Погиб в сражении, но труп его не был найден, что способствовало появлению самозванцев.
- ²³ Афонсу (Альфонс) VI (1643—1683) — король Португалии (1656—1683).
- ²⁴ Педро II (1648—1706) — регент (1668—1683), затем король Португалии (1683—1706).
- ²⁵ Филипп II (1527—1598) — король Испании (1556—1598) и Португалии (1581—1598).
- ²⁶ Анна Австрийская (1601—1666) — королева Франции, жена (с 1615) короля Франции Людовика XIII, регент (1643—1651) при малолетнем Людовике XIV.
- ²⁷ Карл II Одержимый (1661—1700) — король Испании (1665—1700), отличался болезненностью и уродством.
- ²⁸ Последователи лионского купца Пьера Вальдо. Ратовали за ликвидацию частной собственности, взаимопомощь, свободу чтения Библии.
- ²⁹ Канизий Петр (1521—1597) — католический святой, автор многих богословских сочинений. Наибольшую известность получили три катехизиса — «Сумма христианского учения», «Сумма христианского учения, разбитая на вопросы и приспособленная к восприятию людей необразованных» и «Малый катехизис».

- ³⁰ Генрих III (1551—1589) — последний король Франции (1574—1589) из династии Валуа.
- ³¹ Генрих IV Наваррский (1553—1610) — король Наварры (с 1572) как Генрих III, король Франции (1589—1610), основатель французской королевской династии Бурбонов. Был главой гугенотов во время религиозных войн во Франции, но затем торжественно отрекается от протестантизма. Ему приписывается фраза: «Париж стоит мессы».
- ³² Людовик XIII Справедливый (1601—1643) — король Франции и Наварры в 1610—1643 гг.
- ³³ Кристина Мария Бурбон (1606—1663) — французская принцесса, дочь Генриха IV, после замужества герцогиня Савойская. Была регентшей во время несовершеннолетия своих сыновей, Франциска Гиацинта и Карла Эмануила II, с 1637 по 1648 г.
- ³⁴ Филипп IV Красивый (1268—1314) — король Франции в 1285—1314 гг.
- ³⁵ Людовик XIV, Король-Солнце (1638—1715) — король Франции и Наварры в 1643—1715 гг.
- ³⁶ Первым апостолом Германии — «апостолом всех немцев» считается святой Бонифаций (672/673—754) — архиепископ, реформатор церкви в государстве франков.
- ³⁷ Члены евангелических общин
- ³⁸ Сожительство мужчины и женщины без официального заключения брака.
- ³⁹ Участники радикального движения эпохи Реформации XVI века, главным образом в Германии, Швейцарии, Нидерландах. Отрицали церковную иерархию, осуждали богатство. Основным признаком, отличающим анабаптистов от схожих движений, было требование вторичного крещения в сознательном возрасте.
- ⁴⁰ Альбрехт V Великодушный (1528—1579) — герцог Баварии с 1550 г.
- ⁴¹ Вильгельм V Благодетельный (1548—1626) — герцог Баварии в 1579—1597 гг.
- ⁴² Максимилиан I (1573—1651) — герцог Баварии в 1597—1651 гг.
- ⁴³ Фердинанд II (1529—1595) — эрцгерцог Австрийский, правитель Передней Австрии и Тироля (1564—1595).
- ⁴⁴ Карл II (1540—1590) — эрцгерцог Австрийский, правитель Внутренней Австрии (1564—1590).
- ⁴⁵ Ян Непомук (ок. 1350—1393) — чешский католический святой и мученик. Был казнен по приказу Венцеля I, императора Священной Римской империи и (под именем Вацлава IV) Чехии. Канонизован в 1729 г.
- ⁴⁶ Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1633—1714) — герцог Брауншвейга-Вольфенбюттеля, автор нескольких романов и опер.

- 47 Август Сильный (1670—1733) — курфюрст Саксонии под именем Фридрих Август I Саксонский с 1694 г., польский король (1697—1704 и 1709—1714) под именем Август II Польский и великий князь Литовский с 1697 г. Союзник России в Северной войне.
- 48 Август III Саксонский (1696—1763) — польский король и великий князь Литовский с 1734 г, курфюрст Саксонский с 1733 г. под именем Фридрих Август II.
- 49 Сигизмунд II Август (1520—1572) — великий князь Литовский с 1529 г., польский король с 1530 г. Последний представитель династии Ягеллонов.
- 50 Стефан Баторий (1533—1586) — польский король с 1575 г. и великий князь Литовский с 1576 г.
- 51 Сигизмунд III (1566—1632) — польский король и великий князь Литовский с 1587 г., король шведский в 1592—1599 гг.
- 52 Ян II Казимир Ваза (1609—1672) — польский король и великий князь Литовский (1648—1668), последний из династии Ваза.
- 53 Юхан III (Иоанн) (1537—1592) — шведский король в 1568—1592 гг.
- 54 Елизавета I (1533—1603) — королева Англии и Ирландии в 1558—1603 гг., последняя из династии Тюдоров.
- 55 Мария Стюарт (1542—1587) — королева Шотландии Мария I в 1542—1567 гг., королева Франции в 1559—1560 гг. (как супруга короля Франциска II) и претендентка на английский престол. Была обезглавлена после раскрытия заговора с целью убийства королевы Елизаветы I.
- 56 Яков (Иаков) VI Шотландский, он же Яков I Английский (1566—1625) — король Шотландии (1567—1625) и Англии (1603—1625; первый из династии Стюартов). Первый король, правивший одновременно Англией и Шотландией.
- 57 Карл I (1600—1649) — король Англии, Шотландии и Ирландии (1625—1649). Был предан суду парламента и казнен.
- 58 Карл II (1630—1685) — король Англии и Шотландии (1660—1685).
- 59 Яков II (1633—1701) — король Англии, Шотландии (Яков VII) и Ирландии. Последний британский король-католик; свергнут в результате «Славной революции».
- 60 Титул императора Японии, употреблявшийся до поражения Японии во Второй мировой войне.
- 61 Жрец в индуизме.
- 62 Хлеб из пресного теста, употребляемый католиками во время обряда евхаристии.
- 63 Акбар Великий, Желал-ад-Дин Мухаммад (1542—1605) — падишах империи Великих Моголов (1556—1605), прямой потомок Тамерлана.
- 64 Джахангир (1569—1627) — падишах империи Великих Моголов (1605—1627), сын Акбара Великого.

- ⁶⁵ Шах-Джахан (1592—1666) — падишах империи Великих Моголов (1627—1658), был свергнут с престола своим сыном Аурангзебом. При нем был построен Тадж-Махал.
- ⁶⁶ Аурангзеб (1618—1707) — падишах империи Великих Моголов (1658—1707), которая при нем достигла наибольшей протяженности и могущества.
- ⁶⁷ Тоётоми Хидэёси (1537—1598) — военный и политический деятель, объединитель Японии.
- ⁶⁸ Токугава Иэясу (1543—1616) — дипломат и военачальник, ближайший сподвижник и последователь Тоётоми Хидэёси, основатель династии сёгунов Токугава. Завершил формирование централизованного государства в Японии.
- ⁶⁹ Максимиан II Даза (Дайа) (270—313) — римский император в 305—313 гг. Жесточайшим образом преследовал христиан — не только в Египте, как пишет Г. Бёмер, но и по всей империи.
- ⁷⁰ Чжу Ицзюнь (Ваньли) (1563—1620) — император династии Мин (1572—1620).
- ⁷¹ В обязанности «двора астрономических наблюдений» входило составлять ежегодно календарь, предсказывать лунные и солнечные затмения, выбирать дни и часы для важных начинаний и торжеств и т. д.
- ⁷² Канси (1654—1722) — император из династии Цин (1662—1723).
- ⁷³ Юнчжэн (1678—1735) — император из династии Цин (1722—1735).
- ⁷⁴ Цяньлун (1711—1799) — император из династии Цин (1736—1795).
- ⁷⁵ Бартоломе де Лас Касас (1484—1566) — испанский священник, доминиканец. Известен своей борьбой против зверств в отношении коренного населения Америки со стороны испанских колонистов.
- ⁷⁶ Форма зависимости населения испанских колоний. Местные жители обязаны были платить налог и исполнять трудовые повинности.
- ⁷⁷ Имеется в виду печатная фирма, основанная в XVI в. французским печатником и книготорговцем Кристофелем Плантином.
- ⁷⁸ Бедняк, живущий подаванием или случайным заработком (*ит.*).
- ⁷⁹ Филипп Меланхтон (1497—1560) — немецкий гуманист, теолог и педагог, евангелический реформатор.
- ⁸⁰ Яков Бальде (1600—1668) — автор «Урании» и лирических стихотворений на латинском и немецком языках, доставивших ему славу «немецкого Горация». — *Прим. Моно.*
- ⁸¹ Андреа дель Поццо (1642—1709) — итальянский живописец и архитектор. Представитель барокко.
- ⁸² Термин, объединяющий церковные, политические и правовые учения и доктрины, распространенные прежде всего во Франции и сводившиеся к идее независимости национальной церкви от папской власти.

- ⁸³ Адам Таннер (1572—1632) — немецкий богослов и математик, заведовал кафедрой богословия в Ингольштадтском университете.
- ⁸⁴ Фридрих Шпе (1591—1635) — немецкий богослов и писатель.
- ⁸⁵ Филипп III (1578—1621) — король Испании, король Португалии и Алгарве под именем Филипп II (1598—1621).
- ⁸⁶ Янсенизм — религиозное учение и религиозное движение в XVII—XVIII вв. Подчеркивало испорченную природу человека вследствие первородного греха. Иезуиты опасались, что янсенисты помешают их педагогической и исповедальной практике. Под их давлением янсенизм был осужден католичеством как ересь.
- ⁸⁷ Себастьян Жозе ди Карвалью-и-Мелу, граф ди Оэйраш, маркиз ди Помбал (1699—1782) — один из самых ярких представителей «просвещенного абсолютизма». При короле Жозе I сосредоточил в своих руках все нити государственного управления в Португалии (1750—1777).
- ⁸⁸ Жозе I, в русских источниках XIX в. — Иосиф I Эммануил (1714—1777) — король Португалии и Алгарве в 1750—1777 гг.
- ⁸⁹ Людовик XV (1710—1774) — король Франции в 1715—1774 гг.
- ⁹⁰ Этьен Франсуа Шуазель, герцог д'Амбуаз и граф Стэнвилль (1719—1785) — выдающийся французский государственный деятель, министр иностранных дел и пэр Франции.
- ⁹¹ Карл III (1716—1788) — король Испании в 1759—1788 гг., герцог Пармский под именем Карл I в 1731—1734 гг., король Неаполя и Сицилии под именем Карл VII в 1734—1759 гг. Провел эффективные реформы государственного управления и экономики.
- ⁹² Мария Терезия Австрийская (1767—1827) — австрийская эрцгерцогиня, королева-консорт Саксонии.
- ⁹³ В католичестве послание Папы Римского, посвященное проблемам церковной и мирской жизни
- ⁹⁴ Квиринал — самый высокий из семи холмов Рима. Ныне на Квиринале располагается официальная резиденция президента Италии — Квиринальский дворец.
- ⁹⁵ Ультрамонтанство — течение в католической церкви, выступавшее за полное подчинение Папе Римскому национальных католических церквей и верховенство Папы над светскими государствами Европы.

Оглавление

Глава I. Основатель	5
Глава II. Возникновение Общества Иисуса	32
Глава III. Победное шествие Общества Иисуса по Европе	58
Глава IV. Завоевания Общества Иисуса в языческих странах .	109
Глава V. Общество Иисуса в период наивысшего расцвета . . .	155
Глава VI. Упадок, возрождение и реорганизация ордена	183
<i>Примечания</i>	205

- Бёмер Г.**
Б45 История ордена иезуитов / Генрих Бёмер. — Пер. с нем. Н. Попова. — М. : Ломоносовъ. — 2012. — 216 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-157-1

Эта книга рассказывает о том, как испанский рыцарь Игнатий Лойола вдруг предался аскезе, начал проповедовать, и даже преследования инквизиции не охладили его пыла. Объединив вокруг себя единомышленников, он добился создания ордена иезуитов — одной из самых могущественных организаций в истории католической церкви — и стал его первым генералом. Не было ни одной страны, которую иезуиты ни попытались бы покорить. Предприимчивые как торговцы и храбрые как солдаты, они вели неустанную борьбу за человеческие души. Им не были ведомы никакие угрызения совести: они лгали, лицемерили, прибегали к насилию, если считали это полезным для своего дела, — и в то же время являли примеры бескорыстия и человеколюбия, несли проповедание в отдаленные уголки земли и совершали научные открытия в созданных ими университетах. Но главной своей цели — искоренения протестантизма — иезуитам достичь не удалось, и влияние ордена постепенно сошло на нет...

Генрих Бёмер (1869—1927) — профессор Боннского, Марбургского и Лейпцигского университетов.

УДК 271.5
ББК 86.375

История. География. Этнография

Генрих Бёмер

История ордена иезуитов

Редактор О. Иванов
Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 18.07.2012.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14.
Тираж 1000 экз. Заказ № 9266
ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200. г. Можайск, ул. Мира. 93

www.oaompk.ru. www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. Земля — вид сверху
Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
Владислав Петров. Три карты усатой княгини
Свен Хедин. В сердце Азии
Геннадий Коваленко. Русские и шведы от Рюрика
до Ленина
Лев Минц. Придуманные люди с острова Минданао
Бенгт Янгфельдт. От варягов до Нобеля
Олег Ивик. История человеческих жертвоприношений
Анна Мурадова. Кельты анфас и в профиль
Даниэль Клугер. Тайна капитана Немо
Валерий Гуляев. Доколумбовы плавания в Америку
Светлана Плетнева. Половцы
Ким Малаховский. Пираты британской короны
Фрэнсис Дрейк и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. Крымская война
Валерий Гуляев. Загадки индейских цивилизаций
Олег Ивик. Женщины-воины: от амазонок до куноити
Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
Яков Свет. За кормой сто тысяч ли
Лев Минц. Блистательный Химьяр и плиссировка юбок
Аксель Одельберг. Невыдуманные приключения
Свена Хедина
Гомбожаб Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета

Никита Кривцов. Сейшелы — осколки трех континентов
Олег Ивик. История сексуальных запретов и предписаний
Виктор Бердинских. Речи немых
Светлана Федорова. Русская Америка:
от первых поселений до продажи Аляски
Стаффан Скотт. Династия Бернадотов: короли, принцы
и прочие...
Геннадий Левицкий. Самые богатые люди Древнего мира
Георгий Вернадский. Монголы и Русь
Наталья Пушкарева. Частная жизнь женщины
в Древней Руси и Московии: невеста, жена,
любовница
Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон
исторический
Олег Ивик. История и зоология мифических животных
Лев Карсавин. Монашество в Средние века
Владислав Петров. Древняя история смерти
Олег Ивик. Еда Древнего мира
Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины
XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Генрих Бёмер
История
ордена иезуитов

Эта книга рассказывает о том, как испанский рыцарь Игнатий Лойола, не всегда склонный к благочестию, вдруг предался аскезе, начал проповедовать, и даже преследования инквизиции не охладили его пыла. Объединив вокруг себя единомышленников, он добился создания ордена иезуитов — одной из самых могущественных организаций в истории католической церкви — и стал его первым генералом. Иезуитам не были ведомы угрызения совести: предприимчивые как торговцы и храбрые как солдаты, они лгали, лицемерили и прибегали к насилию, если считали это полезным для своего дела, — и в то же время являли примеры бескорыстия и человеколюбия, несли просвещение в отдаленные уголки земли и совершали научные открытия в созданных ими университетах. Но главной своей цели — искоренения протестантизма — иезуитам достичь не удалось, и постепенно орден потерял свое влияние.

Генрих Бёмер (1869–1927) — профессор Боннского, Марбургского и Лейпцигского университетов.

ISBN 978-5-91678-157-1

9 785916 781571